Серж Тион

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА
ИЛИ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАВДА?

Дело профессора Фориссона. Спор о газовых камерах.

Издательство "Ла Вьей Топ", Париж 1980.
Издательство АААРГХ – Интернет - 2005

Содержание.

Часть I. Не только "почему?" но и "как?"

"В делах истины не бывает нечистых источников"
Пьер Видаль-Наке.
"Бюллетень информации о Камбодже",
июнь 1978, № 3, стр. 12.

Перед нами человек, который утверждает, будто газовые камеры в немецких концлагерях никогда не существовали, что они, в сущности, представляют собой миф, рожденный ужасами войны. Какой скандал! Говорят, этот человек либо сумасшедший, либо испытывает ностальгию по нацизму. В том, что сумасшедшие несут бред, а нацисты пытаются обелить гитлеровскую Германию, нет ничего ненормального. Было бы удивительно, если бы они поступали наоборот. С одной стороны, сумасшедших становится все больше, - говорят, их рождает современная жизнь. С другой стороны, нацисты и другие пустые головы из крайне правых никогда не переставали мечтать о тысячелетнем Рейхе. Если мне не изменяет память, их влияние серьезно уменьшилось со времени окончания войны в Алжире и ликвидации ОАС. Куда ни отнести вышеупомянутого человека и его провокационные утверждения, его случай кажется ясным и не заслуживающим ни малейшего интереса.

Но - странное дело: различные факты накапливаются, обретают неожиданные масштабы и захватывают прессу, несмотря на постоянно выражаемое пожелание перестать об этом говорить. Министры дают свои комментарии, парламентарии взывают к правительству, а один из них, из партии Жискар д'Эстена, потребовал даже ввести во Франции по примеру ФРГ запрет на профессии для "экстремистов". С октября 1978 года пресса не занимается больше самоцензурой, потому что произошли волнения во 2-м Лионском университете, потому что осыпаемый оскорблениями обвиняемый отбивается и бомбардирует письмами газеты, требуя предоставить ему право на ответ, потому что происходит обмен информацией, о деле говорят за границей и, наконец, потому что антирасистские движения во главе с ЛИКА решили уничтожить дерзкого, устроив над ним суд по обвинению, что довольно необычно для французской юриспруденции, в "умышленном искажении Истории". Отметим для себя эту большую букву И и посмотрим, как органы юстиции будут разбираться с историей в такой ипостаси.

Еще до того, как это было напечатано в газетах, по городу ходили слухи, что идеи этого самого Фориссона неприемлемы, потому что он нацист или пронацист и антисемит. После того, как он отверг оба обвинения и выиграл дело о клевете против газеты "Матэн

де Пари", его хулители ничуть не изменили свои убеждения, основанные не столько на том, что он говорит, сколько на подозрительных намерениях, которые ему приписывают. Следует откровенно сказать, что эти обвинения в намерениях не делают чести цензорам, но вопрос не в этом. Конечно, можно называть Фориссона правым или, что будет более точно, - правым анархистом, но следует также вспомнить, что его ученики и многие из его коллег до того, как стало раскручиваться это дело, считали его скорее левым. В любом случае это одинокий человек. Что же касается его политических взглядов в той мере, в какой они мне известны, я не нахожу в них ничего привлекательного кроме отказа от интеллектуальных табу и склонности, которую я разделяю, становиться на сторону побежденных. Этого недостаточно, по моему мнению, для обоснования поли тической морали, но это хорошая вакцина против иллюзий власти.

Но что следует самым энергичным образом отвергнуть, это идею, будто любые аргументы политического противника нужно автоматически считать ложными. Я знаю правых, способных при случае рассуждать вполне толково, и левых, которые говорят такие возмутительные вещи, что кровь стынет в жилах. Ни те, ни другие факты, взятые сами по себе, не способны заставить ни меня, ни кого-либо другого изменить политические убеждения. Но они могут меня коечему научить и заставить меня изменить мое мнение по какому-то конкретному вопросу, причем я истолкую их по-своему.

Так что нельзя довольствоваться провозглашением свободы слова для наших врагов, даже если это враги свободы, столь же важной для них, как и для нас, потому что эта свобода неделима; нужно также настаивать на их праве быть понятыми, на праве истолковывать их слова, не навлекая на себя идиотских обвинений в соучастии. Некоторые мои друзья и я сам знали некогда, что во Фронте национального освобождения Алжира происходит внутренняя борьба, сопровождаемая кровавыми чистками, убийствами, актами произвола, пытками и т. д. Эти подробности рассказывала, прежде всего, крайне правая пресса, а до нас доходило лишь приглушенное эхо. Мы считали эти факты прискорбными, но это не мешало нам продолжать выражать свою солидарность с алжирскими борцами за независимость, потому что мы хотели, чтобы Алжир снова стал алжирским. В те времена Жансон и прочие говорили, что в Алжире происходит социалистическая революция. Что было лучше: убаюкивать себя этими смешными иллюзиями или, признавая, что фашистская пресса пишет правду, продолжать сознательную борьбу, зная, что у нее есть пределы?

И наоборот: следовало ли несколько лет спустя принимать на веру маоистские пропагандистские фальшивки, потому что они исходили от левых? Признаем задним числом, что накануне окончания войны в Камбодже только американская разведка сообщала,

что Красные кхмеры осуществляют массовую депортацию населения, что в ряде районов они правят с крайней жестокостью и происходят военные стычки между ними и Вьетконгом. Признаем, что ЦРУ сообщало правдивые факты, а мы были неправы, видя тогда в этих сообщениях одну лишь пропаганду, цель которой - заставить нас оправдать американскую агрессию со всей цепной реакцией жестокостей, которую она повлекла за собой. Можно перечислять подобные примеры до бесконечности.

Незачем проливать слезы невинности, подвергаясь насмешкам враждебной прессы, и продавать по хорошей цене жалостливые рассказы о своей былой наивности. Всегда были и будут гангстеры, которые становятся стукачами, сталинисты, перебегающие к Шираку, и маоисты, прикормленные Шираком. Есть даже изощренные ренегаты, которые заявляют о своей якобы симпатии к Красным кхмерам лишь затем, чтобы потом еще более громко обличать якобы совершенные теми преступления. Подобные люди, когда они выходят из одного заблуждения, впадают в другое.

Фориссон, на мой взгляд, - человек правых воззрений. Но то, что он думает о политическом значении своих выступлений, нас мало интересует. У нас нет ни малейшего повода обсуждать его намерения. Но его утверждения касаются фактов и реалий недалекого прошлого. Конечно, когда кто-либо более или менее квалифицированно пишет что угодно на любой сюжет, это событие банальное. Вам достаточно быть немного знакомым с вопросом или обладать соответствующим жизненным опытом, чтобы отдавать себе отчет в том, что газетные полосы и книжные полки заполнены всякими вымыслами, внешне ничем не отличающимися от серьезных, заслуживающих уважение работ. Ужасная трагедия депортации это сюжет, благоприятствующий возникновению всякого рода легенд, которые распознать сразу могут только бывшие депортированные. Для нас это трудно.

Утверждение, будто газовых камер не было, сразу же заставляет вспомнить об этом "чем угодно", о том кетчупе из нелепостей, которым в наше время приправляют все духовные блюда. Появление этого скандального персонажа к тому же совпало с другим событием, имевшим явный оттенок буффонады: с интервью Даркье де Пельпуа, старым осколком вишистского режима, ярым антисемитом, с которым легко было смешать нашего неудобного героя. Что газеты, в большинстве своем, не преминули сделать.

Перед лицом столь хилых противников, отрицающих реальность, возникло трогательное единодушие в национальном масштабе. Министры, парламентарии, издатели всех мастей заподозрили новые поколения в том, что они не знают прошлое и, может быть, даже им на него наплевать. Спешно пустили в ход американскую драму "Холокост". В газете "Монд" 21 февраля 1979 года

была задействована тяжелая артиллерия в виде торжественного заявления, подписанного 34 нашими самыми известными историками. После напоминания о гитлеровской политике массового уничтожения евреев, об общеизвестных фактах, это заявление венчал следующий абзац:

"Последнее замечание. Каждый волен толковать такое явление, как гитлеровский геноцид, в соответствии со своей философией. Каждый волен сравнивать его с другими массовыми убийствами, прошлыми, современными или будущими; каждый волен воображать, будто эти ужасные факты не имели места. Но они, к сожалению, имели место, и никто не может их отрицать, не нанося ущерба истине. Не следует задавать вопрос, как технически были возможны подобные массовые убийства. Они были технически возможны, потому что они были. Такова обязательная отправная точка для любого исторического исследования на эту тему. С учетом этой истины, мы должны просто напомнить: нет и не может быть споров о существовании газовых камер".

Это заявление меня поразило. Вот где зарыта собака: профессиональные историки говорят, что нельзя задавать вопрос, как могло произойти событие, по той причине, что, будучи убежденным в его реальности, историк не желает ставить его под сомнение. Это нетерпимое ограничение, которое никто из них не примет в расчет при своих собственных исследованиях, в своей исторической области. У меня даже закружилась голова при мысли, о каком же историческом событии какого бы то ни было характера (экономическом, военном, культурном, социальном, психологическом и т. д.) я могу составить истинное представление, не задав себе в тот или иной момент вопрос о том, каким техническим способом оно происходило, не только "почему?" но и "как?". Я очень хорошо понимаю, почему известные историки подписали этот текст (в то время как другие, тоже известные историки не подписали, а настоящие специалисты по этой проблеме в большинстве своем также воздержались). Они сделали это из интеллектуальной и политической солидарности, а не в силу своей действительной компетентности, потому что все они работают в очень разных областях, Но что показалось мне особенно поразительным, это то, что совершая данный политический акт - запрещая любые споры о существовании газовых камер - эти историки сочинили текст, который ограничивает область исследований тем, что достигнуто предыдущим поколением. Для меня, поскольку я кое-что сделал в этой области, подобный диктат был недопустим.

Мне возражали, что замысел состоял не в том, чтобы все запретить, что формулировки текста, несомненно, неудачны и двусмысленны, но я сужу о нем слишком строго. Авторы хотели просто сказать, что факты - политика истребления, массовое использование

газовых камер - известны, что многочисленные убедительные доказательства имеются в распоряжении публики и что нелепо отрицать очевидное. Мне напомнили писания, которые ставят под сомнение физическое существование Иисуса, Жанны д'Арк, Наполеона и т. д. Я нашел эту аналогию забавной, но не более того. Мне сказали в итоге, что не нужно беспокоиться и вмешиваться в спор о существовании газовых камер. Но противоречивое впечатление осталось. Если бы я написал, что генерал де Голль никогда не существовал, вряд ли "Монд" посвятил бы несколько страниц для опровержения этого тезиса. Если бы мне сказали, что у исторических споров есть пределы, я бы согласился. Действительно, есть утверждения, о которых не стоит спорить. В Академию наук до сих пор часто поступают записки с решением квадратуры круга, но Академия давно и правильно решила их больше не рассматривать.

Но ясны ли основные данные для всех, изучены ли они исчерпывающим образом и можно ли считать дискуссию об установлении фактов доведенной до конца? Пусть так, но после этого начинаются толкования, изучение аргументов, их отбрасывание или принятие по ясным причинам, например, в результате анализа совместимости с контекстом.

Дебаты, которые имели место в "Монде", не были дискуссией в собственном смысле слова (за частичным исключением двух статей Дж. Уэллерса). Заявление историков определило ее направление: вот изложение фактов в том виде, в каком они скреплены нашей подписью; что же касается предмета дебатов, то он не подлежит обсуждению, поскольку, будучи исключенным из нашего толкования, он не существует. Трудность ответа Фориссону (чего ожидали некоторые читатели) была ловко преодолена, поскольку было сказано, что для него нет места (чего ожидали некоторые другие читатели). Неудивительно, что конец заявления историков был столь неуклюжим и двусмысленным. Если бы он не был таким, пришлось бы выбирать одну из двух позиций, в равной степени грубых: либо "все это идиотизм, потому что не согласуется с нашим толкованием", либо "это нам мешает, возмущает нас по личным причинам, затрагивает то, о чем говорить нельзя; мы не можем вести дебаты на тему, которая оскорбляет наши самые священные чувства".

К первому выводу я еще вернусь и подвергну его критике. Что же касается второго, то я осознаю, что эта тема может вызвать вполне понятные эмоции. Замечу, кстати, что самые живые эмоции выражают те, кто не был жертвой депортации. Бывшие депортированные, которых я знаю, понимают, что им известны лишь частичные аспекты депортации, и не всегда узнают себя в сочинениях на эту тему. Я хотел бы вернуться к этому второму выводу, подразумеваемому заявлением историков, потому что он ставит авторов в трудное положение. Они вынуждены долго

объяснять, что не хотят говорить на эту тему, по крайней мере, способом, отклоняющимся от ортодоксального. Они предпочитают хранить молчание, презрительно игнорируя эту тему. Я понимаю их позицию и могу даже ее одобрить. Я не вижу, во имя чего нужно ввязываться в споры по всем проблемам, которые приносит с собой ветер времени. Можно оставаться при своих взглядах и вежливо отказываться от дебатов, которые считаешь бесполезными или воспринимаешь болезненно. Но если решаешь вмешаться и победить в споре, то нужно быть готовым объясниться перед всеми, выдерживать критические уколы.

Резюмируя свое понимание смысла этого дела, один из подписантов заявления сказал мне: "Те, кто метит в то, что евреи считают самым святым, - антисемиты". Это был намек на то, что теперь называют термином, заимствованным из еврейских ритуалов, - "холокост". Понятно, что такое заявление совершенно неприемлемо. У каждого может быть что-то святое. Но он не может навязывать это святое другим в качестве предмета веры. Для материалиста святое это лишь одна из ментальных категорий наряду с прочими и он может даже проследить ее историческую эволюцию. Нельзя заставлять делать реверансы перед всеми многообразными святынями всех человеческих верований. Но их нельзя и сортировать. Для меня достаточно уважения к личности во плоти, к ее материальной и моральной свободе. В тот момент, когда последней модой становится возврат к религии, когда проповеди аятолл весело смешивают с "иудео-христианскими" рассуждениями первого попавшегося подростка, не грех напомнить, что никакая вера не заслуживает уважения сама по себе. Каждый пусть разбирается сам со своими и чужими верованиями. "Ни бога, ни хозяина". Такой лозунг можно провозгласить, по крайней мере, в светском обществе. Идолопоклонникам надо предоставить свободу не слушать ниспровергателей идолов. Мне могут возразить, что от отсутствия уважения к святыням других до запрета чужих верований лишь один шаг, который можно быстро сделать. Но в действительности идолов низвергают лишь затем, чтобы заменить их фетишами, и мы видели, как революции заполняли к своей выгоде священные формы, которые они до того пытались лишить содержания. Все говорят, что человек - верующий по природе, и я, может быть, тоже, потому что я верю, что человек не должен быть верующим.

Чтобы вокруг феномена нацизма не сохранялась священная аура, есть и другая причина: время идет для тех, кто вступает теперь в зрелый возраст, война в Алжире почти столь же далека, как и война 1914 года. Тем не менее, мы видим молодых людей, трепещущих от желания подражать предкам, 11 ноября у наших грустных памятников павшим. Вторая мировая война также отодвигается в допотопные времена. Восприятие уже не то, и повторение

послевоенных речей становится банальностью. Мода "ретро" это, прежде всего, мода "трансфо". Эффект показа телефильма "Холокост" был двусмысленным.

Я читал в газетах рецензию на одну недавно вышедшую немецкую книгу о Гитлере:

> "Молодые немцы, родившиеся после войны, испытывают по отношению к нацистской политике смешанные чувства. Непонимание и потрясение масштабами ужасных преступлений, совершенных нацистами, и снова поставленных на повестку дня передачей по телевидению сериала "Холокост" сочетаются с нетерпением и со все меньше скрываемым раздражением, вызванным молчаливым чувством вины старшего поколения. Молодежь не хочет больше разделять это чувство, и возникает отстраненный, холодный, без комплексов, интерес к историческому периоду, известному молодежи, большей частью, с плохой стороны, но с которым она не может себя не соотносить. Это интерес к истории".
>
> "Одного осуждения больше недостаточно. Если не считать ничтожного меньшинства неисправимых, дело решено. Но необходимы информация и анализ, чтобы понять, что произошло, и, прежде всего, как это могло произойти.

Эти новые вопросы, которые задают молодые немцы, не успокаивают страхи тех, кто опасается движения окольным путем к реабилитации:

> "Осуждение Гитлера в целом не подвергается сомнению этой частью молодежи, равнодушной и нонконформистской, наоборот, оно становится более убедительным. Это результат не простого высказывания тезисов, а анализа и оценки, которые не замазывают ни одного из противоречивых аспектов, ни одного из видимых несоответствий и которые прослеживают поэтапно жизнь и, прежде всего, общественную деятельность Гитлера и предлагают толкования и объяснения того, что во многих отношениях еще остается загадочным".

Я запомнил эту последнюю фразу и заголовок статьи "Принимать Гитлера всерьез" ("Ле Монд диманш", 7 октября 1979. Рецензия на книгу Себастьяна Хаффнера "Заметки о Гитлере". Мюнхен, Киндлер, 1978). Это сочинение, которое как будто принимает историю всерьез, написано не автором ревизионистской школы, к которой принадлежит Фориссон. Но этот автор заботится о соблюдении дистанции, о взгляде на историю с расстояния. Именно это имеют в виду, когда говорят: "История рассудит". Налицо смутное чувство изменения статуса прошлого со стороны

интеллектуалов и политиков, бунтующих против той эволюции, которая их поглощает. Время действий, как их самих, так и их близких, живых и мертвых, еще долго вибрирует в сознании после того, как пыль покрыла их следы, невидимые другим, которых увлекает будущее. Мне тоже знакомо это чувство, и я не могу без головокружения смотреть на то, сколько воды утекло с тех пор, когда я принимал участие в событиях, и к чему привели эти события. И память видоизменяет и урезывает их.

Это отступление не будет закончено без ответа на второе возражение об особой судьбе евреев, прежде всего, в период нацизма. То, что священно для других, не священно для них, потому что они - уникальный феномен, и все остальное человечество в долгу перед еврейским народом. Здесь следует сказать, что судьбы всех людей и групп людей уникальны, и особенности одних остаются тайной для других. Что касается лично меня, то я не знаю иной родины, кроме архипелага друзей и знакомых. На разных континентах каждый человек имеет свою особую ценность. То общее, что позволяет сравнивать их друг с другом, не имеет большого значения. Реальную схему наших жизненных скитаний рисуют наши особенности, богатые, смешанные, наложенные друг на друга, непередаваемые. Я не знаю, слава это или несчастье, быть евреем, зулусом, меланезийцем или мнонгом, являющими собой пределы разнообразия. Я не люблю этих обобщений, которые взвешивают вас, словно какой-то снаряд 75 калибра. Мы все стали слишком подозрительными и разрозненными, чтобы поддерживать эти старые химеры: вы то, а я - это...

Только обращаясь к теологии, открыто или нет, еще можно обособить какую-то одну группу и приписать ей исключительную роль. Мы видим, как идеология, основанная на понятии избранности, предрасполагает к утверждению своей неизбывной особенности. Но любая человеческая группа может играть в свою собственную теофанию во имя отличия ото всех других. Можно выбрать одну, можно другую. Никто не будет отрицать, что колебания испытывает каждый, прежде чем сказать что-то о евреях, сионизме или Израиле, если на это заранее не получено разрешение. Чтобы слушать, нужно знать, откуда исходят слова. Если нет санкции, любое выступление на эту тему вызывает подозрения. Бывает так, что критика сионизма или каких-либо еврейских учреждений евреем допускается, а в устах гоя становится неприемлемой. Из словаря левых давно уже изгнан сам термин "еврей". Чтобы получить разрешение на выступление, затрагивающее в каком-то аспекте еврейство, нужно принять идею виновности, т. е. перенести вину с настоящих виновных (нацистов, их сторонников и антисемитов) на тех, кто не виновен, но должен принять вину на себя, потому что является членом сообщества, породившего виновных. Главной точкой отсчета, проходным словом и

символом является Освенцим. Откройте любую газету, и вы найдете упоминание об Освенциме в любом контексте. Этим все сказано.

И, разумеется, этим не сказано ничего. Что произойдет, если я, отказываясь, по своему обычаю, от того, что считаю простой условностью, займусь изучением того, чем в действительности была эта унылая равнина, попытаюсь понять, как сооружалось это громадное промышленное и политическое предприятие? Если за символом я буду искать факты, к которым попытаюсь применить тот же метод, что и в других случаях? Неужели я холодное чудовище, способное рационально рассуждать при виде невыносимых ужасов?

Я знаю, что бывают вещи, для которых нет слов. Я видел однажды в Дананге, во Вьетнаме, бравых американских солдат, которые укладывали в ряды двести трупов крестьян, сожженных напалмом предыдущей ночью. Я был в толпе вьетнамцев и тупо смотрел на все это. Американцы веселились и делали снимки, чтобы послать их домой. Как рассказать об этом? Пусть эти видения исчезнут в туманах былых страстей. Пусть те, кто захочет, рационально объяснят, почему и как это происходило. Другие же найдут в себе силы отделить эмоции от анализирующего разума: я их понимаю, но предпочел бы, чтобы они отдыхали. Я не жду от них ответов. Потому что речь идет о том, чтобы сделать данное событие "банальным", употребляя чертовски современное слово, т. е. применить к нему единообразные правила суждения, такие же, как и во всех других случаях. Но историк всегда будет шокировать свидетеля, потому что он делает банальным уникальный опыт того, кто прошел через это.

Нужно рассказать молодым поколениям, что произошло, чтобы это никогда не повторилось, нужно рассказать им правду в той степени, в какой только можно к ней приблизиться, очистив картину депортации ото всех наслоившихся на нее мифов и дать как можно более ясные ответы на все вопросы, которые будут поставлены. Разумеется, нужно уважать чувства тех, кто пострадал. Всякое возмущение, исключительной причиной которого не является поиск истины, включая сомнительные случаи, преследует политическую цель и ориентировано, прежде всего, на настоящее, а не на прошлое. Недопустимо в полемике злоупотреблять страданиями других. В настоящий момент, я вынужден констатировать, что этот политический аспект начинает преобладать. И я задаю себе вопрос: не лучше ли переждать этот момент, чтобы поставить потом проблему существования газовых камер в свете исторических фактов?

I. Исторический аспект

Есть один, на мой взгляд, очень простой мотив, который никто не будет оспаривать: были и остаются серьезные разногласия между свидетелями, депортированными, нацистами, которых обвиняли трибуналы союзников, и историками, пытающимися синтезировать историю депортации в том, что касается местонахождения, функционирования и даже самого существования некоторых газовых камер.

Представление об этом можно составить, прочтя три страницы (из 667), которые Ольга Вормсер-Миго посвящает "проблеме газовых камер" в своей книге "Система нацистских концлагерей. 1933-45" (Париж, 1968). Она пишет только о Маутхаузене и Равенсбрюке и при этом отмечает, что свидетельства противоречат друг другу, что многие из них изобилуют неправдоподобными деталями и что коменданты лагерей "преувеличивали ужасы" (стр. 540) во время судов над ними и в своих "признаниях" (кавычки О. В-М), которые кажутся "очень странными" (стр. 543-544). Говоря о свидетельствах, помещающих газовые камеры в Маутхаузен и Ораниенбург, она относит эти утверждения к числу "мифов". Что касается Равенсбрюка, где газовая камера якобы находилась в "деревянном бараке" (по словам Мари-Клод Вайян-Кутюрье), то "следует отметить, что заявления о существовании газовых камер в Равенсбрюке относятся к февралю 1945 года, когда туда прибыли эвакуированные из Освенцима" (стр. 544).

Эта книга болезненно взволновала Жермену Тийон, известного этнолога, которая сама была депортирована в Равенсбрюк за участие в Сопротивлении. С первых дней своего пребывания в лагере и после освобождения она собирала все данные, какие могла, о депортированных и о функционировании этого лагеря. В результате кропотливой работы, выполненной по научной методике, ей удалось восстановить значительную часть истории этого женского лагеря ("Равенсбрюк", Ле Сей, Париж, 1973). Она показала, например, что некоторые воспоминания совершенно не соответствуют действительности, что события в них смещены во времени и пространстве. Она пишет, что существование газовых камер не вызывало сомнения ни у кого, в том числе и у лагерных эсэсовцев во время суда над ними, хотя не было представлено никаких бесспорных доказательств. Газовых камер нет даже на детальном плане лагеря (с. 272-273). Понятно, что она и не думала доказывать то, что казалось ей очевидным.

Однако профессиональные историки сгруппировались на другой стороне и сочли эти газовые камеры мифическими. Это вносит смущение. Если пойти немного дальше, можно заметить, что есть зарегистрированные в Нюрнберге свидетельства о газовых камерах, которые большинство историков, в том числе и весьма враждебно относящиеся к идее, будто газовые камеры не существовали, не считает больше сегодня существовавшими. Директор официального Института современной истории в Мюнхене написал в 1960 году, что не было никакого "массового уничтожения евреев с помощью газа" на территории "старого Рейха" (Германии), но оно имело место на территории оккупированной Польши, а именно, в Освенциме-Бжезинке, Собиборе, Треблинке, Хелмно и Бельзеце ("Ди Цайт", 19 августа 1960 г.). Я полагаю, что по этому пункту между историками достигнут консенсус. Некоторые возражают, что это заявление не исключает "не массовые" убийства с помощью газа или убийства неевреев, как в Дахау, где евреев было мало. Но письмо Брошата имеет заголовок "Никаких убийств газом в Дахау" и является ответом на статью, появившуюся перед этим в той же газете.

Если принять тезис, согласно которому газовые камеры имелись только на польской территории, надо будет исключить из каталога нацистских зверств якобы совершенные в Дахау, Штрутхофе (в Эльзасе), Равенсбрюке, Маутхаузене - Хартхайме и многих других лагерях. Давид Руссе на первых страницах своей книги "Дни нашей смерти" говорит о газовой камере в Бухенвальде, хотя никто другой не утверждает, что они там были. Могут возразить, что это роман, и в нем соединены в одном месте события, в действительности происходившие в разных местах, но, мне кажется, это место не следовало называть Бухенвальдом во избежание ненужной путаницы. Что же касается лагеря в Дахау, то власти вынуждены были позже прикрепить к т. н. газовой камере табличку с уточнением, что она никогда не использовалась. Однако Жермена Тийон ссылается на доклад Альбера Фрибура, инженера-химика, капитана и члена французской военной миссии при американской армии, который посетил Дахау через 6 дней после освобождения этого лагеря в апреле 1945 года (стр. 249-251). Он утверждает, что эта камера использовалась.

Кому же верить? Как несведущий человек может разобраться в этих документах, столь убедительных на первый взгляд, но утверждающих совершенно противоположные вещи? Может ли он положиться на эти "данные из вторых рук, требующие от их авторов много терпения и времени, потому что, чтобы не затеряться в этом кровавом ворохе хлама, нужно расшифровать бесчисленное количество невероятно скучных бумажек, самые важные из которых фальсифицированы" (Жермена Тийон, цит. соч. стр. 6)? В какой лабиринт мы попали? Все авторы говорят, что имеются фальсификации, но не уточняют, какие именно. Чтобы судить о наших

сведениях об этом ужасном периоде, столь близком и столь далеком, можно сослаться на одного из тех, кто больше всего работал над этой темой, на Леона Полякова и его новое предисловие к его переизданной в 1974 году классической книге "Катехизис ненависти" (первое издание - 1951):

"Приходится констатировать довольно странную ситуацию. С одной стороны, гитлеровский геноцид стал одним из великих мифов современного мира, сегодня еще более неотделимым от занятия определенной политической и этической позиции по отношению к евреям, мифом, к которому разным образом обращаются церкви и главы государств, бунтующие парижские студенты, моралисты и писатели. С другой стороны, несмотря на постоянный интерес широкой публики к истории Второй мировой войны, несмотря на процесс Эйхмана и на недавнее возобновление выпуска исторических работ о Гитлере, историки, преподаватели университетов и т. п. утрачивают интерес к его самому специфическому предприятию, которое сделало его имя отвратительным. Соответственно наши знания об окончательном решении еврейского вопроса за последние 25 лет продвинулись меньше, чем наши знания о Варфоломеевской ночи или древнем Египте".

"Какова причина такого намеренного умолчания со стороны исследователей в сочетании со способностью общества забывать о прошлом? Не кроется ли за этим рассеянное чувство вины, то самое, в силу которого антисемитизм после 1945 года, будучи запрещенным, стал выступать под разными масками? Не тот ли это самый страх, который заставляет сурово его критиковать (для психолога это симптом того, что антисемитизм остается скрытым в глубине души) и в то же время не рекомендует знать, что же в действительности произошло с евреями, как действовали палачи и как они ими стали? Такова связь между непопулярностью этой темы и запретом слова, но не самого явления. Имеет место своего рода сопротивление, но спроецированное на прошлое, что можно объяснить стремлением не задерживаться на такой "дурной стороне" истории, как страдания евреев".

Не удивительно ли, что тот же самый Леон Поляков, который вроде бы выражал пожелание, чтобы появились новые, более глубокие исследования, объясняющие "как" и "почему", избавленные от этого "рассеянного чувства вины", которое мешает развивать тему, был одним из подписантов заявления 34-х и даже одним из его инициаторов? Этим новым сторонникам единомыслия не нравится, что происходят жаркие дебаты даже между авторами, точки зрения которых сходны. Они сделали своей опорой легенды, лжесвидетельства и фальсификации, которые затемняют фактическую сторону проблемы. Г-н Планше, первым подписавший заявление историков, несомненно, проявил легкомыслие, написав: "То, что газовых камер

не было во всех концлагерях, даже там, где мнимые газовые камеры показывают туристам, это факт, признанный специалистами и непосредственными свидетелями". Либо г-н Планше не знает об этих разногласиях, либо умалчивает о них.

Если тенденция современных исследований, завизированная 34-мя, которые игнорируют вышеупомянутые дебаты, заключается в том, чтобы сдвинуть на Восток эти символы массовых убийств, различая, чего никогда не делала немецкая администрация, "лагеря уничтожения" и просто "концлагеря", то совершенно неоправдано желание верить, что на этот раз документы не будут фальсифицированы, свидетели не наделают ошибок, юридические признания будут сделаны добровольно, что, наконец, будет наведен порядок в критике документации, в которой так трудно найти правду, и будет применяться метод, позволяющий различить ложные доказательства, касающиеся существования газовых камер в лагерях на Западе, и другие, часто такого же происхождения, касающиеся лагерей на Востоке. Как помешать задавать вопросы относительно того, как действовал Нюрнбергский трибунал ("Нюрнберг имел один недостаток: он был учрежден победителями, чтобы судить побежденных". Ж. П. Сартр, "Ле Монд" от 10 мая 1975 г.), устав которого предусматривал, что он "не будет связан техническими правилами представления доказательств" (стр. 19) и "не будет требовать доказательства фактов, известных общественности, но будет считать их установленными" (ст. 21)? Как избежать вопросов о ценности документации, представленной советской стороной? После освобождения Освенцима была создана чрезвычайная государственная комиссия по расследованию немецких преступлений во главе с генералом Д. Кудрявцевым, которая немедленно приступила к работе. В этот период апогея сталинизма венцом достижений советских юристов еще были московские процессы. А в Нюрнберге те же самые советские юристы успешно свалили на нацистов ответственность за убийства польских офицеров в Катыни, останки которых были обнаружены наступавшей немецкой армией. Странно, но в этом плане люди осведомленные были расположены верить представителям СССР и Польши. Антисемитизм, распространенный в этих странах, служил гарантией их честности, тогда как в случае с нацистами все было наоборот.

Помимо этих вопросов есть и многое другое, о чем нужно подумать заново. Поль Вейн говорит в своей книге "Опись различий" (Ле Сей, 1976, с. 14): "Любая историография зависит, с одной стороны, от заданной проблематики, а с другой - от документов, которыми она располагает. И если историография блокируется, это происходит либо от нехватки документов, либо от склероза проблематики. Опыт показывает, что склероз проблематики всегда наступает гораздо раньше, чем исчерпываются документы; даже

когда документов мало, дело всегда в проблемах, которые не хотят поднимать".

Мне кажется, что Поляков в приведенной выше цитате, описывает явление, похожее на "блокированную историографию". Можно подумать о причинах этой блокировки или скорее остановки историографии на уровне первых послевоенных лет. Следует вспомнить об обстановке тех лет, о монополии коммунистов и их союзников на все, что касалось войны и Сопротивления, об ужасах чисток. Перечитайте "О соломе и зерне" и "Письмо руководителям Сопротивления" Жана Поляна - он сам участник Сопротивления, но человек критического ума.

Простой человек верит, как и я долго верил, что на тему о политике геноцида, проводившейся нацистами, ему огромное количество документов и правдивой информации. "Обилие доказательств", - так озаглавил свою статью Джордж Уэллерс, специалист в этой области ("Ле Монд", 29 декабря, 1978). Франсуа Дельпеш, который сообщает нам "правду об "окончательном решении" ("Ле Монд", 8 марта, 1979), говорит о "множестве свидетельств, документов и работ всех видов". Но эту точку зрения не разделяет другой специалист, Леон Поляков: "Только кампания по уничтожению евреев остается в том, что касается ее концепции, а также других существенных аспектов, окутанной туманом. Психологические выводы и соображения, рассказы из вторых и третьих рук позволяют нам восстановить процесс развития со значительной степенью правдоподобия. Однако, некоторые детали мы не узнаем никогда. Что касается собственно концепции плана полного уничтожения евреев, то трое или четверо главных действующих лиц покончили с собой в мае 1945 года. Не осталось ни одного документа на этот счет, а может быть, они никогда и не существовали. Такова тайна, которой властелины III Рейха, сколь бы хвастливы и циничны они ни были в других случаях, окружили свое главное преступление" ("Катехизис ненависти", стр. 171). В каком другом случае мы удовлетворились бы психологическими соображениями и рассказами из третьих и четвертых рук, чтобы счесть восстановленную картину в значительной степени правдоподобной? Нет ли психологического неправдоподобия в последней процитированной фразе? Я не могу довольствоваться такого рода утверждениями. Они зиждутся на песке. Я не говорю, прав г-н Поляков или неправ, но он дает нам все поводы для того, чтобы считать гипотезами то, что он представляет нам как выводы. Эти гипотезы нужно проверить другими средствами, потому что он говорит нам, что нет документов. В это трудно поверить тому, кто знает, как функционировала немецкая административная машина.

Однако, в стороне от официальных учреждений, развилась другая школа, которую называют ревизионистской, довольно

разнородная по своему составу. Ее общая черта, как мне кажется, заключается в подчеркивании того факта, что представление о нацистской Германии, которое мы имеем, частично восходит по прямой линии к военной пропаганде союзников, пропаганде, которая обращалась с истиной не более бережно, чем пропаганда врагов, против которых союзники сражались. Никто не отрицает, что такая пропаганда существовала и что она могла заключать в себе ложь. "Свободный мир" приучил нас в связи со своими империалистическими войнами к очень эффективным кампаниям по отравлению мозгов: война в Алжире, операции ЦРУ, Индокитай - примеры можно умножать до бесконечности. Каждый это знает, но, может быть, не осознает, что эффект пропаганды никогда полностью не рассеивается после вызвавшего ее события. Я тоже долго пропагандировал идею, что война в Алжире унесла миллион человеческих жизней, пока недавно мои более осведомленные друзья не рассказали мне, что согласно более серьезным исследованиям реальная цифра составляет от трети до половины той, в которую я добросовестно верил, поддавшись алжирской пропаганде. Что же касается нацистской Германии, то никто, похоже, не ставит перед собой задачу, четко разграничить, где пропаганда, выдумки свидетелей и официальные измышления, а где начинается область доказуемых фактов. После Первой мировой войны такая работа была проделана, и она может послужить образцом.

Здесь не место подробно обсуждать эту тему. Я не специалист по истории Германии, но проблема заключается в том, что данное направление не признано, и пресса стремится его уничтожить. Дело Фориссона это своего рода прорыв ревизионистской школы, тем более внезапный и неожиданный, что ей долго мешали. Нужно ее немного знать, чтобы понять, за что ее критикует историк Ф. Дельпеш:

> "Все "ревизионисты" пользуются старым полемическим методом, эффективность которого известна - гиперкритическим. Его суть заключается в том, что в огромной литературе, неизбежно весьма неравной по уровню, посвященной нацистским преследованиям, выискиваются ошибки и преувеличения, которые берутся на заметку и постоянно подчеркиваются, чтобы бросить тень подозрения на все в целом".
>
> "Давно ли прошло золотое время, когда историки отвергали гиперкритицизм и считали правдивым или весьма вероятным любой факт, засвидетельствованный двумя независимыми и хорошо информированными источниками, оставляя за собой право на дальнейшую проверку? Они охотно принимали возражения при том условии, что они разумны и основаны на серьезных аргументах. Но кампания, которая пытается поставить под

сомнение реальность холокоста, это не тот случай. Трудно отвечать гиперкритикам, потому что есть риск утонуть в деталях и потерять из вида целое".

Можно, в принципе возразить, что понятие "гиперкритицизм" используется редко, потому что оно шатко и где-то противоречиво. Словарь Робера дает такое определение гиперкритицизма: "Мелочная критика, систематическая постановка под сомнение". В этом нет ничего достойного порицания. В этом смысле Декарт был гипер-критиком. Если же нам хотят сказать, что критика больше не критика, а сомнение не сомнение, потому что отрицание очевидного это не сомнение, а уверенность, тогда слово теряет смысл.

Забавно видеть, как историкам приписывается наивный образ журналистской деонтологии с этой историей о двух независимых источниках. Никто так не работает. Есть хорошие и плохие источники, хитрость заключается в том, чтобы их правильно оценить, потому что никогда нельзя быть вполне уверенным, что два источника не зависят друг от друга. Но оценим, прежде всего, "право на дальнейшую проверку". Дальнейшую - после чего? Не открывается ли здесь дверь для постановки под сомнение, если проверка задерживается или становится невозможной? Отметим также "желательность возражений, основанных на серьезных аргументах". Историк, желающий рассеять все сомнения, должен доказать, что аргументы Фориссона несерьезны, что они не выдерживают критики. Вместо этого говорится тоном окончательного приговора: "Это не тот случай", да еще с добавлением, что есть риск "утонуть в деталях". Тогда очень многих историков нужно прогнать с работы, потому что они слишком копаются в деталях. Гиперкритицизм оказывается очень ценным: он спасает рыбу от тех, кто мешает ей утонуть.

Самое невероятное для тех, кто занимается этим вопросом, это - при обилии фактов и обобщенности их представления - узость источников, словно кто-то хочет удалить множество свидетелей, которые сами не видели, но слышали от других. Поражает, что основную часть доказательств составляют признания начальников немецких лагерей перед трибуналами союзников. Представим себе на момент положение этих побежденных, судьба которых находится в руках их тюремщиков. Правда и ложь для них - лишь элементы тактики выживания, так что нельзя в их заявлениях принимать все за чистую монету. Но что оставить, а что отбросить? Нет исчерпывающих описаний всех процессов над нацистскими главарями в Германии, Польше, СССР, Франции и т. д. Не все могут работать в архивах, но в каждом может проснуться критический дух при чтении признаний Гесса, одного из комендантов Освенцима, со всеми их нестыковками и странностями, если учитывать при этом, что все это писалось в тюрьме, с помощью польского следователя, до суда и с перспективой виселицы в конце туннеля. Вот маленькое упражнение

в критике источников, доступное для всех и весьма полезное для здоровья.

Другие документы исходят от свидетелей, невольных или случайных. Наиболее известны среди них Герштейн, Кремер, Ньисли и др. Я не буду вдаваться в эту тему, скажу только, что эти показания изобилуют странностями, что хорошо известно тем авторам, которые основывают на них свои тезисы, и что объяснения, которые даются этим странностям, на мой взгляд, спорны, если бы только можно было вступить в такой спор. Но он не состоялся.

Новые элементы документального характера редки. Однако, как и предвидел американский ревизионистский автор А. Р. Бутс ("Мистификация XX века", Хисторикл Ревью Пресс, Саутхэм, 1976), американские разведслужбы хранили в своих архивах аэрофотоснимки, сделанные в 1944 году с небольшой высоты над комплексом построек в Освенциме. Аналитики из ЦРУ опубликовали ряд этих снимков для сравнения с историографическими данными, представленными польскими следственными комиссиями. Эти снимки датированы 4 апреля, 26 июня, 26 июля и 25 сентября, т. е. тем периодом, когда, по Л. Полякову (цит. соч. стр. 304), кремация осуществлялась с наибольшей интенсивностью, по 12-15 тысяч трупов в день в мае-июне и даже 22000, по свидетельству д-ра Робера Леви ("Страсбургские свидетельства", Париж, 1947, стр. 433). На этот источник ссылается Поляков. На той же странице своей книги Поляков говорит, что, согласно польским источникам, пропускная способность крематориев составляла 12000 в день, и цитирует Гесса, который называет максимальную пропускную способность 4000. И никакого комментария по поводу полного несовпадения всех этих цифр - пусть читатель сам разбирается). Фотоснимки показывают, что окрестности крематориев пустынны. Никакой толпы, никакого видимого оживления, вообще никакой активности. На одном снимке видна группа заключенных у поезда, но далеко от крематориев. К этому приложен текст: "Хотя выжившие вспоминают, что дым и пламя непрерывно вырывались из труб крематориев и были видны за километры вокруг, фотографии, которые мы исследовали, не дают никаких положительных доказательств" (Дино Бруджиони и Роберт Пуарье. Новое посещение мест Холокоста. Ретроспективный анализ комплекса Освенцим-Бжезинка. ЦРУ, Вашингтон, 1979, с. 11). Два аналитика, которые имели в руках польский текст, разумеется, ни минуты ни думали о том, чтобы поставить что-нибудь под сомнение. Они просто сопоставляли с фотоснимками ту информацию, которую имели, но любопытно, что эти снимки не дают ничего. Самое большее, что можно сказать, это то, что они не подтверждают написанное об использовании крематориев. Не будучи маньяком гиперкритицизма, могу лишь пожелать, чтобы эти противоречия не остались без внимания.

Если одни думают, что могут довольствоваться имеющимися данными, то другие убеждены, что предстоит еще многое открыть. Газета "Ле Монд" сообщила, что президент Картер назначил специальную комиссию "для сбора документов о геноциде евреев во время Второй мировой войны" во главе с Эли Визелем (бывшим заключенным Освенцима), которая послала делегацию из 44 своих членов в Польшу, СССР и Израиль, и что в Москве они встречались с бывшим советским прокурором на Нюрнбергском процессе, а ныне Генеральным прокурором СССР. "По словам Эли Визеля, их встреча с Генеральным прокурором Р. Руденко представляла наибольший интерес с учетом целей данного визита. В Советском Союзе имеются самые богатые архивы по лагерям уничтожения, так как именно советские войска освобождали Освенцим, Треблинку, Майданек и т. д. До сих пор западные исследователи не имели к ним доступа. В результате этой встречи члены американской комиссии надеются, что Советский союз откроет свои архивы" (Ле Монд, 8 августа 19179). Мы тоже на это надеемся.

II. Веяния времени, от которых время прячется

Я должен поделиться с читателями теми выводами, к которым я пришел в результате изучения этого обширного досье. Во-первых, я твердо убежден, что можно сомневаться в той картине событий, которую нам подают. Та версия истории массового уничтожения евреев, которая содержится в заявлении историков, в статье Франсуа Дельпеша, которую воспроизводит Поляков и другие бесчисленные авторы, которая основывается, в свою очередь, на поспешно составленных и не лишенных предвзятости документах Нюрнбергского военного трибунала и обрела черты всеобщего кредо, имеет, на мой взгляд, множество очень слабых мест. Внешне она выглядит как складная гипотеза, подкрепляемая выборочно истолкованными документами. При этом не учитывается, что возможны и другие, вполне разумные толкования. Эта версия оставляет слишком многие вопросы нерешенными, поэтому хладнокровные умы не могут принять ее как окончательную.

А в общем, я не знаю, были ли газовые камеры в Освенциме и других местах. Фориссон и другие полагают, что их не было. Я знаю их аргументы, знаю и противоположные мнения, но не могу решить, кто прав. Даже если поверить, что события не могли происходить так, как рассказывают сомнительные свидетели, они могли происходить иным образом, не в столь быстром ритме, не в столь большом масштабе. При современном уровне исследований я не могу решить эту проблему. Я думаю, это задача будущего поколения профессиональных историков.

Да, были депортации и огромное количество смертей. Цифры, которые нам дают, - сугубо оценочные, и расхождения между ними велики. Будучи уверенным в том, что депортированные евреи в подавляющем большинстве были уничтожены в газовых камерах, невозможно серьезно заниматься изучением вопроса, что стало с депортированными после их высылки, в глобальном масштабе. Неизвестно даже точное число депортированных. Официальный французский институт отказывается публиковать эти цифры. Сверялись ли эти данные в других странах, неизвестно. Несомненно, убийства с помощью газа имели место, но вопрос о промышленных методах массового уничтожения не изучался таким способом, который давал бы ответы на все вопросы о функционировании других промышленных предприятий, которые могут быть поставлены в ином контексте. Это я и имею в виду, когда задаю вопрос "как"? Р. Фориссон отмечает, что ни один суд никогда не назначал техни-

ческую экспертизу газовых камер. Не запрашивали мнения инженеров и химиков, как мог работать комплекс "газовая камера-крематорий", каковы технические параметры их действия. Использование цианистого водорода для дезинфекции хорошо известно; правила его использования армиями и гражданскими службами разных стран были разработаны задолго до начала Второй мировой войны. Все это совпадает с совокупностью сомнений, выходящих за пределы вопроса о существовании газовых камер. И я, и другие - мы все имеем право знать, и не надо чинить этому препятствия, навязывать исследователям предварительные условия - тогда и рассеется тот "туман", о котором говорит Поляков.

Многие мои друзья боятся. Они говорят, что даже при самых благих намерениях поднимать такого рода вопросы, значит ставить под сомнение реальность геноцида, давать аргументы в руки антисемитов и помогать правым. Те, кто больше всех заботится о моем покое, опасаются, что меня самого причислят к антисемитом.

Они правы: это тяжелая ответственность и большой риск. Что можно сделать против слухов, искажений, часто вследствие искреннего возмущения, коварства и эмоций? Я не хочу обращаться в суды, я не хочу сражаться, я не настолько уважаю клеветников, чтобы тянуть с них деньги. Я рассчитываю только на здравый смысл других людей, на то, что недоразумения можно развеять при наличии доброй воли. Я верю, что можно жить, несмотря на разногласия даже с близкими людьми. В конце концов, не так уж много людей моего политического поколения, с которыми я всегда был согласен во всем. Это дело не личное. Мои произведения говорят сами за себя. Я назову лишь два из них: "Бледная власть" (Сей, Париж, 1969) о Южной Африке и "Из куртизан в партизаны" (Галлимар, Париж, 1971) о камбоджийском кризисе. Я отвергаю идею, будто даю аргументы в руки антисемитов. Эти люди не нуждаются в аргументах. У них солидный опыт изготовления фальшивок, лжи и клеветы. Им этого достаточно.

Вот упрек в помощи правым, наоборот, заслуживает рассмотрения. Заметим для начала, что речь идет не о прямой помощи. В тот момент, когда дело Фориссона занимало первые полосы газет, министры и депутаты из партии Жискара были настроены наиболее агрессивно. С другой стороны, голлисты, вероятно, считали, что современная политическая легитимность берет свое начало от эпохи Освобождения, когда все грехи валили на Германию. Сомнительно, что они пересмотрят свои взгляды. Если пойти еще дальше направо, мы встретим петэновцев, которые тоже сваливают на Германию все грехи, чтобы лучше высветить благие намерения своего маршала. Еще остаются справа фашисты и конгломерат т. н. "новых правых". Я предоставляю другим разбираться, кто их вдохновители: волки в овечьих шкурах или просто

бывшие фашисты, которые немного остепенились. Мне кажется, это движение уходит своими корнями в гитлеризм, но единственный шанс на политический успех заключается в модернизме: нельзя объявлять себя продолжателями нацизма. Подобно тому, как генеральные штабы всегда готовятся к прошлой войне, антифашизм может сражаться только с исчезнувшими формами. Что остается? Бывшие бойцы французской дивизии СС "Карл Великий"? Другие поклонники фюрера? В политическом плане они не существуют. Это призраки, и как им ни помогай, они все равно растворятся в воздухе.

Вернемся к главной проблеме. Подвергать сомнению самое страшное из нацистских злодеяний не значит ли реабилитировать III Рейх или делать его банальным, сравнимым с другими политическими режимами? Здесь имеет место подмена: авторов, которые подвергают сомнению существование газовых камер, подозревают в намерении поставить под сомнение и все прочие, гораздо лучше известные злодеяния. Это не более чем полемический прием. Для тех, кто хочет сражаться против коричневой чумы, чтобы она никогда не вернулась, главная проблема заключается в выборе средств: либо насобирать как можно больше ужасных историй с риском навлечь на себя упреки в преувеличениях и даже выдумках, либо ограничиться неопровержимыми истинами, пусть не столь поражающими воображение, но которые никто не сможет поставить под сомнение.

Я с удивлением констатирую, что в специальной литературе нет ни одного упоминания о том, о чем я слышал тысячу раз: о мыле, которое якобы делали из еврейских трупов. Есть люди, которые видели такое мыло. Я испытываю облегчение при мысли, что эти отвратительные предметы столь же мифичны как гвозди из Св. Креста, волоски из бороды Пророка, зубы Будды, которые я тоже видел в разных местах.

Отмечу также, что один из 34 историков-подписантов, Э. Ле Руа Ладюри, принимая цифры, установленные одним советским демографом-диссидентом, который вменяет в вину сталинизму чистый дефицит в 17 млн. человек, приводит доводы в пользу такого уменьшения. Отбрасывая совсем уже фантастические и невероятные расчеты, как у Солженицына (60 миллионов), он описывает явление, помогает сделать его понятным и создает более вероятную и правдоподобную основу для суждений, для моральной и политической оценки. Никто, я думаю, не обвинит Ле Руа Ладюри в желании реабилитировать сталинизм или сделать его банальным. Речь идет об установлении неопровержимых фактов, об изучении процесса десталинизации в целом, потому что наследники Хрущева от нее отказались.

Итак, два веса, две меры? Я в это не верю. Различие в том, что Ле Руа Ладюри оперирует с цифрами советского диссидента, от которого ожидают, что он дополнит Солженицына. Тот факт, что он

снижает ходячие оценки, воспринимается как доказательство того, что его единственной заботой является истина. Утверждения ревизионистов, касающиеся газовых камер и соответственно уменьшенного числа жертв депортации, не воспринимаются как чистая забота об истине. В них видят простое орудие, недобросовестное использование пробелов в источниках или игру на предположительном характере обычно приводимых цифр. (Известно, что цифра 6 миллионов это оценка, лишенная научного характера, и ее оспаривают даже представители одной и той же исторической тенденции. Есть оценки более высокие и более низкие. Нет никаких оснований утверждать, как делают некоторые, что точную цифру мы никогда не узнаем, потому что все архивы не перерыть. Это утверждение далеко от истины). Им отказывают в доверии, потому что, уменьшая число жертв, они якобы извлекают из этого какую-то политическую выгоду, тогда как советский диссидент, делая то же самое, ее теряет. Такой подход кажется мне правильным, когда речь идет о правых, которые, действуя подпольно, пытаются подорвать почти всеобщее моральное осуждение нацизма. Вероятно, есть отдельные личности или группы, преследующие подобные двойные цели. Среди ревизионистских авторов (я уже сказал, что эта школа весьма разношерстная), есть люди, идеологически близкие к нацизму, а есть и далекие от него. Но этот вопрос должен отойти на второй план, если учесть, что критерий политической выгодности утверждения не совпадает с критерием правдивости фактов. Чтобы закончить с этим примером, замечу, что Ле Руа Ладюри не может сам проверить слова советского демографа и не претендует на это; он только пересказывает эти слова, делая оговорку, что они могут быть верными, потому что ни он, ни диссидент не извлекают из этого выгоду. Но, в сущности, мы не можем знать, верно ли сказанное. Давайте заменим ходячую оценку той, которую предлагает Ле Руа Ладюри, на базе критерия политической заинтересованности автора: она тоже ненадежна, и в конечном счете мы принимаем названную цифру за предварительную в ожидании лучшего. Нельзя делать правилом согласие с утверждением, исходя из того, что его автор не преследует никакого политического интереса. Тогда нужно отбросить как ложное любое утверждение, выражающее определенную точку зрения. Реальность гораздо более многолика, не говоря о том, что люди не всегда определяют собственные политические интересы способами, понятными для других. У меня были курьезные беседы в Алжире после завоевания им независимости с людьми, которые не понимали, почему я так резко критикую политику де Голля. Для них француз, который связывал свой политический интерес с делом алжирской независимости, это изменник Франции, достойный осуждения, как изменник Алжира.

Пропаганда рождает контр-пропаганду, и человек теряет душу, обращаясь то к одной, то к другой во имя меняющихся интересов. Для многих и для меня, правда это единственное оружие, которое не может быть обращено против того, кто его использует. Совпадает с ней политический интерес или нет, зависит от обстоятельств, выбора, политической морали.

Политический миф похож на снежный ком: чем дальше он катится, тем становится больше. Мы имеем перед глазами свежий пример. Наблюдая на месте на протяжении десяти лет ситуацию в Камбодже, я счел себя вправе написать следующее: "В начале 1977 года, первоначально в правой американской прессе, стала появляться цифра два миллиона погибших. Если внимательней изучить факты, на которых она основана, станет ясно, что она полностью сфабрикована... Эти два миллиона, запущенные американской прессой, были в готовом виде подхвачены пропагандой Ханоя, которая внезапно, без объяснений, увеличила цифру до трех миллионов. Эту цифру бесстыже воспроизвели западные СМИ (Антенн 2, Ле Монд), обычно менее склонные повторять, что говорит Ханой. Миф действенен тогда, когда он всех устраивает" ("Либерасьон", 4 октября 1979). И я добавил: "По моему мнению, не будет лишенным смысла утверждение, что с 1975 года погибло около миллиона человек, может быть, меньше, может быть, больше". Таким образом, я выступил против Лакутюра и придуманной им версии "самогеноцида", против Андре Фонтена, который заявил, что цифра три миллиона будто бы признана всеми, против Сианука, против коммунистических газет и т. д. Но 6 октября 1979 года я прочел небольшое сообщение в "Монде": "По оценке американского Госдепартамента, около 1,2 млн. камбоджийцев погибли после 1975 года вследствие войны и голода, так что население Камбоджи сократились примерно до 5,7 млн. человек".

Эта оценка уменьшена и не имеет шансов привлечь внимание газет, хотя с ней согласны специалисты по Камбодже. Она ничего не меняет в суждении о тамошнем политическом режиме. Но, может быть, она хотя бы приостановит инфляцию цифр в СМИ, тех цифр, которыми только и оперируют журналисты. 11 октября 1979 года комментатор канала Антенн 2 в передаче, посвященной Камбодже, сказал, что "два года назад камбоджийцев было 8 миллионов, а сегодня их 4 миллиона", не заметив даже, что тогда получается, что до 1977 года никто не умирал. На следующий день рекорд побил Кавада с ФР3, сказавший, что осталось 3 млн. камбоджийцев из семи. А газета "Либерасьон" написала, что осталось два миллиона. Я провел много месяцев, собирая и изучая документы, анализируя интервью, пытаясь восстановить факты, не укладывающиеся в голове, я знаю страну, людей и тяжесть ситуации, а меня принимают за идиота, колотя безумными цифрами. Когда же я протестую во имя того, что

считаю элементарной истиной, на меня смотрят подозрительно: не питаю ли я скрытых симпатий к Пол Поту?

Хотите другой свежий пример? Мелкие жулики пустили слух: "Бокасса - людоед". Люди, которые внимательно читают хорошие газеты, быстро поняли, что это газетная утка. Неважно, миф запущен: прекрасная дымовая завеса для оправдания французского военного вмешательства в Центральной Африке. Необходима анестезия общественного мнения, прежде всего, африканского.

Механизм всего этого очень прост: нагромождать подробности, которые люди, не задумываясь над ними, принимают за правду. Гитлеровцы были мастерами этой игры, но коммунисты и западные демократы тоже. Если интеллектуалы отвечают за что-то в этом презренном мире, то за разрушение, а не за консолидацию. Трудный, часто вызывающий отвращение, иногда безнадежный поиск истины не нужен ни одной из политических сил, которые основывают свое господство на невежестве и лжи. И если будут открыты несколько неприятных истин в истории 40-х годов, то будет лучше, если их используют правые или левые? А если ничего не найдут, если, вскрыв гнойник, мы окажемся при тех же выводах, что в силе теперь, то что мы потеряем?

Многие, в конечном счете, соглашаются с тем, что только что было сказано. Их последнее возражение: сейчас не время ставить такие проблемы, антисемитизм поднимает голову, посмотрите, какие книги выходят, какие листовки распространяются; имеют место даже покушения. Я отвечаю, что нужно сохранять спокойствие, что сегодня не происходит ничего, что не происходило бы и вчера, что в еврейской общине наблюдается беспокойство, но поводы для беспокойства есть везде. Идея о том, что антисемитизм поднимает голову, постоянно муссируется после войны: не было периода, когда бы говорили, что он ее опускает. Значит, эта идея ложная. Ждать исчезновения антисемитизма придется до греческих календ. Не следует строить иллюзий: вопрос о существовании газовых камер уже неоднократно ставился на протяжении 20 лет и будет стоять, независимо от того, будут им заниматься или нет. Появляются все новые статьи и книги, а ответ один и тот же: вопроса нет. В Германии он под запретом и те, кто о нем пишет, подвергаются санкциям. Это очень близорукая тактика, которая не предвещает ничего хорошего. Подавление в данном случае неуместно. Однако часть левых считает, что так и надо. У меня другие предложения:

1) Прекратить судебные преследования Фориссона (и других). Суды не в состоянии решить никаких проблем. Более того, я считаю бесчестным нападать на человека только потому, что его мнения кого-то шокируют. Прятаться за закон очень легко, но также глупо. Я вспоминаю, как Народный фронт голосовал за запрет фашистской пропаганды, и как правые пользовались законом во время войны в

Алжире и используют его и теперь против тех, кто их критикует или просто мешает их политике (примеры - дела Алаты, Монго Бети и других, запрет книг, описывающих изнанку африканских диктатур "друзей" Франции).

2). Открыть историко-технические дебаты. Начать надо, несомненно, с изучения аргументов Фориссона и ревизионистов, не опасаясь "утонуть в деталях". В деталях вся суть! Желательно, чтобы коллектив историков впрягся в решение этой задачи. Место и форму дебатов пусть определят те, кто захочет в них участвовать.

3) Необходимо найти средства увеличить число источников. Нужно организовать консультации и технические экспертизы. Кроме того, остаются архивы, которые еще не использовались, в частности, немецкие архивы - нужно составить их опись в США, Франции и, прежде всего, в Советском Союзе. Я не считаю бесполезным обращение к правительствам, чтобы они в ходе своих переговоров с советской стороной добивались доступа к архивам в обмен на предоставление преимуществ.

4) Сделать широко известными результаты этих исследований, избегая придания им характера официальной истины. Важно, чтобы этими делами занимались честные люди, без вмешательства общественных и политических властей, профсоюзов, религиозных организаций и т. д.

Может быть, я требую слишком много. Но мне кажется, это минимум того, что можно сделать.

14 октября 1979 г.

Часть 2

Досье дела Фориссона

"Концепция будущего общества, которая не предусматривает средств для свободной возможности оспаривания, сколь бы радикальным оно ни было, была бы благоприятной для развития новых форм репрессивного государства".
Пьер Видаль-Наке. Пытки при республике.

"Учитывая, что газовые камеры существовали, самый факт помещения в газете статьи, автор которой ставит под сомнение их существование, представляет собой покушение на общественную нравственность"
Лионский полицейский суд. 27 июня 1979.

"Первое поколение прав человека родилось в 1789 году (политические права), второе - в 1946 году (социальные права), третье рождается сегодня (право знать)".
Пьер Друэн "Ле Монд", 20 сентября 1979.

"Справедливость не имеет привычки спать с победителями" (Софокл).

"Я подозреваю, что правда находится в опасности в мире, в котором заблуждение столь легко наваливает для своей защиты кучу открытых писем под авторитетом Сорбонны и лживых сплетен".
Жан Полан. О соломе и зерне.

"Во времена исторических кризисов их участники, если бы у них было время и желание наблюдать, почувствовали бы, что события их обгоняют; если они не одурачены официальными объяснениями, им не остается ничего, кроме как удивляться post factum, как их во все это втянули; чаще же они верят всему, что говорят их теологи; эта версия на завтра становится исторической истиной".

Поль Вейн. Как пишется история.

"Французское общество хрупко, потому что оно боится истин, которые ранят или просто мешают. В военные времена промывание мозгов достигает у нас такой степени, что англо-саксы изумляются. А в мирные?"

Жак. Фове. "Ле Монд" 6 ноября 1979.

Глава I. Читали ли Фориссона те, кто его критикует?

Робер Фориссон еще не был профессором литературы, когда вокруг него разразился первый скандал. В наши унылые времена, в 1961 году, на французской литературной сцене, в прошлом столь блиставшей смелой полемикой, появилась статья Р. Фориссона, посвященная толкованию сонета "Гласные" Рембо. Автор статьи предлагал свою дешифровку этого знаменитого сонета, доказывая, что он на самом деле имеет эротический характер и описывает тело женщины во время совокупления.

В эпоху, когда война в Алжире казалась вечной, когда алжирцы на улицах и в предместьях Парижа становились жертвами полицейского и народного насилия, когда полицейские патрули не выходили на улицу без автоматов, когда левые роптали, требовали мира в Алжире, боялись подъема фашизма, но бороться с ним предоставляли де Голлю и его головорезам, печать вдруг загорелась интересом к столь серьезной проблеме, как толкование сонета. Милая Франция!

В отличие от некоторых моих современников, это первое дело Фориссона в ту эпоху по понятным причинам не привлекло моего внимания. Зато литературный мир был потрясен до самых основ, разделившись на сторонников и противников тезисов Фориссона. Сабатье, Кантер, Пьейр де Мондьярг, Бонфуа, Бретон ломали копья, в целом поддерживая смелое толкование неизвестного учителя литературы женского лицея в Виши, зато Эсьямбль вынес приговор, безжалостный, как гильотина: шизофрения.

Я не знаю, чем кончилась эта полемика и как сегодня толкуют этот сонет, но во всяком случае она продолжалась до 1968 года, когда Эсьямбль согласился написать книгу на эту тему. Он заявил: "Если бы не настойчивость моего коллеги Фориссона, я оставил бы эти заметки в беспорядке. Но как противиться тому, кто, открыв за каждой гласной одну из фиоритур, издаваемых в процессе совокупления, заставляет меня высказаться? Может быть, этот том удовлетворит его непомерный аппетит?" ("Сонет о гласных. О сексуально озабоченном слухе").

Как в 1961 году, так и теперь у меня нет ни малейшего желания вмешиваться в эту ссору. Оставаясь за пределами узкого круга знатоков, можно оценить и тонкую механику тезисов Фориссона, и стиль Эсьямбля. Но, в связи с той бурей, которую вызвали другие книги Фориссона, я задним числом обратил внимание на строки, вышедшие в разгар тогдашней битвы из-под пера О. Маннони ("Необходимость интерпретаций. "Тан модерн", март 1962):

"Вопрос о толковании текстов Рембо обрел новую актуальность в связи со смелой и радикальной попыткой, которую следует принять во внимание, - не для того, чтобы ободрить ее в целом, но потому что она доходит до конца определенного пути и поэтому является образцовой. В данном случае догадки, обогащающие смысл и правильные по методике, смешаны со страхом перед тем, что есть подлинно поэтического у Рембо, поэтому некоторые наиболее глубокие толкования могут показаться искусственными и отклоняющимися от текста".

И он добавляет далее замечание, которое применимо и ко всем последующим книгам нашего критика текстов:

"Не без удивления мы замечаем, с какой страстью различные толкователи этих 14 строк отстаивают свои различные толкования. Они проявляют крайнюю нетерпимость. Где источники такой энергии? Может быть, речь идет о простом и классическом гневе, с которым каждый истинно верующий мечтает уничтожить в лице своих противников свои собственные смутные сомнения? Фанатизм прибегает к помощи не очень твердых убеждений. Нам кажется, это не повод, чтобы терять самообладание".

В следующий раз гром с ясного неба прогремел в 1972 году. Новую полемику вызвала работа Фориссона о Лотреамоне. В ней говорилось:

"Произведения Лотреамона никогда не принимались за то, чем они являются на самом деле: веселой и поучительной подделкой под высокопарный морализм. "Песни Мальдорора" и "Стихи" это две шутовские фантазии. Исидор Дюкасс последовательно предстает в них в образе Тартарена порока и добродетели. Он делает вид, что не боится ни "краба разврата", ни "удава отвлеченной морали". Букет из педантизма и забавных нелепостей придает весь их смак этим двум сатирическим дивертисментам.

Нужно читать их без предрассудков, строку за строкой, слово за словом: этой элементарной предосторожностью иногда пренебрегают комментаторы, особенно из "новых критиков". Много кричали о сюрреалистическом гении Лотреамона. В действительности это гений дурачества в стиле Прюдома, что выявляется толкованием таких двух его гротесков, как "Певчий" и "Поэт". Произведения Исидора Дюкасса (1846-70) - одна из самых удивительных литературных мистификаций всех времен".

Жаклин Пиатье назвала нахала пускателем сенсационных петард, Скарроном, пророком и отважным лучником. "Люди смеются и это главное" ("Ле Монд", 23 июня 1972 г.). Двинувшись на штурм старой и новой критических школ, Фориссон описал различия между ними в шутливой форме.

Критика текстов (три школы)

Есть три способа видеть текст. Три способа видеть вещи, людей, тексты. Три способа видеть шариковую ручку и говорить о ней.

1) Старая критика заявляет: "Данный предмет - ручка марки BIC. Она предназначена для того, чтобы ею писать. Рассмотрим ее в историческом контексте: мы узнаем в этом предмете "стиль" древних; он предстает перед нами в современной форме, практичной, удобной для обращения и переноски. Он обладает автономией. Посмотрим теперь, в какие социально-экономические рамки он вписывается: он подчинен условиям промышленного серийного производства; он дешев, его используют и выбрасывают. Опишем его (примечательно, что старая критика имела тенденцию отдалять момент этого описания, который, по логике, должен был бы предшествовать всем прочим моментам; говорят, она боялась реальности и подходила к ней кругами, таким историческим аллюром, который придавал ей вид рассудительности): данная ручка состоит из корпуса, канала для чернил, колпачка и металлического острия стержня. Основным материалом служит мягкая или твердая пластмасса. Корпус - сине-белый с золотом, его сечение шестигранное, форма - удлиненная. Узнаем теперь, кто автор этого творения и что сам автор о нем говорит. Мы обнаружим, что это изделие изготовлено на фабриках барона Биша: этот промышленник известен и почитаем; посмотрите, что говорят о нем газеты "Пари Матч", "Жур де Франс" и "Франс-Суар"; барон Биш не скрывает, как, почему и для кого он задумал и изготовил эту продукцию; он - производитель и, следовательно, знает свое дело лучше, чем кто-либо. Он признался, что все его мысли и намерения можно резюмировать в словах: "Прежде всего я думал о трудящихся, о тех, кто мало зарабатывает".

2) Новая критика рассуждает так: "Старики больше не интересуют широкую публику. У них склеротические взгляды. Старая критика выражала мнение общества, достигшего к 1880-1900 годам стадии застоя. Тэн, Ренан и Лансон были всего лишь продолжателями Сент-Бева. Отнесемся с почтением к старцам, они трогательны, но их уже превзошли. Кто превзошел? Ответим со всей скромностью: мы. Вот что нужно понять: вещи не говорят то, что они они хотели сказать, и даже то, что они говорят. То же относится к людям и словам. Искать нужно

вокруг них, под ними, сквозь них. Взгляд должен одновременно небрежно пробегать по ним и вдруг проникать в их суть. Эта "ручка BIC" (какое пошлое название!) отличается тем, что главными являются те ее качества, которые кажутся второстепенными. Это расстановка структур. Такой именно формы. В таком именно контексте, одновременно (а не последовательно) историческом, экономическом, социальном, эстетическом и индивидуальном. Здесь все заключено во всем и наоборот. Этот предмет (пред-мет, от-брос) представляет собой совокупность письменных или писательных структур, в которых сочетаются различные системы голубоватой расцветки и прозрачной матовости. Речь идет о переливающейся разными цветами и похожей на паутину реальности, которую нужно уловить во всей сложности ее сплетений и модуляций. Эта трубка анафорична (ее острие выдвинуто вперед), в нее вписывается внутренность предмета (пред-мета). Эта трубка-шарнир, благодаря которому внутреннее пространство изделия вмещает значительный объем. Вся тематика относится, таким образом, одновременно к кибернетике (она двигается) и к систематике (она изготовлена). Это наводит на мысль о психоаналитической дешифровке. Известно, что барон Биш любитель парусного спорта. Он не раз участвовал в соревнованиях на Кубок Америки, но так его и не выиграл. Посмотрим же на это анафоричное острие. Оно показывает, что барон перенес на структуры ручки BIC. Отметим эту наступательную манеру рассекать волны в контексте общества, целиком занятого производством и потреблением. То, чего барон не достиг на волнах, он пытается сделать иным способом. На другом уровне анализа можно говорить также о фаллическом символе. С этой точки зрения небезынтересно узнать, что для того, чтобы назвать этот предмет (пред-мет), барон произвел ампутацию буквы Н в своей фамилии (вместо Биш стало BIC). Эту ампутацию можно толковать по-разному. Можно понять ее как знак тайной и трогательной принадлежности к роду "Homo" бальзаковского типа, что с такой тонкостью истолковал Ролан Барт. Но возможны и другие структуралистские дешифровки: например, в соответствии с фантастическим сознанием Башляра, перцептивным сознанием Мерло Понти, сентиментальной онтологией Жана Валя, размышлениями Г. Марселя о теле или, в порядке обобщения, с онтологическим замыслом".

(N.B. Последняя фраза целиком взята из книги Ришара "Воображаемая Вселенная Малларме", 1961. Все онтологическое косноязычие новой критики можно найти на первых страницах этой книги).

3) Вечная критика удивляет как наука. Она сразу берет быка за рога. Это ее первый порыв. Она не хочет ходить вокруг да около. Она не хочет знать, кто, что и зачем. Она не хочет знать ни эпоху, ни места, ни имя автора, ни его заявления. Никаких комментариев, никакой философии. Покажите мне это. Изучим этот предмет издалека и вблизи. На нем написано "Рейнольдс". А приори, этот предмет - шариковая ручка марки Рейнольдс. Но главное - быть недоверчивым. Соответствует ли реальность названию и видимости? Это мы еще посмотрим. Снова изучим предмет. Действительно ли это шариковая ручка? Может быть, под нее замаскированы - как знать? - оружие, микрофон, может быть, в ней содержится порошок, вызывающий чихание. Все это надо тщательно исследовать. Результат исследования может быть таким, что я не в состоянии буду уяснить себе, что это за предмет. Вследствие это я воздержусь от утверждения, будто я себе это уяснил. И я не буду претендовать на то, чтобы объяснять это другим. Я не буду давать никаких комментариев. Я буду молчать. Вечная критика предъявляет грозные требования: думать, прежде чем говорить; начинать с начала; молчать, когда оказывается, что в конечном счете сказать нечего. Прекрасный пример такой критики: история о золотом зубе, рассказанная Фонтенелем. Самые знаменитые профессора были посрамлены, а неизвестный сирота оказался прав".

Вывод, который делает в своей статье немного шокированная Жаклин Пиатье, не такой уж неблагоприятный для Фориссона. По ее словам, Лотреамона "не так легко сузить, как полагает Фориссон, который прибегает к простому силлогизму: в "Песнях Мальдорора" так много сказано затем, чтобы не сказать ничего. Но и Фориссона с его упрощенчеством тоже нелегко сузить. Нельзя отрицать, что он указал на ряд наших бед и создает вокруг себя обстановку здравомыслия, что нравится молодежи. Сорбонна весьма внимательно отнеслась к его тезисам, в то время как прославляемый современными абстракционистами смысла и этим любителем Пьера Дака, у которого он находит черты сходства с Лотреамоном, Исидор Дюкасс достиг подлинной славы".

Пресса и в этом случае продолжала сражаться за или против идей Фориссона. Однако следующая его работа о Нервале уже не вызвала таких страстей. Публика привыкла или Нерваль пользуется

меньшим авторитетом? Свой метод Фориссон объяснял в интервью "Нувелль литерер" (10-17 февраля 1977).

"Общий наряду со многими прочими момент у большинства сторонников как новой, так и старой критики это их нежелание обращаться непосредственно к текстам и говорить словами повседневной жизни. И старым, и новым для анализа текста нужен ворох исторических, психологических, лингвистических и психоаналитических рассуждений, слово они создают себе алиби. И старые, и новые критики лишают исследование его первоначального и поддающегося проверке смысла. Я же убежден, что мы не перестаем вкладывать ложный смысл во французские, равно как и в латинские, греческие, еврейские или китайские тексты. Нужно исследовать сначала буквальное выражение, а уже потом дух. Тексты имеют лишь один смысл или они вообще бессмысленны.

Этот смысл может быть двойным (как, например, в случае иронии), но он все равно один. Часто его не находят. Иногда воображают, будто нашли, а позже замечают, что нет. Одно слово, взятое отдельно, может иметь несколько смыслов, но, после того как оно вставлено во фразу, оно очень быстро теряет это качество. Нельзя путать "смысл" с "чувством": один и тот же текст может вызывать самые противоречивые чувства: тогда ему придают тот или иной смысл, но это не дает права утверждать, будто он заключает в себе все эти смыслы одновременно. Когда какому-либо лицу приписывают какое-то качество, это еще не значит, что данное лицо действительно им обладает. Я хотел бы, чтобы литературная критика признала этот суровый закон смысла, подобно тому, как физики признают закон тяготения. Некоторые университетские преподаватели учат читать "между строк". Я, прежде всего, читаю строки. Это уже довольно трудно.

Вопрос: Чему вы учите ваших студентов?

Ответ: Я учу их критиковать тексты документов (литературных, исторических, газетных и т. д.). Если в каком-то тексте, который считается историческим (хотя это мнение может быть предрассудком), встречаются слова "Наполеон" или "Польша", я требую от студентов, чтобы они забыли все, что они знают о Наполеоне или о Польше, и ограничились тем, что о них говорится в данном тексте. Текст, исследованный таким образом в сыром виде глазами профана, обретает интересный рельеф.

> Кстати, это отличный способ обнаружения фальсификаций всех видов. Мои студенты называют его "методом Аякса", потому что он чистит и наводит блеск".
>
> Достаточен ли этот метод для того, чтобы понять текст целиком, чтобы ответить на все вопросы, которые у меня могут возникнуть, я сильно сомневаюсь и не жалею о том, что с такой же решительностью выступают и другие критические школы, хотя известно, до каких нелепостей могут дойти некоторые педанты.

Несомненно одно: именно забота о восприятии текстов на уровне слов привела Фориссона к работе над литературными и прочими текстами, связанными с жестокими событиями нашей эпохи, дабы объяснить их с помощью "Метода Аякса". Можно считать или не считать этот метод идеальным для суждения о текстах, но простой здравый смысл позволяет видеть в нем интересную предпосылку: начинать нужно с прочтения текстов, а не с их интерпретации.

В тот момент, когда разразилось дело Фориссона, в 1978 году, ряд газет накинулся на одну из тем, которую он задал своим лионским студентам: "Является ли подлинным "Дневник Анны Франк"? При тех инсинуациях, которые за этим последовали, дело стало приобретать оттенок антисемитской провокации. Обвинять Фориссона в этом было тем легче (тема была сформулирована вопросительно, но читатель должен был предположить, что у Фориссона уже есть отрицательный ответ), поскольку он ничего не публиковал об этой своей исследовательской работе - он хотел ее отредактировать. На основании очень тщательного анализа он пришел к выводу, что текст, приписываемый юной Анне Франк, это то, что принято называть литературной мистификацией. Это ничуть не касалось трагизма судьбы самой Анны Франк.

С клеветническими выпадами в адрес этой работы Фориссона выступил вице-председатель секции ЛИКА в департаменте Рона Рене Нодо:

> "Фориссон не одинок в своей клевете на дневник Анны Франк. Инициатором этого гнусного дела является бывший сотрудник Гестапо Эрнст Ремер, который был оштрафован на 1500 марок за выпуск листовок, развязавших кампанию на эту тему. Этот гестаповец, разумеется, подал апелляцию. Процесс состоялся в Гамбурге. Отец Анны Франк, который еще жив, представил суду решающее доказательство: оригинал дневника" (Фориссон в своей работе на эту тему очень подробно рассказывает о своих встречах с Отто Франком, отцом Анны, и о его роли в создании того, что потом было напечатано под названием "Дневник Анны Франк").

Глава II. Что представляет собой дело Фориссона?

Дело, которым мы займемся, началось в 1974 году довольно странным образом: 17 июля в "Канар аншене" появилось письмо, направленное за три месяца до того Фориссоном д-ру Кубовы, директору Центра еврейской документации в Тель-Авиве. Вот усеченные отрывки из этого письма, напечатанные в газете:

> "Могу ли я поинтересоваться вашим мнением, вашим личным мнением по очень деликатному вопросу современной истории: Как вам кажется, гитлеровские газовые камеры - миф или реальность? Не могли бы вы уточнить в своем ответе, насколько, по вашему мнению, можно доверять "документу Герштейна", признаниям Р. Гесса, свидетельству Ньисли (или правильней Ньисли-Кремера?) и вообще всему, что написано с этой точки зрения об Освенциме, газе Циклон Б, сокращении NN ("Нахт унд Небель" - "ночь и туман" или "Nomen Nescio"- "имя неизвестно"?) и о формуле "окончательное решение"? Изменилось ли ваше мнение о возможности существования газовых камер с 1945 года или осталось сегодня таким же, что и 29 лет назад? Я не могу до сих пор найти фотографий газовых камер, подлинность которых можно было бы гарантировать. Ни Центр еврейской документации в Париже, ни Институт современной истории в Мюнхене не смогли мне их предоставить. Не располагаете ли вы фотографиями, которые можно было бы приложить к этому досье? Заранее благодарю за ответ и за возможную помощь. Примите и пр.".

"Канар" лишь перепечатал это письмо из еженедельника "Трибюн жюив" (14 июня 1974 г.), а тот в свою очередь - из израильской газеты "Едиот Ахаронот" (26 мая 1974 г.), куда оно попало после смерти адресата. Такие же письма Фориссон рассылал десяткам известных историков и специалистов по всему миру.

25 июня об этом письме заговорили в университете (Сансье - новая Сорбонна), где преподавал Фориссон:

> "Президент, г-н Ла Вернья, узнал от некоторых коллег о появлении в еженедельнике "Трибюн жюив" статьи, подписанной Р. Фориссоном, которая содержит недопустимые сомнения в существовании нацистских концлагерей. Эта статья была написана на бланке нашего

университета. В связи с этим президент хотел бы, чтобы совет от своего имени полностью дезавуировал в названной газете заявления нашего коллеги, которые бросают тень на репутацию нашего университета. Совет единодушно с этим согласился".

Р. Фориссон отметил, что

"...письмо в данном случае дважды названо статьей. Письмо, опубликованное без согласия автора, представляется как статья, которую автор сам передал в газету. Вопросы о существовании газовых камер превратились в сомнения в существовании концлагерей; позже эти сомнения квалифицируются как заявления. Эти сомнения объявляются недопустимыми, а эти заявления, которые нужно полностью дезавуировать, бросают тень на репутацию университета.

- С каких это пор человека осуждают, не дав ему возможности защититься? Почему слово имеют лишь коллеги, от которых президент "узнал об этом деле"?

- С каких пор президент и совет могут судить об исследованиях профессора, зная о них лишь из отрывочного письма?

- С каких пор университет оспаривает право на сомнения и поиск?"

Эти замечания были ответом на распространявшиеся, оскорбительные для Фориссона слухи. Но его сразу же исключили из национального профсоюза работников высшего образования (СНЕС), "чтобы не подумали, будто вопросы, поставленные Фориссоном и выдаваемые им за чисто научные, могут иметь ручательство СНЕС. Кампания, ведущаяся уже несколько лет с целью определить степень ужасности нацистских преступлений и реабилитировать гитлеризм, требует политической оценки со стороны СНЕС. Комиссия по рассмотрению конфликтов считает, что использование марки СНЕС в данном контексте наносит ущерб моральному авторитету профсоюза" (заявление от 4 октября 1975 г.).

Ограничимся лишь тремя замечаниями. Нужно обладать крайне ограниченным умом, чтобы не понимать, что ужасы в самом деле могут быть в разной степени ужасными. Далее: никто и никогда не требовал от данного профсоюза ручательства за исследования его членов, - СНЕС не научное общество. Этот маленький иезуитизм понадобился лишь для того, чтобы отказать многолетнему члену профсоюза в поддержке в тот момент, когда он в ней нуждается вследствие нападок на него. И третье: в 1974 году, как и в 1979, как и 20 лет назад кивали и кивают на "кампанию по реабилитации гитлеризма".

Есть люди, которые, действительно, постоянно ведут эту кампанию, и есть молодежь, испытывающая ностальгию по доброму Адольфу. Но эта кампания после 1945 года знала одни лишь неудачи. Но почему-то меньше протестуют против кампаний по реабилитации других преступных тиранических режимов, например, французской монархии или Бонапарта в связи с 200-летием со дня его рождения, отпразднованным французским государством за счет налогоплательщиков. Может быть, и Германия также отпразднует 200-летие со дня рожденья Фюрера, - сходные причины имеют сходные последствия. Восхищение диктатором, убившим свободу 18 брюмера, не означает само по себе, что наш политический режим похож на режим этого знаменитого предшественника Бокассы. Пожелаем того же немцам XXII века. Добавим, что те, кто действительно хочет реабилитировать Гитлера, Петэна, Людовика XVI или Троцкого, открыто говорят об этом, иначе их предприятие не имеет смысла. Так что нужно прекратить шантаж и не представлять себе противника в ложном облике. И нельзя затыкать рты тем, кто отмежевывается от сторонников гитлеризма и преследует иные цели.

В результате этого нарушения тайны корреспонденции Фориссон стал жертвой клеветы и угроз (письма, телефонные звонки, надписи на его доме в типично антифашистском стиле: "Фориссон, ты подохнешь!").

Тогда же началась длительная тяжба Фориссона с руководством 2-го Лионского университета, где он начал преподавать в 1974 году. Он имел основания полагать, что враждебные слухи, вызванные преданием гласности одной из тем его исследований, могут помешать нормальному развитию его университетской карьеры. Он наивно думал, что сможет защититься. Долгая юридическая процедура привела его в октябре 1978 года в Государственный Совет. Разумеется, в Лионском университете вокруг него создалась враждебная атмосфера. Его сторонников было мало, и они предпочитали выражать свою поддержку тайно.

Это не помешало создателю "метода Аяска" продолжать свою работу. На след его навело чтение книг бывшего депортированного Поля Рассинье. Мы позже расскажем о Рассинье и о той невероятной клевете, жертвой которой он стал. Накануне своей смерти в 1967 году он выразил пожелание, чтобы молодые исследователи приняли из его рук факел и осветили этот болезненно воспринимаемый период войны и депортации.

Фориссон составил досье, разослал по всем направлениям письма с запросами на документы, прилежно посещал лекции, например, в Центре современной еврейской документации, консультировался у специалистов по использованию газа и кремации, ездил в Австрию и Польшу, посещал лагеря, вооружившись рулеткой и фотоаппаратом, расспрашивал свидетелей и архивистов, анализиро-

вал тексты, делал выводы и пытался их опубликовать, но безуспешно. 16 января 1979 года "Ле Монд" опубликовал в порядке права на ответ его письмо:

> "До 1960 года я верил в реальность этих массовых убийств в "газовых камерах". Потом, после чтения Поля Рассинье, бывшего депортированного, участника Сопротивления и автора книги "Ложь Одиссея", я начал сомневаться. После 14 лет размышлений и четырех лет интенсивных исследований, я с уверенностью могу сказать, как и два десятка других авторов-ревизионистов, что мы имеем дело с исторической ложью. Я был в Освенциме и Бжезинке, где показывают "реконструированную газовую камеру" и развалины т.н. "крематориев с газовыми камерами". В Штрутхофе (Эльзас) и Майданеке я изучал места, именуемые "газовыми камерами в оригинальном состоянии". Я проанализировал тысячи документов, в частности, в Центре современной еврейской документации в Париже: архивы, стенограммы, фотографии, письменные свидетельства. Я неотступно преследовал своими вопросами специалистов и историков. Я тщетно искал хотя бы одного депортированного, который мог бы доказать, что действительно видел своими глазами "газовую камеру". Мне не нужно иллюзорное обилие доказательств, я готов удовлетвориться одним-единственным, но я его не нашел, а нашел, наоборот, множество ложных доказательств, достойных судов над ведьмами, но не делающих чести чиновникам, которые принимали их во внимание. Мне ответили молчанием, препонами, враждебностью, клеветой, оскорблениями и избиениями".

В то самое время, когда Фориссон "преследовал своими вопросами специалистов и историков", он вел с 1966 года своего рода партизанскую войну с прессой, прежде всего, с газетой "Монд", чтобы добиться от них публикации своих взглядов, но безуспешно. Вот характерный пример. Фориссон послал Шарлотте Дельбо такое же письмо, какое было послано д-ру Кубовы, а попало в "Канар аншене". Дельбо, писательница, автор четырех рассказов о депортации, передала это письмо в "Монд" со своими комментариями. Эта газета попросила у Фориссона разрешение на публикацию письма, но получила отказ. Тем не менее, письмо было опубликовано с комментарием Дельбо, но имя Фориссона исчезло. Статья Дельбо ("Ле Монд", 11-12 августа 1974 г.) называлась "Демифологизация или фальсификация". На вопросы, заданные д-ру Кубовы, Ш. Дельбо отвечала так:

"Эти вопросы можно счесть странными, поскольку они адресованы свидетельнице, каковой я являюсь. Однако, они заданы мне в письме, которое я недавно получила. Несомненно, прочтя это письмо, можно лишь пожать плечами из жалости к несчастному безумцу или ответить иронически: Как, мсье, вы ставите под сомнение всю историю? Вы отрицаете Варфоломеевскую ночь, взятие Бастилии и битву при Ватерлоо, раз при этом не присутствовал репортер "Пари-Матч"? Разумеется, это письмо иного бы не заслуживало, если бы не было написано на бланке факультета литературы и если бы его автор не указал свое имя и звание.

Перед нами профессор, которому нужны только доказательства против истины и который надеется, что я помогу ему их найти. Но Р. Гесс рассказывает в своей автобиографии ("Говорит комендант Освенцима"), что он считал своим долгом, хотя ему было и тяжело, заглядывать в глазок газовой камеры при каждой ее загрузке. Он спорил с судом только о цифрах: по его мнению, в газовых камерах было уничтожено 2800 тысяч евреев, а суд считал, что 4 миллиона.

Газовые камеры - миф или реальность? Этот вопрос меня удручает. Мы со сверхчеловеческой волей боролись за то, чтобы вырваться из Освенцима, мы боролись в столь ужасных условиях, что то, что мы выжили, кажется чудом. Наше желание выжить подкреплялось желанием рассказать потом о том неописуемом, что мы пережили. Возвратившись, мы давали свидетельства, чтобы сдержать обещание, данное там: рассказать все как было. А сегодня нас спрашивают, не миф ли газовые камеры?

Нет, ряд огромных труб, из которых день и ночь валил густой четный дым, это не выдумка выживших. Разумеется, на фотографиях эти трубы не отличить от доменных печей, на запах? Запах горящей плоти? Фотографии не передают этот запах. И газовая камера на фотографии выглядит как обычный сарай. Но я видела в Освенциме, куда я прибыла 27 января 1943 года евреев со всей Европы, которых эсэсовцы заталкивали в этот сарай и которые потом исчезали навсегда. Извините, мсье, но в Бжезинке у меня отобрали все, даже фотоаппарат.

Что я думаю о возможности существования газовых камер? Я не думаю, я уверена, что видела их. И что могло поколебать эту уверенность за 29 лет? Странный вопрос. Я еще довольно молода, и старческого маразма у меня нет. К счастью, у меня есть досуг. Но я в отчаянии, что

приходится использовать этот досуг для протеста против измышлений извращенного ума.

Стиль "ретро", эстетизирующий нацизм, романтизирующий гитлеризм это не просто мода, созданная пресыщенными или лишенными воображения интеллектуалами. Опасность более серьезна. Историю ревизуют, чтобы пересмотреть ее уроки. Правду стирают, чтобы возрождение фашизма не казалось смертельной угрозой. Разве они не прекрасны, эти эсэсовцы в их униформе? Как они мужественны, как пылки в любви! К тому же они обладают высшей властью, - нести смерть. Разве они не герои, эти прекрасные эсэсовцы, разве не образцы для молодежи, которая ищет цель жизни? Да, дело более серьезно, чем кажется. И те, кто пережил Освенцим, должны над этим задуматься".

Фориссон ответил следующим образом:

"Говорят, газовые камеры функционировали в некоторых местах в Польше, в частности, в Освенциме-Бжезинке. Мадам Дельбо утверждает, что видела одну из них. Но что она в самом деле видела? Об этом она не говорит. Она смешивает печи крематориев (где сжигали трупы) с газовыми камерами (где, как уверяют, убивали по 10000 человек в день). Гесс, пишет она, признался, что смотрел в глазок газовой камеры. Я же читал в сочинении, на которое она ссылается, что Гесс заглядывал внутрь газовой камеры "через дыру в дверной задвижке". Эта нелепость, наряду с сотней других такого же качества, делает "признание" Гесса документом не более ценным, чем признания обвиняемых на процессах в Москве, в Праге или, как в данном случае, в Варшаве. К тому же рукопись Гесса не показывают, а ее расхожие версии очень противоречивы.

Удивляет, что заключенные, которые провели в Освенциме-Бжезинке более трех лет, утверждают, что никогда не видели газовых камер, как, например, Бенедикт Каутский, депортированный еврей и лидер австрийской социал-демократической партии. Ничто не позволяет говорить, что "специальные акции", упомянутые в дневнике хирурга Освенцима Иоганно-Пауля Кремера, это уничтожение в газовых камерах. Последний вопрос: Международный Красный Крест провел в сентябре 1944 года тщательное расследование среди заключенных всех категорий и пришел к выводу, что в

Освенциме-Бжезинке не было и нет газовых камер, о которых кричало английское радио.

Депортированные умирали от голода, холода, болезней, эпидемий, плохого обращения. Иногда их расстреливали или вешали. Иногда они становились жертвами союзнических бомбардировок. Число их уменьшалось вследствие непрерывных пересылок. Следует ли добавлять ко всем этим ужасам демонические газовые камеры? Раньше я в них верил, теперь больше не верю. Но сомнение - не препятствие для исследований, скорее наоборот".

Ответное письмо прислал Пьер Виансон-Понте: "Поскольку вы не упомянуты, вы не имеете права на ответ. Что же касается первого письма, то оно было адресовано мадам Дельбо, а письмо, как вы знаете, принадлежит адресату. Более того, мы считаем нецелесообразным вступать в заведомо бессодержательную полемику. Только новые и важные факты мы довели бы до сведения наших читателей" (26 августа 1974 г.).

Такой короткий ответ не удовлетворил Фориссона. Он попытался объясниться в письме, отправленном 20 июня 1975 года Жаку Фове:

"Общее число заключенных, прошедших через Освенцим, Бжезинку и лагеря-спутники, максимум 500000 (см. Герман Лангбейн. Мужчины и женщины в Освенциме. Изд. Файяр, 1975, с. 51-61). В первом признании, которое из него выбили поляки, Гесс сказал, что он убил полтора миллиона человека. Во втором его признании эта цифра была доведена до трех миллионов. В дневной передаче первой программы французского телевидения 18 июня 1975 года была объявлена как официальная цифра 4 млн. погибших, а вечером того же дня она увеличилась до 4,5 млн. Макс Галло в "Экспрессе" от 16 июня дает цифру 5 млн. жертв.

Эти подсчеты относятся к тем, кто якобы погиб в газовых камерах, не будучи занесенными в списки. Но существование семи газовых камер в Освенциме, как подозревают многие историки и адвокаты, нелегко доказать. Трудности начались с процесса во Франкфурте (1963-65 гг.). Сегодня даже Герман Лангбейн старается не развивать тему о газовых камерах, которая представляет собой краеугольный камень всей кампании насчет "геноцида".

Хотят ли журналисты "Монда" быть в курсе последних работ на ту историческую тему, которая так часто поднимается в вашей газете, и если да, то не

предоставит ли она мне возможность рассказать о моих работах о нацизме?"

На это Жак Фове ответил простой фразой: "Что касается газовых камер, то не допускаете ли вы, что немцы разрушили их, чтобы скрыть следы своих преступлений?" (24 июня 1975 г.).

Три месяца спустя Фориссона возмутила рецензия Ж. М. Теолейра на упомянутую книгу Г. Лангбейна об Освенциме. Тон его письма свидетельствует о том, что Фориссон уже не пытается умаслить противника, чтобы его убедить:

"Хотел бы спросить вас еще раз: когда ваша газета прекратит раздувать самую грандиозную мистификацию современной истории о т. н. "газовых камерах"?

Статья Теолейра ("Ле Монд", 19 мая 1975 г.) представляет собой рецидив. Ваш журналист посвятил 167 строк книге Германа Лангбейна "Мужчины и женщины в Освенциме", но, похоже, не читал эту книгу. Он нигде не упоминает о главном: Г. Лангбейн, специалист, известный своими публикациями об Освенциме с 1949 года, профессиональный свидетель на процессах против "военных преступников" (со стороны побежденных) проявляет в своей последней книге удивительную сдержанность, когда дело касается краеугольного камня всего здания теории "массового уничтожения", т. е. пресловутых "газовых камер" Освенцима и Бжезинки. О них не говорится ни в одной главе из тридцати, ни в одном разделе из 268. Согласно традиционному методу, текст пересыпан терминами вроде "селекции" (в смысле отбора для уничтожения), встречается и глагол, обозначающий уничтожение в газовых камерах, но ничего по существу дела. Лангбейн, которого так ловко поставил на место Поль Рассинье, когда Лангбейн попытался читать ему нотации после Франкфуртского процесса, как и Институт современной истории не хочет больше отвечать на вопросы, касающиеся "сложной проблемы газовых камер", а жаль! Во всем мире не существует ни одной книги, ни одного исследования, посвященного этим пресловутым "газовым камерам". Лангбейн, с другой стороны, невольно доказывает в 20 местах своего текста (о больнице, о Виртах, о ремесленных школах для детей заключенных), что тезис о массовом уничтожении не выдерживает критики.

В курсе ли современных работ специалисты из "Монда"? Читали ли они исследования и свидетельства, которых все больше, о лжи и обмане Освенцима? Знакомы ли они со статистикой Международной исследовательской

службы? Или они опираются на т. н. "документ Герштейна" и книгу Миклоша Ньисли, которую Лангбейн цитирует так, словно она подлинная?"

Теолейр, бывший узник Бухенвальда, ответил вежливо и сослался на стр. 293 книги Лангбейна, где цитируются слова Гесса: "Я должен был сохранять хладнокровие, когда матери входили в газовую камеру со смеющимися или плачущими детьми". Но эта переписка осталась частной, Фориссона так и не опубликовали.

Следующий эпизод принял более широкие масштабы. В связи с выходом на французском языке ревизионистской брошюры (очевидно, переводной, которую напечатали и распространили крайне правые). Виансон-Понте откликнулся на нее в "Монде" от 17-18 июля 1977 года статьей под названием:

Ложь

Я получил по почте брошюру. На красной обложке большими буквами напечатано: "Действительно ли погибли 6 миллионов?". И подзаголовок: "Исторический факт № 1".

Брошюра оформлена очень тщательно, текст - 36 страниц большого формата - очень плотный. Согласно приложенным данным, эта брошюра опубликована в Англии и переведена на французский язык "Хисторикл Ревью Пресс" (Ричмонд, Серрей), а ее автор, писатель Ричард Э. Харвуд - "специалист по политическим и дипломатическим аспектам Второй мировой войны, работающий в настоящее время в Лондонском университете".

Выясняется, что эта брошюра широко распространяется: она рассылается бесплатно по адресам журналистов и писателей, имена которых можно найти в различных справочниках. Несомненно, она рассылается и лицам иных категорий.

"Действительно ли погибли 6 миллионов?" Сразу же становится ясно, о каких погибших идет речь: это 6 миллионов евреев - жертв нацистского геноцида. Кто же осмелится утверждать, что эти 6 миллионов "не в самом деле" погибли? Это уж слишком.

Однако, цель этой брошюры - "доказать", что нацисты уничтожили с 1939 по 1945 г. не 6 миллионов евреев, а максимум "несколько тысяч". Притом их не убивали, не расстреливали, не казнили, не уничтожали в газовых камерах и не сжигали: они большей частью стали жертвами эпидемий тифа и других болезней, которые поразили Германию в последние месяцы войны, или

умерли от голода. Вина за это целиком ложится на Союзников, которые разбомбили Рейх.

Не вдаваясь в детальный анализ этих "доказательств", подведем итог. В 1933 году евреи "объявили войну" Гитлеру. Он вынужден был защищаться от этого внутреннего врага. Сначала он "стимулировал" еврейскую эмиграцию в нейтральные страны и США, так что в 1939 году в Германии, Австрии и тех странах Европы, которые вскоре были захвачены немецкой армией, осталось не более трех миллионов евреев по сравнению с девятью миллионами десятью годами раньше. Как же в этих условиях могли погибнуть 6 миллионов? К тому же в 1948 году евреев было больше, чем в 1939 году.

Гитлер пытался найти для них национальный очаг и устроить их там. Он думал о Палестине, но англичане ему отказали, а потом война помешала реализации этого проекта. Потом, в 1940 году он думал о Мадагаскаре, но Франция, даже побежденная и оккупированная, не хотела об этом и слышать. Тогда он решил заставить евреев принять участие в военных усилиях Германии и устроить их на Востоке, на оккупированных территориях Польши, Румынии и Чехословакии.

Таким образом, концлагеря, депортация евреев на Восток это и было "окончательное решение" еврейского вопроса. Эти лагеря были хорошо организованными производственными центрами. Да, там заставляли работать, но с заключенными обращались хорошо и хорошо их кормили, за исключением периода перед концом войны. Никто из них не был отправлен в "газовые камеры" и крематории. Книги и фильмы, которые изображают эти лагеря как места уничтожения, пыток и смерти - ложь и клевета, рассказы о них выдуманы, фотографии сфабрикованы.

Доказательством служит ворох цитат, где все перемешано: международный Красный крест, цюрихская газета "Ди Тат" от 19 января 1955 года, где сообщалось, что "300000 человек погибли в тюрьмах и концлагерях с 1939 по 1945 г., став жертвами политических, расовых и религиозных преследований", причем "не все эти жертвы были евреями". Брошюра признает, что требуется "более точная оценка".

Доказательства кажутся методичными. Брошюра изобилует цифрами и цитатами, принадлежащими известным и неизвестным, а порой и воображаемым

автором. Свидетельства, противоречащие основному тезису, ставятся под сомнения: все признания нацистов, говорится в брошюре, были вырваны под пытками, систематически применявшимися Союзниками после поражения Рейха. В брошюре много впечатляющих, но не поддающихся проверке ссылок, а когда в исключительных случаях такую проверку удается провести, обнаруживается грубая фальсификация. Диалектика автора выдержана в классическом пропагандистском стиле, с назойливым повторением категорических утверждений, с которыми трудно согласиться, и с добавлением для отвода глаз мелких деталей, на поверку оказывающихся неправдоподобными.

Один пример: брошюра ссылается на "известного американского историка Гарри Элмера Барнса" (?), который в "Рэмпарт Джорнал" (??) писал летом 1967 г. - цитата, конечно, приводится в кавычках, что в "лагерях смерти" не было систематического уничтожения людей. Вы еще сомневаетесь? Вот вам еще доказательство: "Берта Широчина (???) работала всю войну в столовой лагеря Дахау; она заявляет, что работавшие заключенные до начала 1945 года, несмотря на возрастающие производственные трудности в Германии, регулярно получали второй завтрак в 10 часов каждое утро".

Все это выглядит столь фантастической, столь чудовищной глупостью, что хочется выбросить эту грязную брошюрку, подавляя позывы к рвоте, и больше о ней не думать. Однако игнорировать ее нельзя.

Можно подумать, что столь неслыханные утверждения может принять всерьез разве что читатель, ослепленный расовой ненавистью, или дурак, способный проглотить любую нелепость. Но эта брошюра может произвести впечатление на невежественных людей, может быть, весьма глупых, но клиентура шарлатанов и мошенников всех мастей в наш просвещенный век очень обширна, так что на критический ум наших современников положиться нельзя.

Но, прежде всего, этот "документ" может найти широкую аудиторию среди молодежи, естественно склонной к тому, чтобы ставить под сомнение историю, которую ей преподают, отвергать установленные истины. Лгите, лгите - всегда что-нибудь да останется.

Прошло 32 года. Отцы семейств, которые еще не родились в тот момент, когда наступавшие союзные армии открыли на немецкой территории лагеря уничтожения

со всеми их ужасами, имеют сегодня детей по 8, 10 или 12 лет. Если их дети прочтут эту брошюру, а родители не смогут немедленно восстановить в их глазах истину, что произойдет? В лучшем случае разовьется скептицизм в отношении гитлеровских зверств, рассказы о пытках и массовых убийствах будут восприниматься как преувеличенные и не всегда правдивые, а в худшем случае возникнет убеждение, что ложь - явление всемирное и вечное, что нельзя верить никому, особенно историкам, что народы всегда остаются в дураках, так было, есть и будет".

Фориссон сразу же взял след и написал критику на критику под заголовком: "Как работает журналист Пьер Виансон-Понте?"

"Ложь" - так назвал Виансон-Понте, журналист из "Монда", свою рецензию на английскую брошюру (переведенную на французский), в которой отрицается реальность гитлеровских "газовых камер" и "геноцида" евреев.

Эта рецензия напечатана на стр. 13 номера газеты "Монд" от 17-18 июля 1977. Она состоит из 15 абзацев.

Абзац 1. Журналист говорит, что на этой брошюре "вместо подписи" стоит подзаголовок. "Исторический факт № 1".

Ремарка. Это именно подзаголовок, а не подпись. Подпись - Ричард Э. Харвуд - на стр. 3а.

Абзац 2. Журналист не сообщает читателю данных, которые позволили бы читателю приобрести эту брошюру, прочесть ее и составить собственное мнение.

Ремарка. Полный адрес издательства ХРП указан в брошюре.

Абзац 3. Журналист говорит: "Эта брошюра широко распространяется, разумеется, бесплатно".

Ремарка. Журналист не поясняет, почему это "разумеется".

Абзац 4. Журналист говорит, что "6 миллионов евреев стали жертвами нацистского геноцида". И добавляет, что отрицать это - "это уж слишком".

Ремарка. Эту цифру, этот "геноцид", журналист преподносит как очевидность, которая не нуждается в обсуждении.

Абзац 5. Журналист говорит, что, по Харвуду, "нацисты уничтожили с 1939 по 1945 г. не 6 миллионов евреев, а максимум несколько тысяч".

Ремарка. На самом деле Харвуд говорит, что ни один еврей не стал жертвой желания уничтожать евреев

в массовом порядке. Что же касается цифры еврейских потерь (подобно тому, как говорят о "союзных потерях" или "потерях немецкого гражданского населения") во время Второй мировой войны, то Харвуд дает лишь оценки, столь путаные и противоречивые, что с ними нельзя согласиться. Так, сравнивая на стр. 8а две американские статистики, одну 1938, другую 1948 года, он делает вывод, что, исходя из них, можно получить лишь цифру в несколько тысяч. Но на стр. 34а он дает оценку порядка миллиона жертв, цитируя, с одной стороны, максимум 1,2 млн. согласно расчетам Поля Рассинье, а с другой - цифру 896892 погибших, которую он якобы нашел у Рауля Хильберга. Наконец, на стр. 35 он оценивает в 300000 число лиц, "погибших в тюрьмах и концлагерях с 1939 по 1945 год, ставших жертвами политических, расовых и религиозных преследований". Он добавляет, что "не все эти жертвы были евреями". Следует отметить, что Харвуд приписывает эту статистику международному Красному Кресту и отсылает читателя к цюрихской газете "Ди Тат" от 19 января 1955 года. Но, как показала проверка, хотя эта статистика в самом деле принадлежит международному Красному Кресту, газета "Ди Тат" не уточнила, что цифра 300000 относится к жертвам - гражданам Германии, в том числе, к немецким евреям. Следует добавить, что эта цифра значительно преувеличена. Количество учтенных жертв - а это единственная цифра, из которой может исходить историк, говоря о "жертвах национал-социалистических преследований", оценивалась на 31 декабря 1976 года в 357190, из них около 51000 - в Освенциме и лагерях-спутниках.

Абзац 5 (бис). Журналист добавляет: "Опять-таки по Харвуду, евреев не убивали, не расстреливали, не казнили, не уничтожали в газовых камерах и не сжигали". Они были только жертвами эпидемий и голода, как и немцы, по вине союзников.

Ремарка. Харвуд в самом деле говорит о тифе, других эпидемиях и о голоде. Но он упоминает также, что евреи гибли как участники партизанской войны (стр. 15а) и во время трагического восстания в Варшавском гетто (стр. 20в). Он нигде не говорит, что евреи, в силу какой-то привилегии, избегали общих ужасов войны (взятия в заложники, казней, покушений, бомбежек). Но он говорит и настаивает на том, что Гитлер никогда не отдавал приказа убивать кого бы то ни было за принадлежность к какой-либо расе или религии. Он добавляет, что говорить,

как это часто делают, об "устном приказе" или "зашифрованных формулах", - всего лишь предмет спекуляций. Он настаивает, что евреям могли грозить интернирование или депортация, но не смерть. Концлагеря существовали, но не было лагерей уничтожения. Крематории были, в них сжигали трупы, но "газовые камеры" - выдумка военной пропаганды.

Абзац 6. Журналист говорит, что по Харвуду "в 1939 г. в Германии, Австрии и тех странах Европы, которые вскоре были захвачены немецкой армией, осталось не более 3 млн. евреев по сравнению с 9 млн. десятью годами ранее".

Ремарка. Харвуд не говорит о 1929 годе (1939-10=1929), он говорит, что в 1933 г. в этой части света было 6,5 млн. евреев. Последующая эмиграция на Запад, на Юг, и, прежде всего, начиная с 1941 г. внутрь СССР уменьшила эту цифру до 3-4 миллионов (на стр. 35а дана цифра 4 млн., на стр. 35в - 3 млн.).

Абзац 8. Цитата из Харвуда: "Эти лагеря были хорошо организованными производственными центрами. Да, там заставляли работать, но с заключенными обращались хорошо и хорошо их кормили, за исключением период перед концом войны".

Ремарка. Харвуд, действительно, приуменьшил страдания заключенных в лагерях. Он приводит лишь те свидетельства, которые работают на него. Он хотел доказать, что описание жизни в лагерях содержат колоссальные преувеличения. Говоря о тридцати годах пропаганды ужасов, он ссылается на заявления Маргарет Бубер-Нейман, Шарлотты Борман (стр. 25в), д-ра Бартона (стр. 29а-в) и "сотни заявлений, сделанных под присягой перед Нюрнбергским процессом", но не фигурировавших на суде (стр. 28в). По поводу Берген-Бельзена (большинство жутких фотографий было сделано в этом лагере, частично превращенном в госпиталь), он говорит о хаосе конца войны (стр. 28в).

Абзац 8 (бис). Журналист говорит, что, по Харвуду, ни в одном концлагере никогда не было ни газовых камер, ни настоящих крематориев.

Ремарка. Харвуд говорит, что не было ни одной т.н. газовой камеры. Но он же признает, что трупы сжигали в крематориях, настоящих крематориях. Он пишет: "Кристоферсен (автор книги "Ложь об Освенциме", 1973) признает, что в Освенциме должны были быть крематории, потому что в этом лагере было 200000 чело-

век, а крематории имеют все города с населением 200000 человек (стр. 20а). Он пишет далее, говоря о единственном крематории в Дахау: "Он был похож на крематории, используемые в настоящее время на всех кладбищах, и использовался просто для сжигания трупов людей, умерших в лагере от различных естественных причин, особенно от инфекционных болезней. Этот факт был убедительным образом подтвержден мюнхенским архиепископом, кардиналом Фаульхабером. Он сообщил американцам после войны, что 30000 человек было убито в Мюнхене во время налетов союзной авиации в сентябре 1944 года. Архиепископ обратился тогда с просьбой к местным властям, чтобы трупы сожгли в крематории в Дахау, но ему ответили, что это невозможно, потому что там лишь одна печь и в ней нельзя сжечь столько трупов" (стр. 27а).

Абзац 8 (3). Журналист приписывает Харвуду следующую мысль: "Книги и фильмы, которые изображают эти лагеря как места уничтожения, пыток и смерти - ложь и клевета, рассказы о них выдуманы, фотографии сфабрикованы".

Ремарка. На протяжении всей брошюры Харвуд дает показательные примеры работы этой индустрии лжи. Нюрнбергский Трибунал (ст. 19 статуса) цинично разрешил использовать фальшивки: "Суд не связан техническими правилами предоставления доказательств" (стр. 12а). Разрешалось изготавливать фальшивки и никакое судебное преследование не грозило за их использование. К этому примешалась коммерция. В некоторых случаях даже евреи возмущались подобными фальшивками, вроде "От имени всех моих" Мартина Грея (стр. 25а-в). Харвуд считает лживыми все мемуары и признания, описывающие лагеря как места массового уничтожения, такие как "свидетельства" Гесса, Герштейна, Ныисли, фотомонтаж на стр. 30а и т.д. Лишь в одном случае его аргументация не имеет ценности: когда речь заходит о дневнике Анны Франк. Этот дневник - литературная мистификация, что легко можно доказать иными средствами, нежели те, которые использует Харвуд.

Абзац 9. Журналист говорит о ворохе цитат, где все перемешано: международный Красный Крест, цюрихская газета "Ди Тат" от 19 января 1955 и т.д.

Ремарка. Можно поинтересоваться смыслом этих слов, если он в них вообще есть. Журналист жалуется, что слишком много цитат?

Абзац 10. Журналист говорит, что Харвуд использует для доказательства цитаты известных, неизвестных и даже воображаемых авторов.

Ремарка. Журналист не приводит ни одного примера в поддержку своего утверждения, поэтому неясно, кого он считает "неизвестными" и тем более "воображаемыми" авторами.

Абзац 10 (бис). Журналист говорит, что для Харвуда "все признания нацистов были вырваны под пытками, систематически применявшимися Союзниками после поражения Рейха".

Ремарка. Журналист не упоминает о том, что сами американцы имели совесть признать, что они систематически применяли во многих случаях самые жестокие пытки. Так было в тюрьме в Швебиш Халле, на процессе в Мальмеди, при допросах Зеппа Дитриха, Иохена Пайпера, Освальда Поля. На комиссии Симпсона судья Эдуард ван Роден заявил: "Из 139 расследованных нами случаев в 137 немецкие солдаты (по одному только делу Мальмеди) получали удары ногой по яйцам, оставляющие незаживающие раны. Это был обычный способ, использовавшийся при допросах американцами". "Сильные люди доводились до состояния человеческих обломков, готовых пробормотать любые признания, которые потребует общественный обвинитель". Харвуд ссылается и на другие известные случаи пыток, практиковавшихся союзниками, особенно поляками и русскими (дела Вислицени, Олендорфа, Рудольфа Гесса). Харвуд не находит иных объяснений в тех случаях, когда обвиняемые признавались в существовании газовых камер в тех лагерях, где, как пришли потом к выводу союзники, их не было, кроме того, что эти признания были получены под пытками. Он говорит также о признаниях "под принуждением" или вследствие обещания уменьшить наказанье (см. стр. 16в, дело Бах-Зелевского). Угроза передать обвиняемых в руки поляков или русских, шантаж тем, что у семей обвиняемых отберут продовольственные карточки, наказание солдат за то, что офицер не признался, и наоборот, моральное давление, оказываемое судом победителей на обвиняемых, героическая храбрость, которая нужна была свидетелям защиты, чтобы защищать "преступников", заранее осужденных без кассаций: все эти и прочие элементы, уточняет ли их сам Харвуд или дело становится ясным, когда он говорит об иных предметах, нежели

"признания", но дающих объяснение этим самым "признаниям".

Абзац 10 (3) Журналист говорит, что в брошюре Харвуда "много впечатляющих, не поддающихся проверке ссылок, а когда в исключительных случаях такую проверку удается провести, обнаруживается грубая фальсификация".

Ремарка. Журналист опять не дает ни одного примера в поддержку своего утверждения. Хотелось бы также знать, что такое ссылки, "не поддающиеся проверке", особенно "явно не поддающиеся проверке". Может быть, журналист хотел сказать "неполные"?

Абзац 11. Журналист снабжает вопросительными знаками фамилию американского историка Барнса и название печатного органа "Рэмпарт Джорнал".

Ремарка. Гарри Элмер Барнс - историк, пользующийся международной известностью. За 30 лет своей университетской карьеры он напечатал очень много публикаций. Его ученики написали в его честь книгу на 884 страницах. "Рэмпарт Джорнал оф Индивидьюал Тот" - не выдуманный орган. Ссылка правильна - лето 1967 г. (том 3, № 2). Статья Барнса называется "Общество и ревизионизм" (стр. 19-41). Харвуд цитирует Барнса, но эта цитата не имеет того смысла, который обнаружил в ней журналист. Эта очень важная цитата говорит о том, что сразу же после войны победители пытались выдать некоторые лагеря на Западе не за простые концлагеря, а за лагеря уничтожения (Дахау, Бухенвальд и т. д.). Потом, когда оказалось, что эти утверждения не выдерживают критики, эти лагеря перенесли на Восток. Но, как отме его чает Харвуд, эти лагеря, особенно комплекс лагерей Освенцима, были открыты для посещения лишь через несколько лет после войны. Следовательно, приведенная цитата носит характер предостережения и напоминает тем, кто забыл, об этом послевоенном промахе, когда Бухенвальд занял место Освенцима в пропаганде ужасов.

Абзац 11 (бис). Журналист, поставив один восклицательный знак после имени Барнса и два после названия журнала, ставит три после имени Берты Широчиной.

Ремарка: Не следует ставить в вину историку, что не все имена заключенных Дахау известны всем и каждому. Цитируя Эрнста Руффа, Яна Пеховяка и Берту Широчину, Харвуд всегда указывает, кто кем работал в Дахау.

> **Абзацы 12-15.** Эти четыре последних абзаца не заслуживают особых замечаний. В них автор выражает свое мнение о брошюре, которую, как мы видим, он прочел весьма поверхностно. Мнение это выражается в серии грубых ругательств. Заканчивает журналист свою статью клятвой в том, что он верит в ужасы лагерей уничтожения".

В это время Фориссон изложил результаты своих исследований в сжатом виде в статье "Проблема газовых камер", которую никто не хотел публиковать. Он настойчиво требовал этого от редакции "Монда" и получил 6 августа 1977 года новый ответ от Пьера Виансона-Понте:

> "Я вам ничего не сделал, я только не стал печатать на страницах нашей газеты ваши пасквили. Признаюсь, я не понимаю, почему вы говорите о каких-то моих предрассудках по отношению к вам и требуете сатисфакции.
>
> Одно из двух: или вы солидарны с нацизмом и считаете, что Провидением вам поручена миссия воздать ему по справедливости, и поэтому пишете такие нелепости, - в этом случае я, действительно, буду относиться к вам с предрассудком и не стану участвовать в этой постыдной игре; или вы действительно антинацист, как вы пишете, и вас заботит только историческая истина. В этом случае я готов вас выслушать.
>
> Но с одним непременным условием. Вы ссылаетесь на неизвестных "свидетелей", отвергаете все свидетельства, которые не соответствуют вашей линии, высказываете бездоказательные суждения. Я имею право, поскольку имею дело со специалистом, ученым, как вы себя именуете, тоже произвести проверку. Представьте мне свидетельство лица, человеческие качества и исторические познания которого по данному вопросу общепризнаны, которое согласилось бы принять во внимание - я не говорю одобрить - ваши утверждения, и я их опубликую. И поскольку вы без конца ссылаетесь на нее в своих текстах, я выбираю в качестве арбитра г-жу Жермену Тийон, честность, знания и опыт которой в данной области вне всяких сомнений. Если она мне скажет или напишет, что вы правы, я склонюсь перед ее приговором.
>
> Я пойду еще дальше. Если г-жа Тийон не ответит, я готов принять мнение другого лица, на которое вы ссылаетесь - Ольги Вормсер-Миго, тоже историка и специалистки по системе концлагерей, автора докторской

диссертации на эту тему и многих других работ, человека также уважаемого".

Итак, Виансон-Понте предложил нечто вроде суда чести. Этого было явно мало для решения исторической проблемы, но могло быть достаточным для того, чтобы снять с Фориссона посыпавшиеся на него обвинения. Фориссон счел своим долгом объяснить ситуацию О. Вормсер-Миго в письме от 18 августа 1977 г.

Дорогая мадам Вормсер-Миго!

Прошло уже три года и одна неделя с тех пор, как открыв газету "Ле Монд", я обнаружил в ней "свидетельство" одной бывшей заключенной, которая, не называя меня по имени, объявляла меня "фальсификатором", "безумцем" и "Извращенным умом", потому что я осмелился поставить под сомнение существование гитлеровских газовых камер. Во время встречи с вами в вашем доме 24 сентября 1974 г. вы дали мне понять, что осуждаете это "свидетельство" и поставили об этом в известность Шарлотту Дельбо.

В тот же день вы обещали мне сказать Раймону Ла Вернья, что не одобряете текст, в котором Новая Сорбонна осудила мои исследования.

В тот же день вы предсказали мне всякого рода неприятности на том пути, на который я вступил. Вы подтвердили мне то, что я уже знал, о крупных неприятностях, которых стоили вам ваши три страницы о проблеме газовых камер.

Вы не ошиблись. Вот краткий список тех неприятностей, которые я имел:

- Инспирированная из Израиля кампания в прессе в 1974 г., выступление по телевидению главного раввина Каплана. Мое имя повсюду склоняли, был опубликован мой адрес, я получил поток угрожающих писем, часто подписанных. На моем доме появлялись оскорбительные надписи. Меня оскорбляли по телефону, оскорбляли мою жену и дочь.

- Новая Сорбонна, полностью исказив смысл моих исследований, о которых она ничего не знала, осудила их и заявила, что я у них не работаю.

- Меня ни выслушали, ни проинформировали. Все произошло за моей спиной, я был поставлен перед совершившимся фактом.

- Еженедельник "Трибюн жюив" заявил, что мне не место в профсоюзе работников высшей школы (я состоял в нем 20 лет и был секретарем секции), и меня ис-

ключили, опять-таки ни выслушав, ни проинформировав. Я лишь потом случайно узнал об этой санкции. Я тщетно добивался, чтобы меня выслушали. Я ограничился письмом в комиссию по конфликтам, которая разбирала мое дело.

-2-й Лионский университет, куда я перешел, принял беспрецедентное решение: отказать мне в должности профессора без кафедры. Вы знаете, когда университет хочет помешать карьере преподавателя, он так не делает. Достаточно поставить имя кандидата на последнее место. В моем случае была предпринята очень серьезная инициатива, для которой нужен был столь же серьезный мотив, но они должны были по меньшей мере выслушать кандидата, а, приняв решение, известить его об этом. Но и в этом случае я узнал об этом решении случайно. Вы посмотрите, как легко обращаются с истиной. Я прижал университетские власти к стене с помощью Лионского административного суда и Государственного Совета. Сначала мне сказали, что меня обвиняют в нацизме. Мотив: я отрицаю существование концлагерей и газовых камер. Досье обвинения: вырезки из таких газет, как "Канар аншене", "Монд" и т. п. Потом мне сказали, что меня считают не нацистом, а сумасшедшим. Мотив тот же самый, досье то же самое. Впоследствии от обоих этих обвинений отказались и представили административному суду следующий мотив: "Г-н Фориссон, по его собственному признанию, никогда ничего не опубликовал". Досье на этот раз состояло из одного моего письма, в котором я выражал президенту университета свое удивление по поводу обвинения меня в нацизме. Я действительно писал в нем, что никогда не опубликовал ничего, чем можно было бы обосновать подобное обвинение. Вырванная из контекста эта фраза могла быть понята так, что я никогда не опубликовал ни одной книги или статьи. Эта уловка была тем более циничной, что мое досье кандидата содержало целую страницу с перечнем моих публикаций. Некоторые из них хорошо известны как во Франции, так и за рубежом.

Этот список можно было бы продолжить. Моя жизнь стала трудной. У меня не было денег, а надо было платить адвокатам. Моя жена из-за пережитых неприятностей впала в тяжелую нервную депрессию.

Но я остался чист, а многие запачкали себя. Меня считают нацистом, как в другие времена называли

английским выродком, а если бы победил Гитлер, меня объявили бы "жидо-марксистом".

Я иду, не сворачивая, своим путем. Вы сказали мне, что я кажусь вам наивным. Между нами, я полагаю, что я примерно столь же наивен как и Вольтер. Вольтер был наивен, но, по правде говоря, смел временами, но не постоянно. Я предпочел бы сравнить сою работу с работой Жана Нортона Крю, который довел свое дело до конца, несмотря на оскорбления и не разочаровываясь в людях.

Я пришел к выводу, что гитлеровские газовые камеры никогда не существовали. Мои исследования длились несколько лет. Когда я встретился с вами, я уже знал очень много по этому вопросу. Поскольку вы были мне симпатичны и я не хотел задеть вашу чувствительность, а также - буду откровенным - потому что таков мой метод исследования, я не сказал вам тогда, что доподлинно знаю о "документах" Гесса и Герштейна, о "свидетельствах" Ньисли и ему подобных. Я не сказал вам, что могу процитировать два "показания" д-ра Бенделя. Вспомните, что я писал вам потом о документе № 0-365: это один из многих примеров недобросовестности Центра современной еврейской документации.

Вы прислали мне фотографию "газовой камеры" в Майданеке и добавили, что снимок сделан до того, как "мания организации музеев привела к реконструкции этих мест". Но это снимок душевой. Я посетил эти места в 1975 году: налицо грубое, смехотворное мошенничество. Я посетил Освенцим и Бжезинку в 1975 и 1976 годах. У меня масса фотодокументов обо всем, что хоть чем-то напоминает газовые камеры в этих двух лагерях. У меня есть копии интересных планов, до сих пор не опубликованных.

Я прочел массу "документов" и "свидетельств" различных процессов, включая Нюрнбергский, Франкфуртский и другие. Я изучил стенограммы Иерусалимского процесса. Я прочел книги разных тенденций, как Хильберга-Рейтлингера, так и Рассинье-Бутса.

Я задаю себе вопрос: какие направления я еще не исследовал?

Я впервые посетил Центр современной еврейской документации в 1967 году. С 1974 по 1977 годы я провел в нем сотни и тысячи часов, хотя условия моей работы там становились все более трудными. Я основательно исследовал картотеку "Массовое уничто-

жение - газовые камеры" и другие документы, которые в нее не вошли. У меня было несколько встреч с господами Уэллерсом, Рутковским и Биллигом. Последний в 1974 году выразил в письме ко мне свое удивление, как можно сомневаться в существовании газовых камер, когда есть столько доказательств, но в мае 1977 года он признался, что не может представить мне ни одного доказательства существования хотя бы одной газовой камеры. А поскольку я настойчиво спрашивал, не знает ли он кого-нибудь, кто может представить такое доказательство, он ответил, что не знает, но добавил, что, по его мнению, если не было газовых камер, то неизбежно должно было существовать какое-то иное промышленное средство - он не знает, какое - чтобы осуществить массовые убийства в таких гигантских масштабах, геноцид.

Во время нашей встречи 24 сентября 1974 года вы мне сказали: "Не следует нападать на бывших заключенных. Я прошу вас об одном: обещайте мне ничего не писать об этом". Я ответил, что скоро может выйти моя статья. Вы просили прислать ее вам.

Эту статью под названием "Проблема газовых камер" я послал 26 июня 1977 года в "Монд", но ее не опубликовали. Эта газета оскорбила меня 11 августа 1974 года и отказала мне в праве на ответ. Но рано или поздно, тем или иным способом я добьюсь удовлетворения.

Виансон-Понте считает, вообразите себе, будто я симпатизирую нацистам. Он жалуется, что в письмах Ж. Фове и другим его коллегам я его оскорбил. Он видит в этом признаки моего "исступления". Он забыл, как оскорбил меня сам 11 августа 1974. Я ему сказал, что он грубо исказил содержание брошюры Р. Харвуда в своей статье от 17-18 июля 1977. Я сказал, что не хотел бы сам стать жертвой таких же искажений и фальсификаций. Я сказал ему, что в тексте Харвуда есть много правильного и много ошибок. Он написал мне разъяренное письмо. Он сказал мне, что готов меня выслушать при том условии, что Жермена Тийон или Ольга Вормсер-Миго скажет или напишет ему, что я прав в моих тезисах относительно газовых камер. Я ответил ему, что не могу доверять г-же Тийон, свидетельствовавшей, будто в Равенсбрюке были газовые камеры. И добавил: "Я согласен - пусть это будет Ольга Вормсер-Миго. Давайте встретимся втроем. Она хорошо приняла меня в 1974 году. Она не знакома с мои-

ми досье, но ей хватит 20 минут, чтобы понять, чего они стоят".

Моему коллеге Дельпешу вы сказали: "Фориссон не нацист. Не надо делать ему гадостей". Я спрашиваю себя, не является ли это подозрение в нацизме настоящим камнем преткновения и для Виансона-Понте. Если так, то его трудно разубедить.

Разве моя статья нацистская? агрессивная? Она годится для того, чтобы разом решить всю эту проблему "газовых камер" и "геноцида". Ситуация развивается очень быстро.

Все очень просто. Пусть ответят на мой вопрос: "Если газовые камеры не существовали, то нужно ли говорить об этом или молчать?"

Я говорю вам со всей откровенностью и прошу ответить так же".

О. Вормсер-Миго ответила 7 ноября 1977 года:

"Я не хочу писать целый том, хочу только уточнить свою позицию.

1) Ваш визит очень меня взволновал. Особенно возмущают меня эти непрерывные преследования честного человека.

2) Главное различие между нашими позициями, вы это знаете, заключается в том, что я верю в существование газовых камер в Освенциме и Майданеке, а также "экспериментальной камеры" (1х2х3 м) в Штрутхофе.

3) Последнее и принципиальное различие.

Если учитывать чувства бывших заключенных, глубоко травмированных пережитыми страданиями, ясно, что ваше поведение не может их не задевать. Это тот случай, когда История должна подождать, пока Время позволит изучать некоторые ужасные проблемы без агрессивности.

Послушайте меня - вы знаете, что я верю, что ваши исследования чисты от иных мотивов, кроме поиска исторической истины, - ваше упрямство, начиная с того момента, когда ваши тезисы стали оспариваться, и сама ваша защита будут объединять против вас все больше и больше бывших заключенных.

Чем больше аргументов вы приводите в подкрепление своей позиции, чем больше утверждаете свою правоту, тем больше вы выглядите в глазах некоторых человеком, желающим отмыть Гитлера от обвинений против него и его лагерей.

С моей точки зрения, эта проблема может обсуждаться только в общем контексте нацизма. Пытки, геноцид, крематории, ужасы, доведенные до крайности, - скажите мне, неужели вопрос о том, существовали или нет газовые камеры, может иметь такую важность на фоне гнусной истории тех лет, чтобы продолжать задевать чувства бывших заключенных и делать невыносимым ваше собственное существование?

Напомню, что в сходном случае - речь идет о моей книге "Система нацистских концлагерей", где, как вы знаете, я поставила под сомнение существование газовых камер в Равенсбрюке и Маутхаузене, - наткнувшись на упрямство историков, которые только все портят, я просто сделала вставку с изложением позиции бывших заключенных по этому вопросу. Ибо их мнение должно учитываться прежде всего.

Знайте, что я готова помочь вам, используя все свои возможности, чтобы избавить вас от обвинений, наносящих такой ущерб вам, вашей работе и вашей семье. Но я прошу вас сделать все, чтобы понять дух данного письма.

По этой причине я не могу согласиться на вашу просьбу встретиться с г-ном Виансоном-Понте в моем присутствии: не надо продолжать дискуссию на эту тему.

Вы должны мыслить реалистично. Я готова написать кому угодно, что против вас выдвинуты бессмысленные обвинения, но только в духе данного письма".

Итак, арбитраж, предложенный Виансоном-Понте, не состоялся. Тогда Фориссон предпринял последнюю попытку отстоять перед газетой "Ле Монд" свое право на свободу мнения. 14 октября 1977 г. он отправил такое письмо Фове и Лозанну:

"Несмотря на крайне неприятный тон его писем, я честно пытался объясниться и достичь взаимопонимания с г-ном Виансоном-Понте, но тщетно. Невозможно спорить с человеком, который имеет привычку читать поверхностно. Более того, он наносит удары, а потом прячется. В 1974 г. он нанес мне ужасный удар статьей Шарлотты Дельбо. 11 августа 1977 г. я снова попытался показать ему все последствия этого. Я требовал дискуссии на страницах вашей газеты. Вcredited Виансон издевался надо мной и отрицал свою ответственность. Он ссылался на то, что в статье 1974 года мое имя не было названо. Но эта статья начиналась с длинных цитат из "Едиот Ахаронот" (26 мая 1975), "Трибюн жюив" (14 июня) и "Канар順 аншене" (17 июля), где были названы имя автора

и его адрес. Речь шла о Фориссоне, преподавателе Сорбонны.

14 мая 1974 г. ваш сотрудник попросил у меня разрешения на публикацию этого текста. Он написал: "Нет ли у вас возражений против его возможной публикации?" Я ответил ему 21 мая, что я против этой публикации личного письма. Но 11 августа, в разгар кампании в прессе, этот текст появился с подачи Виансона-Понте. Под пером мадам Дельбо я предстал как "безумец", профессор, собирающий документы с единственной целью добыть "доказательства против истины", "извращенный ум" и "фальсификатор".

Любой честный человек счел бы подобное не достойным большой газеты. Я счел это низостью и никогда "Монду" этого не прощу. Я не думаю, что вы двое готовы принести мне извинения. Ваша газета у меня в долгу. Вот уже три года, как я ее рекламирую. Я вел себя с вами корректно. Я не допускал грубостей. Признайтесь, что мой ответ 1974 г. о праве на сомнение и исследование и мой ответ 1977 г. о проблеме газовых камер написаны совсем иным тоном, нежели оскорбительная публикация в вашей газете.

6 августа 1977 г. Виансон-Понте написал мне странное письмо, в котором он сообщал мне, что был бы готов опубликовать мою статью о проблеме газовых камер при том условии, если Жермена Тийон или Ольга Вормсер-Миго примут во внимание мои утверждения. Хотя я не верю в авторитеты и в ценности рекомендаций, я ради компромисса согласился открыть мои досье г-же Вормсер-Миго. Что касается г-жи Тийон, авторитет которой велик среди журналистов, то она дискредитировала себя в моих глазах своими неоднократными "свидетельствами" о газовой камере в Равенсбрюке, которой, как установили историки, никогда не было (см. заявление Мартина Брошата в газете "Ди Цайт" 19 августа 1960). В ответ на мое согласие, данное 11 августа 1977 г. ваш сотрудник написал мне, что он запросил г-жу Тийон и г-жу Вормсер-Миго, и добавил: "Обе они дали мне понять, что ваши тезисы абсурдны, ваше упрямство маниакально, и нет никакого повода открывать дебаты, которыми не замедлила бы воспользоваться пронацистская пропаганда".

Это издевательство над людьми и еще одна попытка уклониться. Виансон-Понте таким же образом написал оскорбительную рецензию на брошюру Ричарда Харвуда.

Он не дал никаких ссылок, которые позволили бы читателям найти эту брошюру и составить свое мнение о ней. Потом, сообщив, что эта публикация вызвала множество откликов, он обещал, судя по письму Лозанна от 22 июля, рассказать об этой реакции. Но не рассказал.

Разве это честно? Виансон-Понте выглядит лучше, когда пишет, чем когда выступает по телевидению. Я заметил, что по телевидению полемисты говорят лишь половину того, что пишут, боясь немедленного ответа на оскорбление в прямом эфире.

Я полностью беру на себя ответственность за свое "свободное мнение" о том, что газовые камеры это мистификация. Замалчиванием этого вопроса на протяжении 30 лет, точнее, повторением того, что было вбито военной пропагандой, без возможности исторической критики, большая пресса вообще и "Ле Монд" в частности взяли на себя ужасную ответственность. Настало время исправления подобных ошибок. Я требую, чтобы за теми, кто оспаривает официальную историю, в частности, по вопросу о газовых камерах, "Ле Монд" признавал не только право на молчание. Сказки популярны, но есть долг перед истиной, хотя ее трудно отстаивать. Если "Ле Монд" уважает свободу мнения, пусть даст обвиняемому право на защиту. Долой цензуру! Я требую элементарного демократического права: права на сомнение, на исследование, на свободу мнения: права на ответ".

Но все эти обращения ничего не дали. Ересь была слишком ужасна, чтобы демократия вмешалась. Удались поместить лишь небольшие заметки в некоторых популярных исторических журналах, но они тоже не вызвали дискуссии.

В журнале "Историма" (ноябрь 1975).

"Нахт унд Небель" (Ночь и туман)

"Обращаю ваше внимание на ошибку, допущенную в июльском номере вашего журнала за 1975 г. Приказ "Нахт унд Небель" был отдан 7-го, а не 12-го декабря 1941 г. Если не ошибаюсь, текст этого приказа не был найден, и его всегда цитируют по протоколам Нюрнбергского процесса, в которых этот текст датирован 12-го декабря.

Для тех, кто не путает историю с пропагандой и журналистикой, более важно другое. "Нахт унд Небель" - выражение, придуманное для объяснения букв N. N., обычно использовавшихся немецкой и итальянской администрацией для обозначения анонимности факта или

приказания. В первом случае они расшифровываются как Nomen Nescio (имя неизвестно), во втором как Nomen Notetur (имя не указывать). Французский эквивалент либо "неизвестно", либо X, либо "без дальнейших справок". См. "Словарь немецкого языка" Якоба и Вильгельма Гриммов, 1889, буква N.

В книге Вальтера Горлица о Кейтеле без объяснений указывается, что перевод N. N. как "Ночь и Туман" - обычная условность.

Не кажется ли вам, что следует вернуться к некоторым "обычным условностям" и восстановить истину, обратившись к источникам? Мы все часто ошибаемся, но если будем исправлять ошибки, "Исторама" может обрести репутацию журнала, который, в отличие от других, занят поиском истины".

Письму в журнал "История" (август 1977 г) было предпослано такое пояснение:

"В связи с выпуском нашего специального номера "Врачи СС" Р. Фориссон, преподаватель Лионского университета, прислал нам длинное письмо, отрывки из которого мы решили опубликовать не без колебаний, потому что в нем выражаются идеи направления, столь же оригинального, как и провокационного.

Это направление отрицает стремление немцев истребить евреев. Среди его пионеров - француз Поль Рассинье, бывший депортированный, который писал в 1962 году.: "Уничтожение евреев в газовых камерах - историческая ложь". В том же духе написаны книги американца Артура Бутса "Мистификация XX века" и англичанина Р. Харвуда "Действительно ли умерли 6 миллионов?".

Фориссон писал:

"Я заявляю протест против характера специального номера журнала "История", посвященного врачам СС".

"Как вы можете хотя бы на один момент поверить в подлинность "газовой камеры" в Штрутхофе, фотографию которой вы не можете показать? Задавались ли вы вопросом, почему ни одна книга о Штрутхофе, включая роман Алленмата, не воспроизводит фотографию этой "газовой камеры", хотя она открыта для посещения и демонстрируется в "оригинальном состоянии", как гласит укрепленная на ней табличка? Как могли вы воспроизвести эту фотографию снаружи с такой трубой?"

"Знаете ли вы, что Крамер (комендант Штрутхофа, а потом Берген-Бельзена) - автор таких признаний о газовых камерах, которые по своей абсурдности превосходят все "признания" на процессах в Москве, в Кракове (процесс Гесса) и в Праге?"

"Как могли вы воспроизвести фотографию на стр. 45? Вы что, не читали книгу Харвуда "Действительно ли умерли 6 миллионов?" и книгу Удо Валенди "Иллюстрационные "документы" для написания истории", где эта фотография исследуется на стр. 74-75?"

"Отмечу, кстати, что ваша фотография - монтаж с монтажа. Обратите внимание, как расположена на "своих" плечах голова первого человека слева".

"И фотография на стр. 93 - женщина с голой грудью. Как вы не заметили, что и это тоже монтаж? См. книгу Валенди, стр. 23)".

"Как вы можете ручаться за правдивость пропаганды тех времен, когда готовился Нюрнбергский процесс? Вспомните удивительную статью 19 устава этого Трибунала: "Трибунал не будет связан техническими правилами, касающимися представления доказательств". Разве это не ужасающий цинизм? Разве это не должно насторожить каждого честного человека?"

"Я был ярым противником нацистов. Я не могу поддерживать фашизм ни в какой форме. Но я вам советую постоянно помнить о процессах ведьм, о "признаниях", "доказательствах" и "свидетельствах" на этих процессах. Одна ведьма сказала перед судом: "Вы хорошо знаете, что все это ложь, что шабаш такая же выдумка, как и общенье с дьяволом". К ее заявлению отнеслись с полным недоверием, хотя она говорила правду. Чтобы защитить себя, ей нужно было, согласно старому, но еще действовавшему закону, заботиться о правдоподобии, а не о правде".

"Я уже говорил и повторю еще раз: я готов открыть любые мои досье, касающиеся этого лже-геноцида. Вышло много книг по этому вопросу. Время настало".

Комментарий редакции:

"То, что в обширной иконографии концлагерей есть смонтированные или снабженные дезинформирующими подписями фотографии, вполне возможно. Что в лагерях было уничтожено меньше 6 млн. евреев, также возможно. Что в некоторых лагерях, где газовых камер не было, они, согласно легенде, были, - верно. Но пусть жертв было "всего" 2-3 миллиона, пусть газовые камеры были только

в лагерях на территории Польши, трагедия и ужас остаются теми же. И сравнивать бесчисленные свидетельства, признания и документы, доказывающие геноцид, с доказательствами, на основании которых ведьм отправляли на костер, это вызов, принимать который у нас нет ни желания, ни необходимости".

В конце концов, орган крайне правых "Дефанс де ль'Оксидан", которым руководил Морис Бардеш, известный фашист, взял в июне 1978 года статью, в которой Фориссон подводил итоги своей работы и которую давно пытался опубликовать. Фориссон сделал при этом оговорку, что не разделяет политические убеждения тех, кто его публикует.

Робер Фориссон. Проблема газовых камер

"Трибунал не будет связан техническими правилами, касающимися представления доказательств" (ст. 19 устава Международного военного трибунала, заседавшего в Нюрнберге).

"Трибунал не будет требовать, чтобы были представлены доказательства фактов, известных общественности, но будет считать их доказанными" (ст. 21 того же устава).

Никто, даже те, кто испытывает ностальгию по III Рейху, не отрицает существование гитлеровских концлагерей. Все признают также, что в некоторых из этих лагерей имелись крематории. Трупы не хоронили, а сжигали. Частые эпидемии требовали кремации, например, трупов тифозных (см. фотографии рвов).

Но что, наоборот, оспаривается многими французскими, английскими, американскими и немецкими авторами, так это существование в гитлеровской Германии "лагерей уничтожения". Этот термин означает у историков депортации концлагеря, оснащенные "газовыми камерами". Эти газовые камеры, в отличие от американских газовых камер, предназначались для массового уничтожения людей. Жертвами были мужчины, женщины и дети, которых Гитлер решил уничтожить из-за расовой или религиозной принадлежности. Это называют "геноцидом". Орудием "геноцида" были устройства для уничтожения людей, именуемые газовыми камерами, в которых использовался, главным образом, газ Циклом Б (инсектицид на основе синильной кислоты).

Авторов, которые оспаривают реальность геноцида и газовых камер, называют ревизионистами. Их аргументация выглядит примерно так:

> "Достаточно применить к этим двум проблемам стандартные методы исторической критики, чтобы понять, что перед нами два мифа, образующие неразрывное целое. Преступные намерения, которые приписывают Гитлеру, никогда не были доказаны. Что касается орудий преступления, то никто никогда их не видел. Они порождены военной пропагандой ненависти. История полна обманами такого рода, начиная с религиозных выдумок о колдовстве. Что отличает нашу эпоху от предыдущих, это могущество СМИ, оглушающий оркестр которых талдычит до тошноты о том, что следовало бы назвать "обманом века". И горе тому, кто и 30 лет спустя осмелится выступить против. Его ждут тюрьма, штрафы, избиения, оскорбления. Его карьера будет сломана. Его объявят "нацистом". Его тезисы не найдут отклика, его мысли будут искажены. И ни одна страна не будет к нему столь безжалостна, как Германия".

Сегодня прорвана блокада молчания вокруг ревизионистов, которые осмеливаются писать, что газовые камеры гитлеровских лагерей, включая Освенцим и Майданек, не более чем историческая ложь. Это уже прогресс. Но сколько оскорблений и искажений последовало за тем событием, когда такой историк как Джордж Уэллерс наконец решился, через 10 лет после смерти Поля Рассинье, обнародовать малую часть аргументов этого бывшего депортированного, который имел смелость опровергать в своих книгах ложь о "газовых камерах". Вся пресса, вся литература, низводящая нацизм до уровня секс-шопа, и даже такая газета, как "Ле Монд", принялись распространять идею, будто неонацисты осмеливаются отрицать существование крематориев. Хуже того: они утверждают, будто ни один еврей не был убит в газовой камере. Последняя формулировка весьма хитроумна. Она заставляет предполагать, что неонацисты, не оспаривая существование газовых камер, цинично уверяют, будто

одних евреев в силу какой-то особой привилегии не отправляли в газовые камеры.

Историку лучше всего ознакомиться с тезисами учеников Поля Рассинье и с книгой американца Артура Бутса "Мистификация XX века".

Я со своей стороны приведу здесь лишь несколько замечаний в помощь историкам, которых вдохновляет дух исследования.

Во-первых, я хотел бы обратить их внимание на один парадокс. Хотя газовые камеры являются, в глазах официальной истории, краеугольным камнем нацистской системы концлагерей (чтобы показать извращенный и дьявольский характер немецких лагерей по сравнению с другими концлагерями прошлого и настоящего, следовало бы описать во всех подробностях процесс изобретения, изготовления и использования нацистами этих орудий уничтожения людей), мы с удивлением отмечаем, что в обширной библиографии по истории этих лагерей нет ни одной книги, ни одной брошюры, ни одной статьи о самих газовых камерах. Я называю "официальной" ту историю лагерей, которую пишут сотрудники институтов или фондов, существующих частично или целиком на общественные средства, таких как Комитет истории Второй мировой войны или Центр современной еврейской документации во Франции или Институт современной истории в Мюнхене, в Германии.

В книге Ольги Вормсер-Миго "Нацистская система концлагерей. 1933-45" газовые камеры впервые упоминаются лишь на 541-й странице. Далее читателя ждут три сюрприза:

- Этому вопросу посвящено всего три страницы;

- Раздел называется "Проблема газовых камер";

- Эта "проблема" заключается в том, были ли в действительности газовые камеры в Равенсбрюке (в Германии) и Маутхаузене (в Австрии). Автор приходит к выводу, что их там не было, и не занимается проблемой газовых камер в Освенциме и других лагерях, вероятно, потому, что там, по ее мнению, этой "проблемы" нет.

Но читатель хотел бы знать, почему анализ, который позволил прийти к выводу, что в ряде лагерей газовых камер не было, не может быть ис-

пользован, когда речь заходит, например, об Освенциме. Почему критический дух в одном случае пробуждается, а в другом вдруг впадает в глубокую летаргию? Ведь мы имеем тысячу "доказательств" и "бесспорных свидетельств" о газовой камере в Равенсбрюке, начиная с неоднократных свидетельств Мари-Клод Вайян-Кутюрье и Жермены Тийон. Мало того. Через несколько лет после войны начальники лагеря в Равенсбрюке (Зурен, Шварцхубер, д-р Трайте) продолжали признаваться перед английскими и французскими судами, что в их лагере была газовая камера. Они даже описывали - весьма неопределенно - способ ее действия. Их даже казнили за эту фиктивную газовую камеру, а некоторые покончили с собой. Такие же признания перед смертью или казнью делали Цирайс относительно Маутхаузена и Крамер относительно Штрутхофа. Сегодня можно посетить т. н. газовую камеру в Штрутхофе и прочесть на месте ошеломляющие признания Крамера. Эта "газовая камера", выдаваемая за "памятник истории", всего лишь жульничество. Достаточно минимального критического анализа, чтобы понять, что убийство газом в таком маленьком помещении, совершенно не герметичном, стало бы катастрофой для исполнителей и всех людей в окрестности. Чтобы заставить поверить в подлинность этой "газовой камеры", на которой написано, что она "в оригинальном состоянии", что-то нацарапано на тонкой перегородке, четыре кафельные плитки которой разбиты. Просверлили даже "дыру", через которую Крамер якобы разбрасывал кристаллы яда, о котором он не мог сказать ничего, кроме того, что при реакции с водой он превращался в газ и убивал за одну минуту. Как Крамер не давал газу выходить через "дыру"? Как мог он видеть всех жертв, если он мог видеть лишь половину помещения? Как он вентилировал помещение, перед тем как открыть крепкую деревянную дверь? Может быть, все эти вопросы следует задать управлению общественных работ г. Сен-Мишель-на-Мерте, которое после войны занималось реконструкцией того, что якобы находится "в оригинальном состоянии".

Долго еще после войны прелаты, преподаватели университетов и простые люди верили свидетельствам о газовых камерах в Бухенвальде и Дахау.

Что касается Бухенвальда, то его газовая камера исчезла как-то сама собой в воображении тех, кто якобы ее видел. С Дахау поступили иначе. Сначала верили монсеньору Пиге, епископу Клермонскому, будто в газовой камере в Дахау убивали польских священников, но потом официально сделали такой вывод: "Эта газовая камера, строительство которой было начато в 1943 г., не была закончена, когда лагерь был освобожден в 1945 г. В ней никого не убивали". Небольшое устройство, которое демонстрируют посетителям как "газовую камеру", в действительности совершенно безобидно. Хотя есть вся архитектурная документация на сооружение "барака X" (крематория), неясно, на основании каких документов или какого технического исследования говорят в данном случае о "незаконченной газовой камере".

Ни один официальный исторический институт не сделал больше для придания достоверности мифу о газовых камерах, чем Институт современной истории в Мюнхене. Его директором с 1972 г. был Мартин Брошат. Сотрудник этого института с 1955 г., Брошат прославился публикацией (частичной) т. н. воспоминаний коменданта Освенцима Рудольфа Гесса в 1958 году. Однако в 1960 году этот историк сообщил своим изумленным соотечественникам, что на всей территории бывшего Рейха никогда не было газовых камер, а они были только в нескольких избранных пунктах, прежде всего, в Польше, в том числе в Освенциме-Бжезинке. Эта удивительная новость содержалась в простом письме в редакцию еженедельника "Ди Цайт", да еще под заголовком, в который был вложен ограничительный смысл: "В Дахау не убивали в газовых камерах". Брошат не привел ни малейших доказательств в подкрепление своих утверждений. Сегодня, спустя 18 лет после этого письма, ни он, ни его сотрудники не объяснили эту тайну. А было бы очень интересно знать:

- Как Брошат доказывает, что газовые камеры в бывшем Рейхе - мистификация;

- Как он доказывает, что газовые камеры в Польше - реальность;

- Почему "доказательства" и "свидетельства", касающиеся лагерей, географически более близких к нам, вдруг утратили ценность, а "доказательства"

и "свидетельства", касающиеся лагерей в Польше, остаются правдивыми.

По какому-то молчаливому соглашению, ни один официальный историк не задал публично этих вопросов. Сколько раз в "истории истории" довольствовались простым утверждением одного историка?

Но вернемся к газовым камерам в Польше.

Утверждения, будто газовые камеры существовали в Бельзеце и Треблинке, основываются на т. н. "докладе Герштейна". Этот документ, написанный эсэсовцем, покончившим с собой (?) в 1945 году в тюрьме Шерш-Миди, изобилует таким количеством нелепостей, что он давно дискредитирован в глазах историков. Этот "доклад" никогда не был опубликован, даже в документах Нюрнбергского военного трибунала, кроме как в урезанном, фальсифицированном, отредактированном виде. Никогда не публиковались вводящие в заблуждение приложения к нему.

Что касается Майданека, то визит в этот лагерь еще более поучителен, чем визит в Штрутхоф. Я опубликую досье по этому вопросу.

По Освенциму и Бжезинке мы располагаем воспоминаниями Р. Гесса, написанными под бдительным оком его польских тюремщиков. На месте остались только развалины и одна "реконструированная" постройка.

Казнь с использованием газа не имеет ничего общего с асфиксией в результате самоубийства или несчастного случая. Во время казни исполнитель и его окружение должны стараться избегать малейшего риска. Американцы в этих случаях используют газ сложного состава на очень небольшом, герметически закрытом пространстве. После использования газ отсасывается и нейтрализуется. Охранники должны ждать более часа, прежде чем войти в помещение.

Спрашивается: каким образом в Освенциме-Бжезинке можно было поместить 2000 человек на площади 210 кв. метров и потом высыпать на них гранулы очень сильного инсектицида Циклон Б, а сразу же после смерти жертв посылать без противогазов в место, пропитанное синильной кислотой, команду для извлечения трупов? Два документа из немецких промышленных архивов, которые американцы включили в свой репертуар в Нюрнберге, инфор-

мируют нас о том, что Циклон Б прилипает к поверхностям, не может быть удален путем нагнетательной вентиляции и требует проветривания на протяжении суток. Другие документы, которые можно найти только на месте, в архивах государственного музея Освенцима, и которые никогда не были описаны, показывают, что это место площадью 210 кв. м, которое сегодня в развалинах, представляет собой остатки морга, находившегося в подвале (для защиты от жары), с одной обычной дверью для входа и выхода.

Есть огромное количество документов о крематориях Освенцима и обо всем лагере, вплоть до счетов, составленных с точностью до пфеннига. Наоборот, о газовых камерах нет ничего: ни строительных нарядов, ни технического задания, ни распоряжений, ни планов, ни счетов, ни фотографий. На сотне процессов ничего этого не фигурировало.

"Я был в Освенциме и могу вас уверить, что там не было газовых камер". Голоса свидетелей защиты, которые имеют смелость говорить такое, не слышны. Их преследуют в судебном порядке. И сегодня тот, кто выскажется в Германии в поддержку Тиса Кристоферсена, автора книги "Ложь об Освенциме", рискует быть осужденным за "оскорбление памяти мертвых".

Сразу же после войны немцы, международный Красный Крест, Ватикан (хорошо осведомленный о том, что происходило в Польше), в один голос заявили: "Газовые камеры? Мы ничего не знали".

Но, спросим мы сегодня, как могли они знать о вещах, которые не существовали? Ни в одном немецком лагере не было ни одной газовой камеры: такова правда.

Это известие можно воспринять как хорошую новость, которую долго скрывали. Подобно тому, как объявить чудо в Фатиме обманом не значит отрицать религию, так и объявление газовых камер исторической ложью не наносит оскорбления бывшим заключенным. Речь идет только о долге говорить правду".

К этой статье Р. Фориссон сделал много копий "приложения", которые разослал вместе с текстом разным лицам.

А. Итоги 30 лет работ ревизионистов:

1) Гитлеровские газовые камеры никогда не существовали. 2) Геноцид или попытка геноцида евреев никогда не имели места. Гитлер никогда не отдавал приказа убивать кого-либо из-за его расовой или религиозной принадлежности. 3) Т. н. газовые камеры и т. н. геноцид - одна и та же ложь. 4) Эта ложь, придуманная сионистами, позволила организовать гигантское политико-финансовое мошенничество, основные выгоды из которого извлекает Израиль. 5) Главными жертвами этой лжи и этого мошенничества являются немецкий и палестинский народы. 6) Колоссальная власть официальных СМИ обеспечивала до сих пор успех этой лжи и подавляла свободу слова тех, кто ее разоблачал. 7) Сторонники лжи знают теперь, что их ложь доживает последние годы. Они искажают смысл и характер ревизионистских исследований. Они называют "возрождением нацизма" и "фальсификацией истории" возврат к источникам исторической правды.

В. Публикации и одно официальное выступление Р. Фориссона:

1) Письмо в журнал "Исторама" (ноябрь 1975) о сокращении N.N: оно означает не "Ночь и туман", а "Nomen Nescio" = "Аноним". На практике оно относилось к некоторым заключенным, лишенным права переписки. 2) Отрывки из письма в журнал "История" (август 1977) "Обман геноцида". 3) Выступление о мистификации с газовыми камерами 29 января 1978 г. на национальном коллоквиуме в Лионе на тему "Церкви и христиане Франции во Второй мировой войне".

С. Некоторые из технических картотек Фориссона.

1) Библиография по проблеме газовых камер. 2) Исследования Фориссона в Штрутхофе (1974), Майданеке (1975) и Освенциме (1975-76): 120 фотографий. 3) Годы исследований в Центре современной еврейской документации в Париже. 4) Консультации со специалистами-историками. 5) Процесс военных преступников. Стенограммы процесса Эйхмана. 6) Инсектицид Циклон Б. 7) Протоколы совещания на Ванзее. 8) "Окончательное решение" означало депортацию на Восток. 9) Посещение Освенцима в сентябре 1944 г.

представителем международного Красного Креста: всевозможные искажения оригинального текста его доклада. 10) "Доклад Герштейна" у Леона Полякова и Джорджа Уэллерса. 11) Воспоминания Р. Гесса - произведение И. Зена, просмотренное и откорректированное Мартином Брошатом. 12) Открытая для посещения газовая камера в Майданеке: "орудие преступления", экспертиза которого никогда не проводилась (как и всех прочих "газовых камер"). 13) "Признания". 14) "Шесть миллионов убитых" или "500000 погибших в войне"? Комитет истории Второй мировой войны (Анри Мишель и Клод Леви) отказывается публиковать результаты своих собственных исследований о депортированных из Франции "из страха перед ассоциациями депортированных". 15) "Мемориал депортации евреев из Франции" Сержа Кларсфельда: книга, написанная поздно, поспешно, без гарантии научности; четверть французских евреев была депортирована на Восток; автор не пытается определить число умерших, он объявляет умершими или погибшими в газовых камерах всех депортированных из Франции, кто не заявил о своем возвращении после 1945 года официальным французским или бельгийским органам. Газеты преподносят эту книгу как "памятник мертвым". Но она полна двусмысленностей. 16) Политико-финансовые доходы от "геноцида". 17) Французская пресса и право на сомнение и исследование. 18) Как работает журналист Пьер Виансон-Понте из газеты "Монд". 19) "Геноцид" по французскому телевидению. 20) Французские университеты и традиции охоты на ведьм.

Заявление Р. Фориссона.

По прочтении этих страниц некоторые могут истолковать мои идеи как попытку апологии национал-социализма.

В действительности же - по причинам, которые я не буду здесь объяснять - личность, идеи и политика Гитлера привлекают меня столь же мало, как личность, идеи и политика Наполеона. Я просто отказываюсь верить пропаганде победителей, для которых Наполеон был "Чудовищем", а Гитлер - "Сатаной".

Пусть все поймут, что единственная забота, которая вдохновляет меня в моих исследованиях, это забота об истине как о противоположности заблуждений и лжи.

Любое обвинение в нацизме я воспринимаю как клевету.

Поэтому пусть все физические и юридические лица подумают, прежде чем делать устные или письменные заявления, за которые я могу привлечь их к суду.

Копии этих материалов будут посланы в юридические и административные инстанции, а также в разные газеты, группировки и ассоциации".

16 июня 1978.

Знаменитая фраза "Гитлер никогда не отдавал приказа...", неоднократно повторенная Фориссоном, вызвала болезненную реакцию у большинства его читателей. На ней сосредоточили внимание и сделали ее поводом для того, чтобы отвергнуть аргументы Фориссона в целом. Она вызвала бурные дискуссии, даже среди тех, кто готов был принять аргументы Фориссона во внимание, но эта фраза оставалась для них неприемлемой. В 1979 году Фориссон составил для них такое пояснение: "Никогда Гитлер не отдавал приказа убивать кого-либо по причине его расовой или религиозной принадлежности".

Пояснения к этой фразе.

"Гитлер всегда считал евреев своими врагами и соответственно обращался с ними. Гитлер и нацисты говорили: "Союзники и евреи хотят нас уничтожить, но это они будут уничтожены".

Аналогичным образом, союзники и евреи говорили: "Гитлер и нацисты хотят нас уничтожить, но этим они будут уничтожены".

Для обоих лагерей речь шла о том, чтобы выиграть войну, которая велась не только против армий, но и против гражданского населения (мужчин, женщин, стариков, детей).

Лагерь победителей в последней войне тоже принимал принудительные меры против немецкого и японского меньшинств (которые считались опасными в разгар войны и нежелательными после войны), эти победители тоже прибегали к интернированию большого числа людей и к законным (по закону победителей) или произвольным казням, к административным, полицейским и судебным преследования побежденных, и даже 34 года спустя после перемирия 1945 года они осуществляют массовые депортации или "переселения" гражданского населения в ужасных условиях, но никогда власти союзных держав не отдавали приказа о преследовании кого бы то ни было из-за его принадлежности к этим враждебным, считавшимся опасными меньшинствам.

> То же самое делал Гитлер с меньшинствами, которые принадлежали к лагерю его врагов и считались опасными (5 сентября 1939 г. Хаим Вейцман, председатель Всемирного еврейского конгресса, объявил войну Германии. Для Гитлера евреи были представителями враждебной воюющей нации).
>
> Поэтому те, кто полагает, что в исторических вопросах можно выносить суждения об ответственности той или иной стороны, могут сказать так: и Гитлер, и союзники несут полную ответственность перед лицом морали и истории за все беды, преследования и смерти гражданских меньшинств всех стран, которые участвовали в войне 1939-1945 гг.".

Эта фраза кажется мне по меньшей мере неуклюжей из-за своей двусмысленности. Даже если удастся доказать, что она заключает в себе некую формальную истину, более чем вероятно, что Гитлер, как и другие политические и военные руководители, знали, что евреи и другие не враждебные и не воюющие меньшинства, такие как цыгане или гомосексуалисты гибнут в больших количествах в результате тех преследований, которым они подвергаются. Такого рода цинизм свойственен любому режиму. Люди продолжают гибнуть каждый день по причине расовых, религиозных, сексуальных и политических преследований. По моему мнению, можно сделать больше, чтобы этому помешать.

Но вернемся к делу Фориссона.

Был ли достигнут успех? Конечно, нет. Выбор средства не был удачным. Крайне правые не вызывают доверия, когда речь идет об исследованиях, о сомнениях, об истине. Виансон-Понте возобновил свои нападки на т. н. ревизионистскую школу: "Удивительно, что ответственные за эти подлости не подвергаются преследованиям: они подпадают под закон о разжигании расовой ненависти" (Ле Монд, 3-4 сентября 1979). Виансон-Понсе обозвал по этому случаю "фальсификатором" Рассинье, вследствие чего на сцену выступили сторонники Расинье из числа крайне левых. Можно задать вопрос, на каких путаных представлениях о юриспруденции было основано это требование журналиста о привлечении к судебной ответственности тех, кто придерживается иных, нежели он, мнений. Но он не осмелился назвать по имени Фориссона, работы которого он не очень хорошо знал.

Примечание. Я имею право быть суровым по отношению к этому журналисту, смерть которого я оплакиваю, потому что я всегда высоко его ценил. Он лучше всех писал о внутренней политике Франции. Эмоции, которые он проявил в этом деле, мне понятны. Я сам долгое время разделял его взгляды. Но нужно по крайней мере

попытаться взглянуть за пределы, ограниченные иррациональными эмоциями, и часто узкие.

Глава III. Дело раскручивается

Масла в огонь подлило интервью Даркье, бывшего комиссара по еврейскому вопросу режима Виши, в "Экспрессе". Для Фориссона "момент настал". 1 ноября 1978 г., опираясь на свои досье, он разослал в различные газеты довольно провокационное письмо:

> "Я надеюсь, что некоторые сведения, полученные недавно журналистом Филиппом Ганье-Раймоном от Луи Даркье де Пельпуа, заставят, наконец, широкую публику понять, что массовые убийства, якобы совершенные в "газовых камерах", и т. н. "геноцид" это одна и та же ложь, к сожалению, поддерживаемая до сих пор авторитетом официальной истории (истории победителей) и колоссальной силой главных СМИ. Как француз Поль Рассинье (бывший депортированный, участник Сопротивления), как немец Вильгельм Штеглих, как англичанин Ричард Харвуд, как американец Артур Бутс (автор "Мистификация XX века", книги столь значительной, что оппонентам нечего возразить) и два десятка других авторов, работы которых замалчиваются или подвергаются клевете, я заявляю, как я это сделал на национальном коллоквиуме в Лионе на тему "Церкви и христиане Франции во Второй мировой войне" (27-30 января 1978 г.): "Массовые убийства в т. н. "газовых камерах" - историческая ложь". Гитлер никогда не приказывал и не разрешал, чтобы кого-нибудь убивали из-за его расовой или религиозной принадлежности. Я не хочу ни оскорбить, ни реабилитировать кого-либо. Пока не будет доказано противное, я буду считать, что провожу свои исследования в соответствии со стандартными методами исторической критики. Я готов к любым дебатам по вопросу о "газовых камерах" и "геноциде", к любому спору, к любому интервью, надлежащим образом записанному. Я писал об этом в разные официальные учреждения, в газеты (например, "Трибюн жюив-эбдо") и другие органы информации на протяжении четырех лет и повторяю то же самое сегодня. Свет на это дело не прольет ни "документальная драма" "Холокост", ни ЛИКА, ни энный уровень защиты, а только изучение на равных представленных тезисов. Что касается меня, то я люблю свет".

В "Монде" все были начеку. Там знали этого человека и жили в страхе, как бы он не пролез, не прижал какого-нибудь редактора и не убедил его в важности дела. В "Матэн де Пари" дела не знали, и парижская редакция поручила своему корреспонденту в Лионе Клоду Режану вступить в контакт с Фориссоном. Они встретились, вооружившись магнитофонами, 8 ноября на канале "Софитель". Согласно записи, встреча началась так:

> Р. Ф.: Понятно, что я даю вам это интервью на условиях, которые были уточнены по телефону. Прежде всего, интервью должно быть записано. Мы немного поболтаем сегодня, вы зададите вопросы, я их запишу, а завтра отвечу на них. Но я со своей стороны хочу поставить такое условие газете "Матэн": текст должен быть опубликован полностью или не опубликован вообще. Вам решать. Как вы считаете, на сколько страниц я должен дать вам интервью?
>
> К. Р.: Очень короткое. Я не могу сегодня определить длину.
>
> Р. Ф.: Мы должны быть точными в этом вопросе. Интервью должно быть полным или его не будет. Например, если я дам вам 60 машинописных строк, все они должны быть напечатаны, с заголовками и подзаголовками.
>
> К. Р.: Я на это не уполномочен.
>
> Р. Ф.: Хорошо. Но вы можете передать весь текст, короткий или длинный? Или не передавать ничего?
>
> К. Р.: Это совершенно невозможно.
>
> Р. Ф.: А я не хочу давать интервью, которое будет обрезано.
>
> К. Р.: Меня попросили встретиться с вами, потому что вы писали в "Матэн". Наша газета хочет знать, что вы хотите сказать. Это все.
>
> Р. Ф.: Я вам сказал при первой же встрече, что буду отвечать письменно. И вы знаете, почему: тема очень деликатная. В данной ситуации я хотел бы действовать как Миттеран, который, говорят, дает только письменные интервью. Если я боюсь говорить на эту тему свободно, если я хочу, чтобы разговор был записан, значит, я боюсь искажений. Первое из них - сокращение текста. Я этого не хочу. Я не хочу, чтобы моя мысль была хоть в малейшей степени искажена. Тема слишком серьезна. Вы были очень любезны, вы пришли ко мне, но вы говорите, что не можете взять на себя такую ответственность. Если бы я жил в Париже, я пришел бы к вашему главному редактору и, может быть, мы достигли бы соглашения.

Может быть, вам стоит снова связаться с ним и рассказать, как обстоит дело. Тема слишком серьезна.

К. Р.: Я не могу этого сделать, пока не узнаю, что вы мне скажете.

Р. Ф.: Так не пойдет. Я уже сказал: первое решение - за вами.

К. Р.: Я могу сказать, например, так. Вы напишете в ответ на два точных вопроса одну машинописную страницу - 25 строк. Но я все равно не могу гарантировать, что текст пойдет полностью.

Р. Ф.: Я могу представить текст в любом виде. Но этот текст может быть опубликован только полностью. Именно по этому вопросу вы должны принять решение. Оно не будет априорным. Когда у вас в руках будут, например, три машинописных страницы, тогда вы и примете решение.

К. Р.: То есть, сначала вы даете текст, а потом мы решаем, пойдет он или нет?

Р. Ф.: Именно так. Понятно, что этим текстом будут ваши вопросы и мои ответы. И очень важен заголовок. Я хотел бы выбрать его сам.

К. Р.: Но вы таким образом нарушаете общепринятый порядок.

Р. Ф.: Тем хуже для меня. Мне очень жаль, но я часто это делаю. В заголовке вся суть. Он может быть, скажем, оскорбительным. В атмосфере полемики, которая началась после интервью Даркье, все возможно: любая клевета, любое злословие, любое искажение, начиная с заголовка. Я могу дать вам примеры заголовков, которые будут просто скандальным.

К. Р.: Заголовок определяет не тот, у кого берут интервью.

Считая, что своего рода соглашение достигнуто, Фориссон представился:

"Меня зовут Робер Фориссон, я наполовину англичанин. Во время войны, когда я был ребенком, меня дразнили "англиш". Я не нацарапал на своей парте слово "свобода", как призывал Элюар, я нацарапал на ней "смерть Лавалю". И еще я написал по-немецки "Гитлер - дерьмо", - я немного знал немецкий. Среди моих одноклассников был один по фамилии Барбо или Барберо, настроенный пронемецки. Он обнаружил надписи на моей парте и стал при всех издеваться надо мной: "Вы, англичане, удираете в Африке, как зайцы!". И он же, через несколько дней после того, как англо-американцы вы-

садились в Северной Африке, и люди начали понимать, что ход войны меняется, подошел ко мне, протянул мне руку (я ее не пожал) и сказал (прошу прощения): "На этот раз они в заднице". "О ком ты говоришь?" - спросил я. "О бошах, конечно". "Как? Ты называешь немцев бошами?" Он ответил мне латинской пословицей: "Человеку свойственно заблуждаться, Дьяволу - упорствовать в заблуждениях". Я думаю, он слышал ее от своего папы, а папа вскоре стал борцом Сопротивления, настоящим или на словах - не имеет значения. И до конца войны меня жгла эта ненависть, которую мне внушали в семье и по радио. Я не мог слышать имя не только Лаваля, но и Дарлана. Я расскажу вам об одном случае, который не делает мне чести. В августе 1944 г. я был на каникулах в деревушке Лаперюз в Шаранте. Однажды мы стояли у окна с моим младшим братом, а по улице солдат Сражающейся Франции вел под ружьем человека, обнаженного до пояса. И я сказал своему брату: "Почему его сразу не расстреляют, этого негодяя?" Мне не нужно было никаких объяснений: раз ведут под ружьем, значит, коллаборационист; раз коллаборационист, значит, негодяй. Вот каким я был. И я думаю, нужно быть жестоким в момент борьбы, но когда все кончено (а нацизм умер 30 апреля 1945 г. и не рассказывайте мне сказок, будто он жив), у меня пропадает охотничий инстинкт. Я становлюсь на сторону оленя.

Я расскажу вам, что я делал во время войны в Алжире. Это легко проверить. Я жертвовал средства Комитету Мориса Одена, но потом я защищал одного товарища, которого заподозрили в связях с ОАС. Так реагируют настоящие британцы. Меня ужасает, когда плюют на труп, и я пытаюсь понять, почему так делают. Меня беспокоит это единодушие в деле Даркье де Пельпуа. Когда таких типов убивали во время войны, я радовался, как, например, при известии, что убит Филипп Анрио. Когда я слышал по английскому радио: "На Гамбург сброшено 4000 тонн бомб", я говорил себе: "Это прекрасно, но почему не 8000?" Женщин, стариков и детей сжигали фосфором, а я находил, что это хорошо. В Орадуре убили 625 человек, и я возмущался; в Дрездене, этом городе-музее, Флоренции на Эльбе, погибло 135000 человек, и я считал, что это нормально, это хорошо".

От этого автопортрета в статье журналиста не осталось ни одного слова. Тогда Фориссон попытался объяснить причины, побудившие его заняться своими исследованиями, и свои выводы.

Журналист был шокирован (что понятно) и начал издеваться (что менее понятно):

К. Р.: Итак, люди, которые были в Вель д'Ив, просто пошли прогуляться и все вернулись.

Р. Ф.: Прошу не задавать мне вопросы в таком тоне.

К. Р.: Кого вы хотите убедить? Что вы хотите доказать? Что не было депортированных евреев, которые...

Р. Ф.: Придется повторить сначала. Только попрошу обращаться ко мне вежливо, иначе я не буду отвечать. Понятно? Иначе мы немедленно прекратим беседу. Итак, я сказал, что думаю насчет депортированных то же, что думают, например... нет, я не буду называть имен, поскольку это будет сразу же истолковано в дурном смысле. Вот что я сам об этом думаю. Выделим изо всех рассказов о страданиях то, что соответствует истине. Это факт, что людей преследовали по причине их расовой или религиозной принадлежности. Для одних ужасной драмой была потеря своей работы, для других интернирование, для третьих - разлука с семьей, для четвертых - депортация в страны, далекие от их родины, работа в очень тяжелых условиях, недоедание. Многие становились жертвами различных эпидемий. Огромные опустошения тиф произвел в Берген-Бельзене: мы все видели на снимках горы трупов. Все это было. Но не следует забывать, что шла война. Люди рисковали, принимали участие в Сопротивлении. Будь я на два года старше, я тоже стал бы бойцом Сопротивления.

К. Р.: Сколько вам тогда было?

Р. Ф.: В 1944 году мне было 15 лет. Все эти факты истинны, страдания были ужасны. Итак, как мне отвечать на ваш вопрос (я хотел бы, чтобы он был не столь агрессивным)? Я ставлю перед собой весьма скромную задачу. Я занимаюсь поиском истины, стараюсь установить точные факты, потому что считаю, что некрасиво врать, некрасиво фабриковать тот нацизм секс-шопов, который нам навязывают уже давно. Интерес к Гитлеру - нездоровый интерес, он меня интересует не больше, чем Наполеон, мне не интересны ни его идеи, ни его личность. Сталин не был богом, Гитлер не был дьяволом, внезапно откуда-то возникшим. Я сказал, что меня интересует, и думаю, это здоровый интерес.

К. Р.: Так убивал Гитлер евреев или нет?

Р. Ф.: Никогда Гитлер не отдавал приказа их убивать. Слушайте меня внимательно, это важно, что я

сейчас скажу: никогда Гитлер не отдавал приказа убивать людей по причине их расовой или религиозной принадлежности. Но он раз десять говорил: "Евреи хотят нашей смерти, но мы увидим, как погибнут они".

К. Р.: Уже неплохо.

Р. Ф.: И наконец...

К. Р.: А как же "окончательное решение"?

Р. Ф.: "Окончательное решение", если вы задаете мне этот вопрос...

К. Р.: Его что, тоже не было?

Р. Ф.: "Окончательное решение" было, это совершенно точно.

К. Р.: И в чем же оно заключалось?

Р. Ф.: Окончательным решением была депортация евреев. Сначала был план отправить их на Мадагаскар. У меня есть текст этого проекта. Потом, когда война охватила всю Европу, этот план был заменен другим: отправить евреев как можно дальше от Европы, а пока заставить работать тех из них, кто может работать. Нам известны слова Гитлера. Вы можете возразить, что Гитлер рассказывал сказки, но зачем пересказывать их, меняя их смысл? Гитлер сказал о евреях (если не ошибаюсь, в сентябре 1942 г.): "Я заставлю их основать национальное государство".

К. Р.: А что же происходило в лагерях, где они умирали, где...

Р. Ф.: В лагерях они умерли не все, иначе ассоциации бывших заключенных не были бы столь многочисленными. По этому поводу я хочу сказать вам одну вещь, о которой забыл в процессе беседы, а она очень важна. Дело касается цифр. Вам известен Комитет истории Второй мировой войны. Он подчиняется непосредственно премьер-министру. Его возглавляют Анри Мишель и Клод Леви. Они уже давно, более 20 лет, занимаются изучением депортации. Эта работа была закончена в 1973 г. Но ее результаты никогда не были опубликованы, и сейчас я вам скажу, почему. Этот Комитет публикует бюллетень для служебного пользования, который не следует путать с журналом "Ла Ревю де ла Згонде Герр Мондиаль", и вот что пишет Анри Мишель в номерах этого бюллетеня 209 и 212 за январь и апрель 1974: "Итоговый результат этого исследования (т. е. труда многих людей на протяжении многих лет) не будет опубликован во избежание конфликтов с некоторыми ассоциациями бывших заключенных". Другая

формулировка: "Во избежание рассуждений, неприятных для бывших заключенных".

К. Р.: Итак, сколько же человек исчезло?

Р. Ф.: Вы возвращаетесь к вопросу, на который, как я уже сказал, я лично не могу дать ответа, но есть люди, которым следует задать этот вопрос и потребовать у них опубликовать результаты их исследований по Франции.

В ходе беседы журналист забросил приманку Даркье. Это выгодно, можно будет дать заголовок "Соперник Даркье", это будет хорошая реклама. Но Фориссон ответил: "Г-н Даркье де Пельпуа меня не интересует, он принадлежит к тому типу людей, против которых я сражался всю жизнь".

Рыба не клюнула. Надо искать другой заголовок. Интервью закончилось неудачно.

Р. Ф.: Мои студенты прочтут "Матэн". К сожалению, они не прочтут этого, потому что, как я уже сказал, я хочу только письменного интервью. Вы согласны?

К. Р.: Совсем нет.

Р. Ф.: Как?

К. Р.: Совсем нет. Вы говорили мне, я вам сначала ничего не говорил. Я использую то, что вы мне сказали.

Р. Ф.: Нет, нет, вы мне сказали, что вы согласны - интервью будет письменным. А это была просто беседа между нами.

К. Р.: Я этого не говорил, можете проверить.

Р. Ф.: Вы хотите меня обмануть, вы делаете очень плохо, вы не имеете права так делать.

К. Р.: Я бы этого не сказал.

Р. Ф.: Я говорил с вами доверительно, это была беседа между нами, а вы...

К. Р.: Вы думали, я потерял целый час, беседуя с вами, и не сделаю из этого статьи? Нет, это невозможно.

Статья в "Матэн" (16 ноября 1978 г.) оправдала все опасения Фориссона. Заголовок начинался так: "Даркье не одинок. Некоторые считают безумием то, что он говорит о нацистских лагерях уничтожения. А в Лионе один преподаватель, Робер Фориссон, его поддерживает". Заголовок кончался намеком на конец интервью с Клодом Режаном, который "записал на магнитофон двухчасовое интервью. Вскоре после этого Фориссон потребовал, чтобы оно не было опубликовано. Несомненно, он сам ужаснулся чудовищности своих тезисов". Сам журналист не ужаснулся пустоте своей болтовни. Не довольствовавшись этими искажениями, он добавил к ним чистейшую ложь, заявив, будто Фориссон "выполняет функции историка-консультанта в издательстве Босан в Брюсселе. Названия

книг, выпускаемых там, говорят сами за себя: "Ложь об Освенциме", "Протоколы сионских мудрецов", "Правда о деле Иоахима Пайпера". Клод Режан таких вопросов Фориссону не задавал, но другие газеты воспроизвели эту клевету в чистом виде и даже сделали Фориссона автором названных сочинений, как Бернар Шальша, который поспешно перепечатал статью из "Матэн" в "Либерасьон" 17 ноября 1978 г. Но венцом всех домыслов было утверждение "Матэн", будто Фориссон, когда он преподавал в Клермон-Ферране (до 1969 г.), "получил выговор за антисемитские высказывания".

Чтобы привлечь читателей, фраза "Является ли подлинным "Дневник" Анны Франк?" (что не имело отношения к предмету дискуссии) была повторена четыре раза (в шапке, в заголовке статьи и дважды в тексте) и в пятый раз, в видоизмененной форме, - в подписи под фотографией Анны Франк, без единого слова комментариев, чтобы пояснить суть этого вопроса. Зачем понадобилась бедная Анна Франк "Матэн де Пари"? Чтобы заставить мещанок прослезиться и отвлечь внимание от темы. Мне говорили, будто эта газета - социалистическая, но я не верю: здесь какая-то ошибка.

Остальная часть статьи состояла из рассуждений Мориса Бернаде, президента 2-го Лионского университета, отрывочных и частично искаженных (так говоря о книге А. Бутса "Мистификация XX века" К. Режан добавляет, будто она переведена на французский язык Франсуа Дюпра, недавно убитым крайне правым деятелем. Это чистая выдумка - книга не переведена), о программе курса, который ведет Фориссон, и из вырванных кусочков текста Фориссона под заголовком "Проблема газовых камер". Во всем тексте не было ни единого слова из сказанных Фориссоном в ходе интервью.

Эта статья и эти выдумки были перепечатаны без изменений другими крупными газетами. Фориссон немедленно ответил, но "социалистическая" газета "Матэн де Пари" тоже не признает права на ответ. Фориссон обратился в суд. В мотивировке своего решения 2 мая 1979 г. суд воспроизвел часть этого ответа:

> "Я даю только письменные интервью. Ваш журналист был об этом надлежащим образом предупрежден, но он позволил себе вырезать и склеить куски моего текста, представив меня к тому же антисемитом.
>
> Я не интересуюсь ни национал-социализмом, который умер 30 апреля 1945 г., ни ностальгирующими по нему неонацистами, ни нацизмом секс-шопов, популярным благодаря США и ряду официальных историков.
>
> Четыре года размышлений над тезисами Поля Рассинье (участника Сопротивления и узника лагерей, смелого и правдивого человека) и четыре года собственных исследований в лагерях Штрутхоф, Освен-

> цим, Бжезинка и Майданек привели меня к убеждению, что гитлеровские "газовые камеры" - всего лишь обман. Зная о том, что "газовые камеры" не существовали, следует ли продолжать хранить молчание или лучше объявить, наконец, эту хорошую новость?"
> Суд вынес по этому вопросу следующее решение:
>
> "Учитывая, что редактор газеты "Матэн" имел право отказаться публиковать ответ, в котором автор статьи, обвиненный в том, что он вырезал и склеил куски из текста Фориссона, подвергался оскорблениям; что Фориссон злоупотребил этим правом, пытаясь навязать газете публикацию, в которой упор делался на "нацизме секс-шопов, популярном благодаря СМИ и ряду официальных историков", все это не имеет прямого отношения к его тяжбе с журналистом".

Таким образом, журналиста оскорбили, точно описав, что он сделал: вырезал и склеил куски текста. Надо будет запомнить. Тем не менее, газета "Матэн" была осуждена за клевету. История с выговором за антисемитские высказывания была сочтена "весьма правдоподобной" без достаточных на то оснований. Однако - и это было исключительным - на обычное требование публикации решения суд ответил отказом "по причине особых обстоятельств дела". Итак, газета оклеветала частное лицо, этот факт признан судом, но данному лицу отказывают в праве на публичную компенсацию того, что суд квалифицировал как покушение "на честь и репутацию". Что же это за "особые обстоятельства"? За этим крылось общее желание газеты и суда, чтобы образ Фориссона остался замаранным в глазах публики предъявленным ему обвинением.

Невольный юмор заключался в том, что газета "Матэн" опубликовала в подвале той же полосы статью под названием "Как признается невиновный". Для тех, кто знаком с этими кошмарными делами, вопрос о признаниях ряда руководящих нацистов имеет ключевое значение. Ценность признаний, полученных с применением крайних мер принуждения, должна быть поставлена под сомнение. Мы узнаем из этой статьи, что группа по изучению проблемы смертной казни во главе с депутатом от РПР Пьером Ба решила заслушать ряд важных свидетелей, таких как Жиль Перро, монсиньор Фоше, епископ Труа, и аббат П. Туля. Жиль Перро указывает на ненадежность свидетельств, а как признается невиновный, он показывает на примере Артура Лондона. Я процитирую конец этого текста: "Свидетельства не более надежны, чем признания. Выводы, полученные в результате точных опытов группой исследователей из Колумбийского университета, поразительны. До сих пор мы думали, что человеческий глаз действует как фотоаппарат, а память про-

являет пленку более или менее полно, но верно. В действительности не только память, но и зрение работают выборочно. Глаз видит то, что он ожидает увидеть, что он хочет увидеть, что кажется ему логичным". Университетским ученым это знать не обязательно. Но перенесем их выводы из судебной плоскости в плоскость исторических событий. Что скажет г-н Бадентер?

Утомительно описывать реакцию прессы в целом на это дело. Было только осуждение и возмущение, но никакой информации, никакой стихийной дискуссии. Только Фориссон своими письмами в "Монд" каждый раз отбивал мяч.

Первое письмо от 16 декабря 1978 г.:

> "Не вздумайте отрицать! За то, что я, как Поль Рассинье и два десятка других авторов-ревизионистов, отрицаю существование гитлеровских "газовых камер", высшие университетские инстанции уже четыре года клеймят меня как "нациста", "сумасшедшего", "Савонаролу", "иезуита" и вообще как вредную личность. А до 1974 г. меня столь же официально величали "блестящим профессором", "очень оригинальным исследователем", "исключительной личностью", преподавателем с "замечательными интеллектуальными и педагогическими качествами"; мои публикации "наделали много шума", а моя защита в Сорбонне была признана "блестящей".
>
> 16 ноября 1974 г. одна газета, получив интервью у г-на Бернаде (президента моего университета), опубликовала отвратительную ложь обо мне в предисловии к монтажу из "заявлений", сделанных мною по поводу лжи о "газовых камерах". Г-н Бернаде немедленно распространил эту статью, сопроводив ее призывом к коллегам писать протесты против моих заявлений. Сам он, со своей стороны, заявил другой газете, что у меня, очевидно, "поехала крыша", и он не может больше обеспечивать мою безопасность. В коммюнике и на пресс-конференции он осудил "скандальный характер" моих утверждений, которые якобы "не основываются ни на каком серьезном фундаменте и не заслуживают ничего, кроме презрения".
>
> Г-н Бернаде и ректор заставили меня прекратить мою преподавательскую деятельность. Ни тот, ни другой меня об этом не предупредили, и я попал в настоящую ловушку. Посторонние лица врывались в мой кабинет. Г-н Бернаде был на месте и знал, что я тоже на месте и что в университет ворвалась группа возбужденных людей, но ничего не предпринял. Меня оскорбляли, преследовали в

коридорах и на выходе, а на улице избили. Затем последовало новое нападение на меня и на одного из моих студентов. Три года я вел семинар, но теперь больше не мог его продолжать, потому что, согласно официальной формулировке, я никогда ничего не опубликовал в своей жизни якобы "по моему собственному признанию". Чтобы обосновать это обвинение, Бернаде вырвал из контекста фразу из моего письма, в котором я выражал свое удивление по поводу того, что меня объявляют "нацистом", тогда как я никогда не опубликовал ничего, что заставило бы в это поверить (письмо от 12 декабря 1975 г.). Это удивительное обвинение было потом повторено министром и Государственным Советом, хотя список моих публикаций прилагался к моему досье. Я не буду здесь вступать в спор с г-ном Бернаде и указывать на другие грубые неточности, уловки и умолчания в его письме. Я жду публичной дискуссии на тему, которую явно избегают: тему о "газовых камерах". Я уже 4 года прошу "Монд" опубликовать, наконец, мои две страницы "Слухи об Освенциме". Время пришло".

И "Ле Монд" опубликовал этот материал 29 декабря 1978 г. Дискуссия началась.

Проблема газовых камер и слухи об Освенциме

Никто не оспаривает, что в некоторых немецких лагерях использовались крематории. Частые во время войны эпидемии по всей Европе требовали кремации трупов людей, умерших от тифа.

Оспаривается существование газовых камер как орудия убийства людей, и с 1945 г. все громче. СМИ не могут больше игнорировать эту тему.

В 1945 г. официальная историческая наука утверждала, что "газовые камеры" действовали как в бывшем Рейхе, так и в Австрии, как в Эльзасе, так и в Польше. В 1960 г., 15 лет спустя, она пересмотрела свое мнение: "газовые камеры" действовали, прежде всего (?) только в Польше (заявление д-ра Мартина Брошата, директора института современной истории в Мюнхене", "Ди Цайт", 19 августа 1960 г.). Это потрясающее заявление превратило в ничто тысячи "свидетельств" и "доказательств" убийств в газовых камерах в Ораниенбурге, Бухенвальде, Берген-Бельзене, Дахау, Равенсбрюке и Маутхаузене. Перед английскими и французскими судами

начальники лагеря в Равенсбрюке (Зурен, Шварцхубер, д-р Трайте) признавали, что в лагере была "газовая камера" и даже описывали в смутных выражениях ее действие. По тому же сценарию признавались Цирайс из Маутхаузена и Крамер из Штрутхофа. После смерти виновных обнаружилось, что в этих лагерях никого не убивали в газовых камерах. Вот насколько ненадежны свидетельства и признания!

"Газовые камеры" в Польше ничуть не более реальны, в конце концов придется признать и это. Большинство информации по этому вопросу мы получили от польских и советских судов (см., например, ошеломляющие признания Р. Гесса, коменданта Освенцима).

Сегодняшний посетитель Освенцима или Майданека видит, что т. н. газовые камеры это сооружения, использование которых для убийства людей газом стало бы катастрофой для исполнителей и их окружения. Коллективное убийство газом, если предположить, что таковые имели место, нельзя сравнивать с самоубийством при помощи газа или случайной гибелью от газа. Чтобы убить газом одного заключенного, связанного по рукам и ногам, американцы используют газ сложного состава на ограниченном пространстве, откуда газ потом отсасывается для нейтрализации. Как же можно было, например, в Освенциме удерживать две или даже три тысячи людей на площади 210 кв. м., осыпать их гранулами сильного инсектицида Циклон Б, а сразу же после смерти жертв использовать без противогазов в помещении, насыщенном синильной кислотой, команду для удаления трупов, пропитанных той же кислотой? Малоизвестные документы (фотографии из музея Освенцима, нег. 519 и 6228 и документы Нюрнбергского трибунала NI-9098 и NI-992) показывают: 1) Что помещение, которое немцы взорвали перед отходом, было типичным моргом, расположенным в подвале и оснащенным лишь одной маленькой дверцей для ввода и вывода трупов; 2) Что Циклон Б нельзя удалить путем ускоренной вентиляции, для его испарения требуется минимум 21 час. В то время как по крематориям Освенцима мы имеем тысячи документов, включая счета, составленные с точностью до пфеннига, по газовым камерам, которые якобы пристраивались к крематориям, нет ни строительных нарядов, ни технических заданий, ни приказов, ни планов, ни счетов, ни фотографий. На сотне

процессов (в Иерусалиме, Франкфурте и т. д.) ничего не было предъявлено.

"Я был в Освенциме. Я не нашел там газовых камер". Свидетелей, которые осмеливаются заявить подобное, не слушают, их преследуют по суду. И в 1978 г. любой, кто в Германии будет свидетельствовать в пользу Т. Кристоферсена, автора книги "Ложь об Освенциме", рискует быть осужденным за "оскорбление памяти мертвых".

После войны международный Красный Крест (который проводил свое расследование "слухов об Освенциме"), Ватикан (который был хорошо информирован о положении в Польше), нацисты, коллаборационисты, все в один голос заявляли: "Газовые камеры? Мы ничего не знали". Но как можно знать о чем-то, чего не существовало?

Нацизм умер вместе со своим фюрером. Сегодня остается только правда. Осмелимся же ее высказать. То, что газовых камер не было, - хорошая новость для бедного человечества. Плохо, если хорошие новости долго скрывают".

На той же странице было помещено опровержение специалиста, Джорджа Уэллерса;

"Обилие доказательств"

Г-н Фориссон бросил вызов: "Пусть кто-нибудь предоставит мне хоть малейшее доказательство существования газовых камер в нацистских концлагерях". Следует знать, что газовые камеры в лагерях, где уничтожали евреев и цыган (Освенцим, Бельзец, Майданек, Собибор, Треблинка) были уничтожены немцами перед концом войны. Единственным исключением был Майданек.

Таким образом, речь идет не о "малейшем доказательстве", а об изобилии доказательств трех сортов. Это немецкие архивы, свидетельства бывших эсэсовцев и свидетельства бывших заключенных.

Например, в случае с Освенцимом, в переписке между изготовителями и конструкторами четырех усовершенствованных газовых камер в Освенциме II (Бжезинке), предназначенных для замены "самодельных", установленных весной 1942 г. ("бункеров" на лагерном жаргоне) упоминается "заказ на камеру для обработки газом". Смешно утверждать, что в Освенциме не было газовых камер, как это делает "свидетель" Кристоферсен, упомянутый Фориссоном, искавший их в 1944 г. в Освенциме I,

Райско и Белице, где их не было. Что касается Бжезинки (Освенцим II), где они находились за закрытыми воротами и куда вход посторонним был запрещен, он заходил туда лишь один раз, чтобы забрать сто заключенных, предназначенных для отправки в Райско, и ничего не видел. Все это позволяет судить о ценности его "свидетельства", сделанного в 1973 г.

Весь вопрос в том, чтобы знать, предназначались ли эти камеры для уничтожения "вшей", как говорит Даркье и как, похоже, думает Фориссон, который отмечает, что Циклон Б - сильный инсектицид, или для уничтожения людей.

Что касается вшей, то нет ни одного положительного указания на это. Наоборот, что касается людей, доказательств очень много.

Вот, например, что мы читаем в дневнике врача СС профессора Кремера, найденном 12 августа 1945 г. в его квартире и относящемся к периоду, когда последний был в Освенциме и участвовал в отборе для газовых камер (специальных акциях): "2.IX.1942. Сегодня в 3 ч. утра я присутствовал впервые при специальной акции. По сравнению с этим дантов ад кажется комедией. Не зря Освенцим называют лагерем уничтожения". "12.X.1942. Присутствовал при специальной акции ночью (1600 человек из Голландии). Ужасные сцены перед последним бункером". "18.X.1942. В одиннадцатый раз присутствовал при специальной акции. Опять голландцы. Было холодно и сыро. Ужасные сцены. Три женщины умоляли оставить им жизнь". О ком же речь? О вшах или о людях?

Для сравнения, тот же Кремер записывает: "1.IX.1942. Присутствовал днем при дезинфекции одного блока с помощью газа Циклон Б с целью уничтожения вшей". Здесь ничего не говорится ни о специальной акции, ни о дантовом аде, ни об ужасных сценах, ни об уничтожении.

29 января 1943 г. в письме начальника строительства Освенцима главе центральной администрации СС в Берлине о состоянии строительства крематория II в Бжезинке речь идет о печи крематория, о морге и о помещении для обработки газом. Что, это все, - для вшей?

В июле 1945 г. и в марте-апреле 1946 г. два видных эсэсовца из Освенцима (Пери Брод, начальник политического отдела, и Рудольф Гесс, комендант лагеря) дали британским властям, а потом Международному трибуналу, прежде чем польским и советским органам,

независимо друг от друга, подробное описание газовых камер в Бжезинке и их действия. Позже, в ходе различных процессов над эсэсовцами из Освенцима в немецких судах восемь членов СС, допрошенные в качестве свидетелей, признали, что видели своими глазами газовые камеры в Бжезинке в действии. Никто из десятков обвиняемых не отрицал их существование, они отрицали только свое личное участие в их использовании.

Пятеро заключенных, бежавших из Освенцима в 1943 и 1944 гг. в том числе один польский офицер, не еврей, дали описание газовых камер и их отчеты были опубликованы Исполнительным бюро Комитета по делам военных беженцев при президенте США в ноябре 1944 г. с уточнением, что "бюро имеет все основания верить, что в этих отчетах точно описаны ужасные факты, происходящие в лагерях".

С другой стороны, четыре рукописи были найдены в ходе поисков на территории Бжезинки, где их авторы, члены зондеркоманд, которым поручалась очистка газовых камер и транспортировка трупов в крематории, зарыли их в разные времена перед смертью. Все эти загробные послания рассказывают о газовых камерах и их действии. После войны 14 выживших членов зондеркоманд из Бжезинки дали идентичные описания этих камер. Остается добавить, что угроза закончить свои дни в одной из газовых камер Бжезинки входила в дисциплинарный арсенал этого лагеря и висела над каждый заключенным.

Все эти описания полностью совпадают по указанию места расположения газовых камер в Бжезинке, их количества, времени их ввода в действие, описанию использования в них газа Циклон Б для уничтожения людей.

Тоном специалиста по убийству тысяч людей в газовых камерах Фориссон объясняет нам, что их использование повлекло бы за собой катастрофу для исполнителей и их окружения, что нельзя было посылать людей без противогазов сразу же после смерти жертв в помещение, насыщенное синильной кислотой, потому что "газ Циклон Б нельзя удалить путем ускоренной вентиляции".

Все это не более чем претенциозная болтовня специалиста по критике литературных текстов, возомнившего себя экспертом по массовым убийствам. Настоящие специалисты совершенно иного мнения.

Например, в упомянутом письме от 29 января 1943 г. говорится: "Фирма Топф и сыновья не может своевременно поставить установку для подачи и откачки воздуха с централизованным управлением из-за отсутствия вагонов. Как только эта установка прибудет, будет немедленно начат ее монтаж, так чтобы 20 февраля 1943 г. она могла целиком вступить в действие". Со своей стороны, Пери Брод, Гесс и другие говорили, что удаление трупов осуществлялось после "дегазации с помощью вентиляторов" (Брод), "через полчаса после акции включался электровентилятор и тела подавались в печь транспортером" (Гесс по британским источникам).

Я не знаю, является ли Фориссон антисемитом и сторонником нацизма. Он утверждает, что нет. Но, независимо от этого, никто не смог бы сделать больше и лучше, чем он, для того, чтобы оклеветать и оскорбить евреев, изобразив их обманщиками, и обелить самые ужасные преступления нацизма.

Я обращаюсь не к фанатикам, которых ни в чем не убедишь. Я обращаюсь к людям доброй воли, которые не знают фактов и поэтому могут поверить в лживые утверждения апологетов нацизма".

На следующий день в той же газете появилась большая статья Ольги Вормсер-Миго "Окончательное решение", повторяющая традиционные тезисы, ответ г-на Бернаде, президента 2-го Лионского университета, а также свидетельство д-ра Кретьена о лагере в Штутхофе.

Свидетельство.

Д-р Хирт, профессор анатомии, с 1941 по 1944 г. директор Института анатомии в Страсбурге, захотел собрать коллекцию еврейских черепов. Чтобы получить скелеты в хорошем состоянии, этот ученый обратился к Гиммлеру, чтобы получить евреев живыми (вся их переписка найдена). Эсэсовцы предоставили в его распоряжение в концлагере Натцвайлер 57 мужчин и 30 женщин, живших в блоке 13, отделенном колючей проволокой от остального лагеря. Французы, депортированные в июле 1943 г (номера 4300-4500) их видели (все эти французы, в том числе я, живы). Однажды ночью в августе 1943 г. блок 13 опустел и туда были переведены депортированные французы. Санитары лагеря сказали нам по секрету, что его бывшие обитатели были отправлены в газовую камеру в Штрутхофе.

Анри Пьер, эльзасец, работавший в Институте анатомии в Страсбурге, принял в августе 1943 года 87 трупов (с татуировкой Освенцима). Д-р Хирт сказал ему: "Если не будешь держать язык за зубами, с тобой произойдет то же самое".

Времена были тяжелые, и кропотливую работу по очистке скелетов не удалось закончить во-время. Союзники приближались, преступники были в растерянности. Сохранились документы, свидетельствующие об их попытках замести следы чудовищного преступления.

Когда пришли французские войска, они нашли часть трупов, которые еще не были расчленены. Их исследовал и сфотографировал профессор Симонэн.

Арестованный в Берген-Бельзене Иозеф Крамер, комендант лагеря Натцвайлер в 1943 г., подробно рассказал майору Жадэну, члену военного трибунала 10-го округа, как он сам по приказу профессора Хирта уничтожил газом этих 87 несчастных в камере, установленной на ферме в Штрутхофе.

В этой газовой камере погибли и другие жертвы. Есть доказательства ее использования (записи, свидетельства), в частности, опытов с ипритом.

А лжецам и фальсификаторам (им нужно не давать "право на ответ", а привлекать их к суду за диффамацию) следует напомнить, что то, что нацисты делали на ремесленном уровне на французской территории (Натцвайлер-Штрутхоф находится в Эльзасе), они делали на промышленном уровне в Освенциме-Бжезинке, Майданеке и т. д.

Пережившие концлагеря, родители миллионов жертв, погибших в газовых камерах, умирают один за другим. Они хотели бы, чтобы ученики профессора Хирта не преподавали во французских университетах".

Д-р Кретьен, заключенный N 4468 лагеря Натцвайлер. Моя жена, Рашель Захаревич, погибла в газовой камере Освенцима-Бжезинки с конвоем 2.IX.1943.

16 января последовал ответ Р. Фориссона, начало которого я уже цитировал выше (см. главу II).

"Ответы, которые вызвала моя короткая статья "Слухи об Освенциме", я читал уже не раз за 18 лет исследований. Я не ставлю под сомнение искренность их авторов, но они полны ошибок, которые давно уже отметили Рассинье, Шейдль и Бутс.

Например, в письме от 29 января 1943 г. (на котором нет даже обычного грифа "Секретно") слово

"Vergasung" означает не убийство с помощью газа, а сожжение. В подвале, предназначенном для этой цели, изготавливалась газовая смесь, которая подавалась в печь крематория. Эти печи вместе с вентиляционными установками делала фирма Топф и сыновья в Эрфурте (NO-4473).

Слово "Begasung" означает обработку газом одежды в автоклавах. Если используемым газом был Циклон Б на базе синильной кислоты, эти газовые камеры назывались "синими". Ничего общего с камерами для убийства!

Нужно правильно цитировать "Дневник" врача Иоганна Пауля Кремера. Когда он говорит об ужасах Освенцима, он намекает на ужасы эпидемии тифа в сентябре-октябре 1942 года. 3 октября он пишет: "В Освенциме целые улицы опустошены тифом", который называли "болезнью Освенцима". Немцы тоже умирали от тифа. Отделение больных от здоровых это и была "селекция" или одна из форм "специальных акций" врача. Эта сортировка производилась как внутри помещений, так и снаружи. Кремер пишет об Освенциме как о лагере уничтожения не в том смысле, который был придан этим словам союзниками после войны, а в том, что тиф косил в этом лагере всех подряд. Другая грубая ошибка в цитате. В записи от 2 сентября 1942 г. "впервые присутствовал" обычно опускается следующее далее слово "снаружи", чтобы подумали, будто речь идет о газовой камере. Наконец, жуткие сцены перед "последним бункером" (имеется в виду двор бункера № 11) это казни приговоренных к смерти, при которых врач должен был присутствовать. Среди приговоренных были три женщины, прибывшие с конвоем из Голландии: они были расстреляны. ("Освенцим глазами эсэсовцев", издание музея Освенцима, 1974, стр. 238).

Здания крематориев в Бжезинке были хорошо видны отовсюду (футбольное поле находилось напротив крематориев Бжезинки. Лангбейн. Мужчины и женщины Освенцима. Файяр. 1975, с. 129). Планы и фотографии также доказывают невозможность оснащения крематориев "газовыми камерами".

Когда в связи с Освенцимом мне цитируют признания, воспоминания или чудесным образом найденные записи (это единственные документы, которые мне известны), я хочу, чтобы мне показали, чем их неточная точность отличается от неточной точности материалов

военных трибуналов союзников, в которых говорилось о том, что газовые камеры были там, где, как потом пришлось признать, их не было, - на всей территории III Рейха.

Я процитировал промышленные документы NI - 9098 и 9912. Их нужно прочесть, прежде чем оспаривать "свидетельства" Пери Брода и Р. Гесса или сделанные после войны "признания" И. П. Кремера. Эти документы указывают, что Циклон Б не относится к газам, поддающимся вентиляции. Его изготовители обязаны уведомлять, что он "трудно вентилируется и прилипает к поверхностям". В помещение, отработанное газом Циклон Б можно входить только в масках с самым плотным фильтром типа "J" по истечении 20 часов для взятия химических проб, доказывающих исчезновение газа (французские предписания на этот счет еще более драконовские, чем немецкие, - см. декрет Министерства здравоохранения 50-1290 от 18 октября 1950 г.). Матросы и одеяла нужно выбивать на открытом воздухе в течение одного-двух часов. А Гесс пишет: "Через полчаса после пуска газа дверь открывали и включали вентиляционный аппарат. Сразу же начинали вытаскивать трупы". Сразу же! К тому же команда, которой поручались манипуляции с 2000 пропитанных синильной кислотой трупов, входила в помещение, еще полное газа, и вытаскивала трупы, причем ее члены ели и курили, т. е. противогазов на них не было. Это невозможно. Все свидетельства, в остальном неясные и противоречивые, сходятся как минимум в одном: команда открывала помещение либо сразу же, либо "немного погодя" после смерти жертв. Один этот пункт может служить пробным камнем для всех лжесвидетельств.

Интересно посетить "газовую камеру" в Штрутхофе в Эльзасе и перечитать на месте признание Иозефа Крамера. Крамер через "отверстие" вбрасывал некоторое количество солей синильной кислоты, а потом заливал некоторое количество воды: выделялся газ, который убивал за одну минуту. "Отверстие", которое можно видеть сегодня, так грубо вырезано резцом, что разбились 4 кафельные плитки. Крамер пользовался "воронкой с краном". Я не представляю, как можно было помешать газу выйти обратно через это грубое отверстие и как можно было сделать так, чтобы газ, выходящий из трубы, не относило к окнам виллы Крамера. Если перейти в соседнее помещение, становится понятной эта история с трупами для профессора Хирта, хранившимися в чанах с

формалином. На самом деле эти чаны предназначались для кислой капусты и картошки. Они были негерметичны и оснащены простыми деревянными крышками.

Самое банальное оружие, если есть подозрение, что им кого-то убили или ранили, становится предметом судебной экспертизы. Мы с удивлением констатируем, что такие орудия убийства, как газовые камеры, никогда не были предметом официальной (судебной, научной или археологической) экспертизы, отчет о которой можно было бы прочитать (публика довольствуется немногим: ей показывают дверь с глазком и откидной задвижкой и говорят, что за ней - "газовая камера").

Если бы, к несчастью, немцы выиграли войну, я полагаю, нам теперь показывали бы их концлагеря как места перевоспитания. Если бы я стал оспаривать это, меня, несомненно, обвинили бы в том, что я объективно играю на руку "жидо-марксистам". Ни объективно, ни субъективно я ни жидо-марксист, ни неонацист. Я восхищаюсь французами, которые отважно сражались против нацизма. Они защищали правое дело. Сегодня, если я утверждаю, что "газовых камер" не было, меня заставляет говорить правду чувство долга".

Замечание газеты: (Согласно закону от 29 июля 1881 г.) мы публикуем этот текст Фориссона. Любое возражение дает ему право на новый ответ.

Мы не считаем закрытым досье, открытое заявлениями Даркье де Пельпуа.

Дж. Уэллерс ответил Фориссону, не цитируя его.

Наконец, в ответ на объявление газеты "Друа де вивр": "ЛИКА привлекает профессора Фориссона к суду" (29 марта 1979 перепечатано в "Монде"), Фориссон послал следующий текст, из которого были опубликованы только отрывки, очевидно, чтобы не дать ему больше места, чем занимало объявление (23.III.1979)

За настоящие дебаты по вопросу о "газовых камерах".

Г-н Уэллерс, который именует меня "сочинителем", обходит мои аргументы и, в частности, те, которые касаются материальной невозможности массовых убийств с помощью газа. При использовании в этой т. н. "газовой камере" площадью 210 кв. м. (на самом деле это был обычный морг) Циклон Б прилипал бы к потолку, полу и четырем стенам. Он пропитывал бы тела жертв и их слизистые оболочки (как в действительности он проникал в матрасы и одеяла при дезинфекции, так что их нужно было выбивать в течение часа на открытом воздухе, чтобы из них вышел газ). Команда, которой поручалось

очистить газовую камеру от 2000 трупов, должна была в свою очередь задохнуться. Ее члены должны были без противогазов погрузиться в атмосферу паров синильной кислоты и манипулировать в ней с телами, также пропитанными остатками смертельного газа. Говорят, Гесс не заботился о здоровье членов этой команды. Пусть так. Но, поскольку эти люди просто не могли работать в таких условиях, я не представляю себе, кто очищал "газовую камеру", чтобы освободить место для следующей партии. Что же касается вентиляционной установки, повторяю, она взаимодействовала с печью (см. документ NO-4473). Кроме того, Циклон Б трудно поддается вентиляции в больших помещениях и к тому же взрывоопасен. Нельзя использовать синильную кислоту вблизи от печи.

Когда Кремер и его судьи говорят о трех женщинах, расстрелянных в Освенциме, в этом нет ничего невероятного. Но когда тот же Кремер рассказывает судьям, что наблюдал за убийством в газовой камере издалека, сидя в машине, я ему больше не верю. Он уточняет, что "газовую камеру" снова открывали "момент спустя" после смерти жертв. Я уже говорил, что это физически невозможно, и не хочу к этому возвращаться. Я только хочу отметить, что, когда нам пытаются объяснить "признания" Кремера, ссылаются на другие "признания", а именно Гесса. Однако эти два признания больше опровергают, чем подтверждают друг друга. Прочтите повнимательней описания жертв, обстановки, исполнителей и способа убийства.

Надо мной смеются, когда я требую провести экспертизу орудия преступления, этих т. н. газовых камер. Мне говорят, что газовую камеру можно в порядке импровизации устроить за одну минуту в обычной комнате. Это заблуждение. Спальню нельзя превратить в газовую камеру. Асфиксия при самоубийстве или несчастном случае не имеет ничего общего с казнью с помощью газа, когда хотят убить много людей с помощью газа, содержащего синильную кислоту, без риска убить самих себя, устроить взрыв и т. д. Для этого нужно очень сложное оборудование. Становится все труднее верить в существование "газовых камер" для убийства людей.

Недавно аэрофотоснимки Освенцима и Бжезинки (документы американцев Дино Бруджиони и Роберта Пуарье на 19 страницах с 14 фотографиями) нанесли последний удар по легенде о массовом уничтожении. Есть

также много наземных фотографий крематориев Освенцима и Бжезинки, не считая планов. Характер этих построек и их расположение исключают всякую возможность их криминального использования. Аэрофотоснимки подтверждают это впечатление. В 1944 г. в самый разгар того, что называют "периодом массового уничтожения", американцы признаются, что удивились, не увидев дыма и пламени, которые, как рассказывают, "непрерывно вырывались из труб крематориев и были видны за несколько миль". Это замечание они делают в связи со снимком от 25 августа 1944 г. на следующий день после прибытия пяти конвоев, якобы "подлежавших уничтожению", но его можно отнести и к другим снимкам - от 4 апреля, 26 июня, 26 июля и 13 сентября 1944 г. В 1976 году историк-ревизионист Артур Бутс сделал одно пророческое замечание ("Мистификация XX века", стр. 150). Он написал, что, с учетом промышленных исследований, которые немцы проводили в комплексе Освенцима, союзники непременно должны иметь в своих архивах аэрофотоснимки этого лагеря, и добавил, что если нам не сообщают о существовании этих снимков, то, вероятно, по той причине, что они не дают доказательств в поддержку обвинений, выдвинутых против немцев.

Французские историки осуждают всей сорбонной тех, кто смеет ставить под сомнение существование газовых камер для убийства людей. Вот уже 4 месяца я не могу вести мой курс в университете. ЛИКА привлекает меня к суду за "фальсификацию истории" и требует от властей лишить меня права преподавания до тех пор, пока суд не вынесет свое решение ("Друа де вивр", март 1979 г.). Но никто, я вижу, не осмеливается выступить на равных в дебатах, которые я предлагаю. Мое предложение легко удовлетворить. Я требую, чтобы любое обвинение было подвергнуто стандартной процедуре исторического анализа доказательств, в том числе и обвинение немцев в массовых убийствах в "газовых камерах", например, в тех, которые показывают туристам, на которые указывают обвинители и которые, по их мнению, действительно служили некогда для убийства людей.

В ожидании этого я благодарю моих сторонников, которых становится все больше, особенно молодежь. Жан-Габриэль Кон-Бендит пишет: "Будем же бороться за уничтожение газовых камер, которые показывают туристам в лагерях, где, как теперь выясняется, их не

> было" ("Либерасьон", 5 марта 1979). Он прав. Покончим с военной пропагандой. Достаточно реальных ужасов, незачем добавлять к ним выдуманные".

Битва ушла в подполье после заявления газеты "Монд" 19 января: "Каждое возражение опять дает ему право на ответ". После этого все нападки были направлены против анонимной, неназываемой, но известной личности. Остальная пресса последовала этому примеру.

Результатом был конфликт с одной лионской газетой. Главное заинтересованное лицо составило следующий отчет о нем в июле 1979 г.

"17 и 18 ноября 1978 г. Р. Фориссон, преподаватель 2-го Лионского университета, был подвергнут резким нападкам в газете "Прогре де Лион". Он послал письмо в эту газету, требуя права на ответ. Газета отказалась публиковать его письмо. Тогда Фориссон обратился в суд. Дело рассматривалось в полицейском суде Лиона. Судьей была г-жа Балюз-Фраше. В иске Фориссону было отказано. Названная газета в номере от 30 июня 1979 г. дала такой отчет о деле: "Суд отказал г-ну Фориссону в иске, сочтя, что его письмо в "Прогре" "содержит утверждения, противоречащие общественной нравственности и моральному порядку". Это резюме - точное. Профессора обвинили в покушении на общественную нравственность, т. е. на "совокупность моральных правил, которые общество не позволяет нарушать". Он покусился также на "моральный порядок", который не надо смешивать с "общественным порядком". Нужно вернуться во времена Второй Империи, к законодательству, действовавшему во Франции около 1850 г., чтобы найти упоминания об этом "моральном порядке". Во имя него преследовали Бодлера и Флобера. В первые годы III республики сторонники монархии назвали "моральным порядком" консервативную политику, определенную герцогом де Брольи 26 мая 1873 г., которая должна была подготовить реставрацию монархии. При поддержке Церкви выдвигались требования антиреспубликанских мер (снятие республиканских чиновников и т. д.). Эту политику проводил маршал Мак-Магон. Короче говоря, с давних пор "моральный порядок" не означает ничего другого кроме совершенно реакционной, ретроградной политики. Давно уже не принято хвастаться тем, что ты защищаешь "порядок", тем более "моральный порядок". Г-жа Балюз-Фраше поставила в вину профессору две следующие фразы:

1) "14 лет размышлений и 4 года тщательных исследований привели меня к тому, что я заявил 29 января 1978 г. участникам коллоквиума историков, проходившего в Лионе, что массовые убийства в т. н. "газовых камерах" - историческая ложь".

2) "Вопрос в том, чтобы знать, правда это или нет, что гитлеровские "газовые камеры" реально существовали".

Судья заявила: "Эти высказывания противоречат общественной нравственности". И добавила: "Точно установлено, что миллионы людей, особенно евреев, погибли в нацистских концлагерях, став жертвами различных машин для убийства, в том числе газовых камер... Газовые камеры существовали, и одно лишь желание поместить в газете статью, автор которой ставит под сомнение их существование, представляет собой покушение на общественную нравственность.

Судья пошла еще дальше. Она обвинила профессора в том, что он задел "честь членов правительства и его главы". Глава правительства - Раймон Барр, а Лион его цитадель, здесь он избирался.

Чем же Фориссон задел честь столь уважаемых персон?

Ответ дала судья. Фориссон, которого его коллеги-историки позволяют себе учить морали, напомнил им о двух вещах:

а) Они, по их собственному признанию, договорились с местной прессой, в частности, с "Прогре де Лион", чтобы замолчать заявления Фориссона на коллоквиуме в Лионе в январе 1978 г.

б) Они все прекрасно знали, что Комитет истории Второй мировой войны (руководители - Анри Мишель и Клод Леви), непосредственно подчиненный премьер-министру, главе правительства, скрывал на протяжении пяти лет подлинное число действительно депортированных из Франции.

Р. Фориссон писал банде своих хулителей и моралистов: "Я считаю трусами и подлецами тех, кто притворяется, будто не знает об этом простом утаивании документов". Он добавил в адрес газеты, которая присоединила свой голос к голосам его хулителей (и которая 35 лет преподносила своим читателям мифическую историю последней войны), следующий упрек: "Я обвиняю вас в замалчивании и в сговоре со всеми официальными властями за последние 35 лет".

Р. Фориссон также напомнил, что названный Комитет существует на деньги налогоплательщиков и он скрыл результаты своих двадцатилетних исследований, по собственному признанию Анри Мишеля, "чтобы избежать возможных конфликтов с некоторыми ассоциациями бывших депортированных" (закрытый "Бюллетень" № 209) и потому что публикация этих результатов была связана с "риском вызвать суждения, неприятные для бывших депортированных" ("Бюллетень" № 212, апрель 1974). Ни в какой момент Фориссон не говорил о членах правительства во множественном числе. Он написал только: "Это официальный Комитет, непосредственно подчиненный премьер-министру". Упоминание об этом постоянно печатается большими буквами на публикациях названного комитета.

Судья, чтобы закончить, заклеймила в общих чертах в письме профессора то, что она назвала "высказываниями, противоречащими

моральному порядку", процитировала эти высказывания и прокомментировала их.

Глава IV. Убожество профессорской среды

Посмотрим теперь на это дело со стороны нашего доброго, старого университета, этой Матери Наук. Небезынтересно остановить на нем на минуту свой взгляд, чтобы увидеть, как в нашем обществе прогрессивного либерализма (?), в цитадели университетских свобод, обращаются с человеком, который высказывает "еретические" мнения.

Статья в "Матэн" датирована 16 ноября. На следующий день Бернаде, президент 2-го Лионского университета, где преподавал Фориссон, издал приказ о "временном" прекращении его преподавательской деятельности и запретил ему появляться в университете с 20 ноября. Фориссон описал в письме в "Монд" от 16 декабря 1978 г. инциденты, которые произошли в этот день в университете, куда Фориссон пришел читать свой курс, еще не зная о запрете. Бернаде оправдывал свое решение следующим образом:

"Учитывая, с одной стороны, волнение, вызванное в университете и вне его характером высказанных вами тезисов, которые отныне стали достоянием гласности, волнение, которое может привести к серьезным беспорядкам, если вы появитесь в университете, чтобы вести свой курс, а с другой стороны, предписание министра университетов о начале расследования, вследствие чего представляется желательным принять предупредительные меры в ожидании результатов этого расследования, я решил..."

Руководство лионского университета уверяло потом, будто речь вовсе не шла о санкциях. Но что оно сделало? Оно выкинуло возмутителя спокойствия и создало вокруг него своего рода санитарный кордон. Некоторые его коллеги говорили позже об "атмосфере страха", помешавшей им выразить свою симпатию коллеге, вдруг ставшему "паршивой овцой". О результатах его исследований они не знали, потому что он им об этом не рассказывал.

После вынужденного перерыва Фориссон должен был возобновить свой курс (по программе на очереди был Пруст) 8 января 1979 г. На стенах университета, при попустительстве его руководства, снова появились надписи: "Фориссон - убийца мертвых". В назначенный час в зал набилось полсотни мани-

фестантов. Как писала пресса, это были евреи. Командовал всем этим д-р Арон, координатор еврейских организаций Лиона. Многие из этих манифестантов были членами Союза еврейских студентов Франции. Они распространяли листовку "Против лжи и ненависти", но ее название не соответствовало содержанию текста, в котором хватало и лжи, и ненависти:

> "Как долго нам еще протестовать против возрождения насилия, расизма и антисемитизма и каждый раз наталкиваться на все то же безразличие?..
>
> Молчание это сообщничество, откуда бы оно ни исходило. Но хуже всего молчание тех, кто знает, и чья профессия - учить. Хуже всего молчание интеллектуалов.
>
> Так в Лионе мирный профессор литературы отрицает существование газовых камер. Невероятно, но факт, как и те свастики, что мы видим повсюду, как расистское насилие, ставшее банальной и повседневной реальностью.
>
> Ну и что? Не будем слишком чувствительными: разве лионский профессор Фориссон не объяснил нам с помощью псевдонаучных аргументов, что "никогда Гитлер не посылал на смерть ни одного человека по причине его расовой принадлежности"? Может быть, г-н Фориссон с такой же легкостью объяснит, какая судьба постигла миллионы жертв, в том числе 6 млн. евреев, которые были депортированы и исчезли? "Эти миллионы жертв не были выдумкой сионистов" ("Либерасьон", 18 сентября 1978).
>
> Г-н Фориссон отрицает, что он антисемит и сторонник нацизма, на его клеветнические заявления и его сотрудничество с издательствами, которые выпустили также "Ложь об Освенциме" и "Протоколы сионских мудрецов", вписываются в долгую антисемитскую традицию. Мы не собираемся полемизировать с Фориссоном или каким-либо другим фанатиком этого рода, но мы должны извлечь урока из недавних антисемитских акций, потому что Фориссон это не просто персонаж, по поводу безумия которого можно лишь пожать плечами, это опасный человек.
>
> Люди доброй воли не должны стать жертвами этого апологета нацизма, который, злоупотребляя кафедрой, предоставленной ему его профессией, распространяет лживые утверждения.
>
> Поэтому мы требуем окончательно исключить его из 2-го Лионского университета и вычеркнуть из состава преподавательского корпуса".

Хотя президент университета Бернаде заявил, что не может обеспечить ему физическую безопасность, Фориссон сумел, приняв кое-какие меры предосторожности, покинуть здание благополучно. Разочарованные манифестанты утверждали, что они хотели только "поспорить" с Фориссоном. По их листовке этого не скажешь.

15 января Фориссон пришел прямо к президенту университета. Аудитория была опять полна манифестантов из Союза еврейских студентов, а также из Союза просто студентов, Коммунистической лиги и ассоциаций бывших депортированных. К ним присоединился и депутат Амель (ЮДФ). Они поспешно заявили, что хотят "задать вопросы" и распространили следующую листовку:

> "В прошлый понедельник нас было сто человек. Сегодня мы пришли снова. Почему?
>
> - Потому что недопустимо, чтобы Р. Фориссон, эта опасная личность, мог безнаказанно распространять зловредную расистскую идеологию, заявляя, в частности, что "никогда Гитлер не посылал на смерть ни одного человека по причине его расовой принадлежности" и что "массовые убийства в газовых камерах и т. н. геноцид это одна и та же ложь";
>
> - Потому что, распространяя эти псевдонаучные утверждения, он пытается скрыть историческую правду;
>
> - Потому что это оскорбление памяти погибших и еще живых свидетелей этих зверств;
>
> - Потому что присутствие Р. Фориссона во 2-м Лионском университете наносит оскорбление преподавательскому корпусу;
>
> - Потому что это является выражением усиления расизма и антисемитизма во Франции.
>
> Поэтому сегодня мы требуем, чтобы в связи с этими клеветническими заявлениями были приняты соответствующие санкции.
>
> Мы требуем, чтобы вы вышли из состояния безразличия, которое делает вас сообщниками, и присоединились к нам".

Листовка была подписана Союзом еврейских студентов Франции и рядом других организаций такого же пошиба.

Клод Мартэн, непосредственный начальник Фориссона в университете, предлагал ему "ответить на вопросы, дать объяснения", но быстро признал, что не может обеспечить ни нормальные условия преподавания, ни его безопасность. Не испытывая особого желания встретиться в одиночку с мускулистыми "вопрошателями", Фориссон удалился. В его памяти были живы горькие воспоминания о попытке линчевания, которую предприняли 20 ноября "выродки, наэлектризованные ненавистью". По словам одного

из свидетелей, некоторые манифестанты действительно собирались поспорить, но они быстро потеряли самообладание.

На следующей неделе Фориссон получил конфиденциальную информацию, что должны прибыть еврейские боевики из Парижа и что его жизнь под угрозой. Тем не менее он пришел на свой курс, но, когда он собирался начать, его предупредили о прибытии манифестантов. Он ушел, и за ним началась охота в коридорах, на улице. Ему пришлось спрятаться на строительной площадке. Вечером по телефону Клод Мартэн упрекал его за то, что он прикидывается жертвой и лжет, говоря, будто инциденты начались на территории университета.

О позиции, которую занимал Клод Мартэн, можно судить по "документу недели", опубликованному в "Нувель Обсерватер" 26 марта 1979 г. тексту, который "не предназначался для публикации", но был тем не менее "направлен для принятия к сведению в ЛИКА и ряд парижских газет". К. Мартэн долго объяснял, при каких условиях Р. Фориссон был назначен профессором Лионского университета в 1973 г. "хотя работы другого кандидата были признаны гораздо лучшими". Со слов Фориссона известно, что этим кандидатом-неудачником был сам Клод Мартэн. Но, не бывать бы счастью, да несчастье помогло: во время этого дела Мартэн был избран первым вице-президентом 2-го Лионского университета. Те, кто уступает давлению, как известно, не любят людей независимых. Мартэн постарался как можно дальше дистанцироваться от своего близкого сотрудника. Пытаясь, не компрометируя себя, придать достоверность идее, будто Фориссон был антисемитом уже давно, он свел все дело к мелочам, чтобы показать, что руководители университета, такие как он, не могли действовать иначе. Грубо говоря, они подстроили Фориссону ловушку, чтобы не попасть под огонь критики противников Фориссона. Подобная мелочность интересов - ходячая монета среди "дорогих коллег", но главная черта их менталитета, которая резко проявилась в данном случае, это полная интеллектуальная глухота. Она позволяет пускаться в бесконечные рассуждения и придумывать один аргумент за другим. Мартэн искусен в риторике, особенно в том, что называется "прикрываться зонтиком".

Этот активный отказ от солидарности дошел в его ответе на реплику Фориссона, помещенную в "Нувель Обсерватер" 9 апреля 1979 г., до полного извращения реальных фактов, потому что он утверждал, что:

> "Будучи 20 ноября отстраненным от преподавания на месяц, он потом не вернулся в университет, дав знать через своего адвоката, что он не хочет "подвергать опасности свое здоровье и даже жизнь". Несмотря на данные ему формально и официально гарантии, что

университет обеспечит (как он это и сделал 22 января) его безопасность в случае возможной угрозы, г-н Фориссон два с половиной месяца не появлялся во 2-м Лионском университете. Поскольку правила запрещают нанимать другого преподавателя для продолжения курса, за который Фориссон продолжал получать зарплату, брошенные им студенты заволновались..." ("Нувель Обсерватер" от 7 мая 1979 г. "Последнее слово Р. Фориссона". К. Мартэн дал знать на следующей неделе, что он не желает больше отвечать).

Новая попытка возобновить курс 7 мая закончилась так же, как и прочие. С точки зрения Фориссона, авторитет университета после этого дела поблек. Почти никто не выступил в его защиту во имя свободы мысли, потому что патентованные защитники этой свободы были загнаны в угол: слишком твердо настаивая на своем принципе, они рисковали быть причисленными к "сторонникам Фориссона", но, позволяя слишком грубо с ним обращаться, они могли прослыть трусами. Им оставалась узкая дорожка: утверждать, что Фориссон имеет право думать, что хочет, но его мысли во всех отношениях неверны, и добавлять вполголоса, что лучше бы он думал про себя, потому что нельзя так пренебрегать реакцией, которую вызывает высказывание этих мыслей вслух. Ни на один миг не возникал вопрос, есть ли хотя бы зернышко истины в том, что он говорит. Было сказано много, но диалога не было. Трудны порою пути конформизма!

Последовательность событий описана с комментариями в письме Фориссона от 21 мая 1979 г, министру университетов. О мотивах этого письма сказано в его конце:

"За прекращением моих лекций по письменному распоряжению последовало фактическое и совершенно незаконное. Этого требовала ситуация, потому что было заявлено о невозможности обеспечить нормальное чтение моих лекций. Мой начальник послал мне 29 января 1979 г. письмо, в котором обвиняя меня в трусости (будто бы я не осмелился встретиться с моими "оппонентами") и уведомлял меня о том, что один из моих коллег будет вести мой курс "до конца этого года".

Все эти события происходили, когда решался вопрос о том, кто будет преемником президента 2-го Лионского университета, социалиста по партийной принадлежности. Одним из кандидатов был мой непосредственный начальник, с которым, как всем было известно, мы были до тех пор в прекрасных отношениях. Но люди могут сбиться с пути из-за своих амбиций. Новый кандидат в президенты публично заявил, что в отношении моего дела он разделяет мнение бывшего президента. Он

пошел еще дальше. В одном еженедельнике социалистического направления он опубликовал очень длинную статью, потом ответ на мой ответ, представив меня посредственностью, преподавателем, который не раз получал - нет, не "выговоры", а "устные замечания" за якобы имевшие место с моей стороны антисемитские высказывания. Эта чистейшая выдумка сопровождалась более коварными и серьезными инсинуациями: будто бы я - профессор, который дезертировал со своего поста и которому платят деньги ни за что.

Я заявил решительный протест против этой клеветы. Тогда мне предложили попытаться возобновить мой курс, прочесть две последние лекции в этом году 7 и 14 мая. Я сразу же принял предложение, невзирая на риск.

К сожалению, манифестанты узнали о моем возвращении (я хотел бы знать, от кого). 7 мая они опять наводнили аудитории и вели себя как хозяева. Как обычно, на входе в мою аудиторию не делалось даже попыток проверять студенческие билеты. В тот день я в нее так и не попал. 14 мая манифестанты вернулись. На этот раз, когда должна была состояться моя последняя лекция в этом году, наконец решили проверять студенческие билеты. Но я читал лекцию лишь одной студентке, которой удалось прорваться через заграждение манифестантов. Этой новой неудачей закончился учебный год, за который я смог прочесть лишь три лекции: 6 и 13 ноября и 14 мая. Остальные я читал тайно, в заднем помещении одного городского кафе небольшой группе самых смелых студентов. Мой адвокат пытался заинтересовать Вас моим делом, когда стало ясно, что руководство 2-го Лионского университета неспособно его решить. В то время я верил, что полицейские власти поставили Вас в известность о том, что я нахожусь в смертельной опасности. Но Вы остались совершенно равнодушными к призывам, которые были адресованы Вам. Вы ответили, что нам нужно идти по инстанциям, т. е. начинать с ректора. Но Вы знали, что ректор нам давно уже заявил, что не может вмешиваться в это дело, поскольку университеты автономны.

Все это в порядке вещей. Я не вижу здесь никакого заговора - один лишь железный конформизм. В прошлом, пока я оставался на своей должности, я был "блестящим профессором", "оригинальным исследователем", "исключительной личностью". Со дня, когда я нарушил табу

> относительно газовых камер, мое профессиональное положение стало невыносимым. Сегодня я вынужден просить Вас содействовать моему назначению профессором заочного отделения".

Накануне нового учебного года Фориссон получил это назначение.

Единственной обнадеживающей ноткой была петиция, подписанная, в числе прочих, профессором Кулиоли, осуждавшая меры, принятые против Фориссона. Она требовала публичных дебатов, хотя выражала полное несогласие со взглядами Фориссона. ("Ле Монд", 2 декабря 1978 г.: "В тот момент, когда проявления расизма стали повседневными, когда президент республики возлагает венок на могилу маршала Петэна, тезисы Фориссона и ему подобных должны стать предметом публичных дебатов. В любом случае, вопрос слишком серьезен, чтобы мы могли согласиться с мерами, принятыми поспешно, дабы избежать дебатов и сделать из Фориссона козла отпущения. Мы еще верим, несмотря ни на что, что Университет должен выполнять критическую функцию. Поскольку подобные методы могут лишь подрывать демократию и играть на руку расистам, мы выступаем против произвольных административных мер, направленных против Фориссона"). Требовать свободы для себя это нормально. Требовать свободы для других - нечто чрезвычайное, но это минимум того, что необходимо для демократии.

1. Правые, левые

Крайне правые, от своих конфиденциальных бюллетеней до "Минют", не скрывали своей радости. Они не изучали аргументацию Фориссона, потому что для них нацизм и так был оклеветанным в результате еврейско-чьего-то заговора. Следует отметить, что, хотя они и использовали, наряду с тысячью других тезисов, и выводы Фориссона в рамках своей идеологии, они не использовали его как человека. Он не давал им для этого ни малейшего повода.

Более интересна реакция "политического мира", т. е. партий, сражающихся на парламентской эстраде. Ретроспективный обзор приносит ряд сюрпризов: если не считать предсказуемых выступлений ассоциаций бывших депортированных, еврейских организаций и антирасистского движения, левые, в общем, хранили молчание. Примечательна, в частности умеренная позиция, занятая Компартией (см. "Юманите" от 17 и 21 ноября 1978. В Восточной Европе только газета "Жице Варшавы" посвятила в январе 1979 г. статью делу Фориссона). Коммунисты давно уже забросили миф о "партии 7500 расстрелянных" и не пытались больше уверять, будто Сопротивление это они и только они. Но они обычно не упускали случая при подобных обстоятельствах выпускать на сцену своих

Роль-Танги с их экзотическими медалями. Мы это видели, когда Жискар отменил празднование 8 мая. Социалисты, чье влияние во 2-м Лионском университете было сильным, тоже не очень проявили себя. У всех этих людей явно хватало других забот.

Что касается правых, то голлисты тоже не шевельнулись. Только Жоэль Ле Так заявил, будто видел газовую камеру Штрутхофа в действии ("Франс-Суар", 25 ноября 1978 г. Он сказал, что в нее входило пять человек). Зато партия Жискара выступила дружными рядами. Пьер Сюдро (ЮДФ) потребовал от имени группы бывших участников Сопротивления и депортированных в Национальной ассамблее начать расследование в связи со "скандальными заявлениями, которые представляют собой настоящую апологию военных преступлений" ("Ле Монд", 18 ноября 1978 г. Когда Сюдро говорит "настоящая апология", он тем самым выдает себя, показывает, как ему трудно разделять мнение о тезисах Фориссона, которое невозможно составить, даже читая "Матэн". Вот еще один любитель чтения по диагонали). Мадам Сонье-Сеите ответила, что правительство разделяет возмущение г-на Сюдро (она добавила, согласно "Франс-Суар" от 19-20 ноября 1978 г.: "Я призываю президентов университета, в рамках данных им законом полномочий и с уважением к гуманистической традиции университетских свобод положить конец проявлениям тоталитаризма и расизма". Так Фориссон получил антикоммунистическое алиби. Хорошая вещь, гуманизм!) Соответствующую статью в "Матэн де Пари" от 22 ноября 1978 г. написал и депутат ЮДФ от Парижа Жан-Пьер Пьер-Блох. Депутат ЮДФ от департамента Рона Амель, присоединившийся к громилам, которые хотели "задать вопросы" Фориссону в университете, заявил, что "терпимость к фальсификации истории это искажение свободы" и спросил у мадам Сонье-Сеите, что она намерена делать. Та ответила, что она, к сожалению, бессильна (можно представить себе, что она наворотила бы, обладая властью!). Но всех превзошел, несомненно, д-р Жильбер Барбье, депутат ЮДФ от департамента Юра, который послал премьер-министру письменный запрос, требуя "в связи с беспорядками во 2-м лионском университете" ввести во французское законодательство запрет на профессии. "Юманите" выступила с запоздалым протестом 18 мая 1979 г. Р. Барр промолчал.

На первый взгляд может показаться странным и даже парадоксальным, что на первую линию вышла политическая партия, которая традиционно и по наследству меньше всего связана с Сопротивлением и борьбой против фашизма. По правде говоря, они практически первые после войны, кто не основывает свое право управлять нами на услугах, оказанных Родине в мрачные годы немецкой оккупации. Можно вспомнить о том, что Жискар д'Эстен в момент президентской кампании набрал свою службу порядка из групп,

обычно считающихся фашистскими. Во время телевизионных дебатов Ален Кривин упрекнул Понятовского, серого кардинала президента Жискара, в том, что он в свое время был информатором ОАС. Ответом была лишь добродушная улыбка. Я не хочу сказать, что политика Жискара фашистская, это было бы глупо, просто члены его партии никогда не были помешаны на антифашизме. Однако именно они выступили с наиболее резкими нападками на мнения, высказанные Фориссоном.

Единственная, на мой взгляд, причина этого нарушения политической логики это положение людей, находящихся у власти. Наш политический режим основан, в религиозном плане, на победе в 1945 году сил Добра над силами Зла. Что бы мы ни делали (колониальные войны, эксплуатация бедных стран, обращение с иностранцами), все равно мы генеалогически принадлежим к лагерю Добра и наш долг поражать Зло, когда оно поднимает голову. Толкин уже рассказал об этом в более готическом стиле. Обладатели власти обязаны сохранять эту изначальную чистоту. Орудие ее сохранения - это бесконечно повторяемые рассказы о происхождении, основополагающие мифы, эффективность которых зависит от их повторения. Как жрецы фараона и инки, как гриоты суданских эмиров, каста священнослужителей должна следить за повторением ортодоксальных истин. Иную картину невозможно себе представить, если маленький, тихий профессор может несколькими фразами вызвать такой гнев у наших современных весталок в пиджаках.

2. Еще дальше налево

Обычно любое проявление антисемитизма вызывает единодушные протесты левых. Однако в данном случае зазвучали фальшивые ноты: некоторые личности и группы догадались, что дело не в антисемитизме, что поднят другой вопрос и нельзя таким грубым способом отделаться от вопросов, которые все равно будут задавать.

Газета "Либерасьон" некоторое время служила сценой для этих пьес в новом жанре. Уже говорилось, что дело началось с простого отмежевания от "Матэн", потом появились несколько статей в том же плане. Но Серж Жоли дал несколько иной комментарий. Он увидел в Форрисоне бедного профессора, преследующего идею-фикс, но, прежде всего, поставил вопрос, что означает запрет на высказывание расистских взглядов. Он осмелился взглянуть в лицо фактам, для многих новым ("Либерасьон", 24 ноября 1978):

> "Отныне мы имеем дело Форрисона, преподавателя Лионского университета. В своих исследованиях он разоблачает "ложь" о нацистских лагерях уничтожения. Это дело касается проблем, уже поднятых публикацией в "Экспрессе" интервью Даркье де Пельпуа: надо или нет публиковать подобные вещи? Имеет ли право названный

профессор высказывать идеи, которые явно стали у него маниакальными?

Единодушие вызывает недоверие. Послушать этих крикунов, так во Франции нет больше антисемитов, кроме Даркье и этого профессора. Франция невинна, а у Зла есть лица, против которых можно, наконец, восстановить национальный консенсус. Национальный фасад, сложенный из камней коммунистов, президентской партии, социалистов, голлистов и интеллектуалов, незапятнан. Отличная операция: каждый по дешевке получает отпущение грехов: "Против расизма я уже высказался в связи с делом Даркье..." А что если единодушное осуждение слабоумных антисемитов позволит смотреть как на менее опасные на другие проявления расизма? Наше общество нашло прекрасное средство ограждаться от самого себя, от своих злокачественных опухолей, своих страхов и своих извращений.

Разумеется, не обходится без интеллектуального терроризма. Пресса - и "Либерасьон" в частности - изображает Форрисона как опасного антисемита. Судя по письму, которое он нам прислал ("Либерасьон", 21 ноября 1978) это скорее человек, больной от высшего образования, подобно сотням и тысячам своих коллег с такого же рода маниями.

Кто в годы своей учебы не встречал хотя бы одного такого и не присутствовал ежедневно на спектакле, вызывавшем смех у учеников? Журналисты знают множество параноиков, которые осаждают их редакции с огромными досье в руках и могут часами рассказывать о заговорах, жертвами которых они стали. А Форрисон чем лучше? Хулители сумасшедших домов, которые выступают - и правильно - за психотерапию без изоляции человека от общества, хорошо знакомы с подобными суждениями, но они не являются пособниками расизма или фашизма. Не лучше ли было бы Лионскому университету сохранить за Фориссоном его пост?

Но нет, способ, которым раскручивалось все это дело, доказывает, что общая воля еще испытывает потребность в том, чтобы найти карикатурного антисемита (а эти отнюдь не самые опасные) ради избавления общества от его тревог.

Иерархия ужасов

В конце концов, что лучше: заявлять, что "Гитлер не убил ни одного человека из-за его расовой принад-

лежности", как делает, вопреки истине, этот лионский профессор, или утверждать, как Анри Красюки, человек № 2 в ВКТ, во время визита Кадара во Францию, что венгерское восстание 1956 года было контрреволюцией, а советские репрессии оправданными? Вот где анти-истины: 6 млн. убитых и 25 тысяч. Можно ли устанавливать иерархию ужасов с помощью арифметики? Первое утверждение недопустимо, а второе - допустимо? Почему?

Что лучше: восхвалять, как некоторые леваки, режим в Камбодже и оправдывать совершение им массовых убийств или писать как журналист из "Юманите" (16 ноября 1978 г.) о беженцах из Хайфона: "Израненный Вьетнам, все еще истекающий кровью от ран, нанесенных войной, не может создать роскошные условия для буржуазии, возникшей благодаря помощи иностранных фондов"? Недавняя редакционная статья в "Орор", называющая участие Рене Буске и Жана Легэ в депортации евреев из Франции при нацистской оккупации просто "глупостью", или редакционные статьи Франсуа Бриньо об арабской иммиграции или то, что Жан Ко пишет в "Пари-Матч" о женщинах?

Агрессивность и искажение правды по отношению к той или иной социальной, национальной, культурной или сексуальной категории это наша повседневная участь. Тысяча рассказов, тысяча ненавистей, тысяча несправедливостей болезненны для тех, против кого они направлены.

Современные тартюфы есть во всех партиях, идеологии не имеют значения. Все они за то, чтобы отказать проповедникам ненависти в праве выражать свое мнение. Следуя этой логике, нужно предать суду большую часть французского общества, запретить многие газеты, начиная с "Минют", "Юманите", "Котидьен дю пепль", "Орор" и т. д. Конечно, это немыслимо и недопустимо. Этому не было бы конца. В основе подобных призывов к запретам - нежелание смотреть реальности в лицо, слушать ежедневно миллиарды слов, отражающих состояние общества, пораженного гангреной расизмов всех видов.

Что же, юстиция остается конечным прибежищем и ей нужно доверить управление всеми общественными организациями, газетами, мнениями и идеями? Так недалеко и до всевластия судей. Это было ужасно, когда речь шла о запретах на профессии и в Германии, но это перес-

> тает быть ужасным, когда речь заходит о расизме всех видов.
>
> Запрещать пропаганду расизма, значит просто загонять его в подполье. В результате мы получим больше покушений, больше убийств. Спираль всевластия судей бесконечна. Все знают, что запреты имеют тенденцию становиться общим правилом, они порождают насилие, а то, в свою очередь, - новые запреты. Насилие не должно прийти на смену слову. Если уж выбирать, то пусть лучше антисемиты и расисты всех видов высказывают свои мнения, а не осуществляют их на практике.
>
> Все в конечном счете сведется к страху сторонников всеобщих запретов в случае проявления ими терпимости обнаружить, насколько наше общество пропитано расизмом всех категорий. Помимо своей гордыни, они потеряли бы иллюзию, будто живут в асептическом обществе без конфликтов и конфронтации, без риска и правды, в обществе кастрированных граждан, не способных к мятежу.
>
> Не мешайте нам видеть Францию такой, какая она есть! Мешать этому значит способствовать распространению расизма под сурдинку, в тени официального единодушия. Чем это кончится, рассказывает история об ученике чародея: "Завтра наступит разочарование и всеобщее удивление".

Во многих отношениях эта статья была оскорбительной для Фориссона. Но она интересна тем, что, в отличие от обычных комментариев, она исследует последствия свободы слова, включая право на бред, и не поступается принципами в тот момент, когда их применение становится трудным. Единственная гипотеза, которая в ней не рассматривается: нет ли в словах Фориссона еще кое-чего кроме бреда? Как мы увидим далее, на этой позиции "Либерасьон" и застряла.

Но возвратимся к Фориссону. Двое его бывших учеников послали письмо, напечатанное в "Либерасьон" от 9-10 декабря 1078 г., в котором они высмеяли нападки прессы на их учителя. Оно заканчивалось так: "Что касается нас, бывших учеников "презренного Фориссона", то он научил нас быть врагами империализма, фашизма и расизма всех видов и выступать за свободу обсуждения, за право на исследование и сомнение".

Университетские власти вынуждены были признать, что ни один студент никогда не жаловался на своего профессора. У этих бедных, наивных юношей и девушек никогда не возникало ни малейшего подозрения, что их учитель - "вредный" человек (как сказала Алиса

Сонье-Сеите по РТЛ 18 ноября 1078 г.). Многие даже выражали ему свое уважение и поддержку, явно, по несознательности.

Новое измерение придало этому делу коллективное письмо, опубликованное в "Либерасьон" 22 января 1979 г., под заголовком "Знаете ли вы Рассинье?" в ответ на статью Ж. П. Пьер-Блоха. Этот вопрос для тех, кто читал Рассинье, стал снова актуальным благодаря делу Даркье де Пельпуа и делу Фориссона.

> "Заявления одного особенно одиозного кретина, опубликованные, неизвестно почему, снова заставили говорить о военных преступлениях и преступлениях против человечества, совершенных во время Второй мировой войны, т. е. нацистских преступлениях, потому что их совершали только нацисты и их сообщники (?!). Но этот Даркье де Пельпуа личность столь одиозная, а его мысли столь скудоумны, что необходимые дебаты с самого начала опустились на столь низкий уровень, что не имело смысла участвовать в них в такой форме и в тот момент.
>
> Однако статья Пьер-Блоха, депутата ЮДР от Парижа в "Матэн" от 22 ноября 1078 г., откуда мы взяли фразу: "Ложь всегда оставляет следы", статья, в которой Даркье де Пельпуа отождествляется с Полем Рассинье, автором многих книг и статей о немецких концлагерях, заставляет нас взяться за перо.
>
> Пьер-Блох имеет право в своем личном мировоззрении отождествлять кого угодно с кем угодно, но он не имеет права основывать это отождествление на лжи.
>
> Пьер-Блох пишет на страницах "Матэн":
>
> > "Тезис, который использует Даркье де Пельпуа, это тезис фальсификатора Рассинье, осужденного юстицией нашей страны по требованию ЛИКА за его отвратительную ложь. Это тезис Р. Фориссона, профессора 2-го Лионского университета".
>
> Что касается Фориссона, то мы не знаем о его тезисах ничего, кроме слухов, и ждем, когда волнение уляжется, чтобы принять их во внимание и обсудить, если они того заслуживают. Что же касается Даркье де Пельпуа, то если бы у него появились шансы снова принести вред, мы считали бы хорошими любые средства, способные этому помешать.
>
> Но в том, что касается Поля Рассинье, весьма двусмысленная формулировка Пьер-Блоха заставляет думать, будто Рассинье был осужден французской юстицией за

его книги. В действительности ЛИКА так и не добилась его "осуждения юстицией нашей страны за его отвратительную ложь" по той простой причине, что все было наоборот: это Рассинье вчинил иск за клевету издателю "Друа де вивр", органа ЛИКА, который назвал его "агентом нацистского Интернационала". На этом процессе, подробный и очень объективный отчет о котором был напечатан в "Монде" 7 октября 1964 г. свидетели защиты "восхваляли Рассинье как пацифиста, социалиста с анархическим уклоном и человека с "болезненным чувством истины", как сказал Раймон Жуффр де ла Праделль. Никакие доказательства связи Рассинье с нацистами, старыми или нео, представлены не были.

Тем не менее Рассинье отозвал свой иск, и Бернар Лекаш был освобожден от ответственности.

Таким образом, утверждение Пьер-Блоха абсолютно ложно.

Как же можно ему верить, когда он позволяет себе назвать Рассинье фальсификатором, ничем это не доказав, не приводя ни единой цитаты, которая подтверждала бы обвинение Рассинье в фальсификации?

Мы внимательно читали потрясающие книги Рассинье и не обнаружили никаких фальсификаций и ничего, что оправдывало бы отказ от обсуждения его тезисов.

В конце своей речи на этом процессе адвокат Рассинье сказал: "Можно оспаривать тезисы Рассинье, возражать им, даже бороться против них, но такой язык, как у Лекаша, недопустим". А Пьер-Блох говорит именно таким языком, и на страницах "Матэн", и в недавней передаче по телевидению.

Эти утверждения тем более опасны, что они порождают настоящую кампанию самообмана. Например, Виансон-Понте написал в "Монде" от 3-4 октября 1978 г. ту же ложь: "ЛИКА добилась в 1964 г. осуждения одного из этих клеветников, П. Рассинье". Статьи из того же "Монда" за 1964 г. опровергают это утверждение.

Прежде чем начать спор по существу, напомним, что Рассинье был до войны коммунистическим активистом, душой газеты "Травайер де Бельфор", что он рано порвал со сталинизмом и был связан с группой "Пролетарская революция" Монатта, Росмера и Лузона, а также с кружками коммунистов-демократов той эпохи и с независимой коммунистической федерацией Востока. Вместе с майором Льерром и Жоржем Бидо он создал

первую эффективно действующую сеть Сопротивления - движение Либерасьон-Нор и помогал, в частности, преследуемым евреям. Он основал подпольную газету "IV республика", о которой сообщали лондонское и алжирское радио. 19 месяцев он провел в лагерях Бухенвальд и Дора и стал вследствие этого на 95% инвалидом. Он имел удостоверение участника сопротивления, серебряную медаль и бант Сопротивления, но никогда не носил своих наград.

На протяжении 15 лет он был генеральным секретарем федерации социалистов района Бельфор. Он был депутатом-социалистом 2-го Учредительного собрания. С 50-х годов он сблизился с пацифистами и анархистами. После 1968 г. Рене Лефевр, издатель "Кайе Спартак", рассказал нам, что за несколько лет до того встретил Рассинье на ежегодном банкете группы "Пролетарская революция". По его словам, Рассинье был очень огорчен нападками на него и тем, что его тезисы используют крайне правые. Но он не утратил своей решительности. Нам не удалось встретиться с ним, после того как его книги привлекли к себе наше внимание. Мы знаем, что он умер, но не знаем точную дату его смерти.

Мы не поддерживаем тезисы Рассинье, но мы считаем, что они заслуживают того, чтобы их знали и обсуждали. Отождествление Поля Рассинье с расизмом правительства Виши по еврейским вопросам недопустимо".

Жакоб Ассу, Жозеф Бенаму, Эрве Ден, Пьер Гийом,
Кристина Мартино, Жан-Люк Редлинский.
Позже это письмо подписали также Жан Барро,
Ален Кайе и Жан-Пьер Карассо.

Все это не помешало одному газетному наймиту дать на следующий день клеветническое описание попытки Фориссона возобновить свой курс. А 21 февраля "Либерасьон" в иронических выражениях сообщила о манифесте "34 узников исторической нивы": это, дескать, лже-дебаты, игра воображения. Писаки так и не поняли, почему возбудился этот бомонд.

Другие, не из левацкого болота, поняли. Участник Сопротивления с первого часа, убежденный голлист, полиглот и выдающийся специалист по мусульманской культуре Венсан Монтей, человек, который всегда говорил правду, за что был уволен из рядов армии, и который бичевал голлистский режим в связи с делом Бен Барки, опубликовал письмо в "Темуньяж кретьен" (29 января 1979), в котором разоблачил "ловушку", скрытую в обвинениях, выдвинутых против Фориссона:

"Я не знаю Фориссона. Но его работы о депортации, как мне кажется, заслуживают самого серьезного внимания. Обзывать его антисемитом и сравнивать с деятелями режима Виши вовсе не значит служить делу правды и справедливости. Все, чего требует Фориссон, - и чего я требую для него, - это возможности высказаться.

Правда должна быть сказана. Даже если нацисты убили гораздо меньше евреев (разумеется, не 6 миллионов!) и если они истребляли их (как и других депортированных) всеми возможными средствами и даже если Фориссон прав насчет "Мифа о газовых камерах", это ни на йоту не изменит мое мнение о преступлениях нацистов и их сообщников. Но повторения этих мерзостей нельзя избежать с помощью лжи, подтасовки фактов, фотографий и цифр".

Но это был глас вопиющего в пустыне. Однако для многих стал болезненным сюрпризом взрыв бомбы, которую бросил Габи Кон-Бендит. "Монд" отказался печатать его письмо под названием "Вопрос принципа", но оно было зачитано на суде, когда рассматривался иск Фориссона к газете "Матэн де Пари", 5 марта 1979 г. По рассказам свидетелей, оно заставило замолчать клаку, пришедшую на суд специально для того, чтобы освистать Фориссона:

"Было время - и оно еще длится - когда каждый антисемит отвергал любое свидетельство еврея или историческое исследование, написанное евреем, и объявлял продавшимся евреям любого ученого, который вел исследование в том же направлении (вспомним дело Дрейфуса). Но сегодня мы наблюдаем противоположное явление: каждый еврей, каждый человек, будь он левый или крайне левый, отвергает любое свидетельство, любое историческое исследование, если оно исходит от антисемита (а это уже серьезное обвинение) и, хуже того, объявляет антисемитом каждого, кто в своих работах о концлагерях в тех или иных важных пунктах ставит под сомнение истину, ставшую почти официальной. Это недопустимо.

Как еврей и крайне левый, я придерживаюсь ряда принципов, и сегодня еще более твердо, хотя мои прежние убеждения на протяжении 20 лет рухнули одно за другим. Я прошел долгий путь и на каждом его этапе становился все большим скептиком: в молодости был коммунистом, в 1956 г. перешел в оппозицию, был троцкистом, ультра-леваком. Из всех этих принципов есть один, который можно резюмировать в одной фразе: свобода слова, творчества, собраний и ассоциаций

должна быть полной, ни малейших ее ограничений быть не должно. Это значит, что можно печатать и распространять тексты, на мой взгляд, даже самые гнусные, нельзя запрещать ни одну книгу, будь то "Майн Кампф", сочинения Сталина или глупости Мао, нельзя запрещать ни один митинг, даже митинг европейских правых, нельзя мешать распространению ни одной листовки, даже открыто фашистской или расистской. Это вовсе не значит, что нужно молчать и бездействовать. Если фашисты имеют право распространять свои листовки на факультетах, то с ними нужно сражаться, даже физически, если есть угроза захвата ими монополии. Единственный эффективный способ борьбы с врагами свободы это предоставить им такую же свободу, какой мы требуем для самих себя, и сражаться с ними, если они захотят у нас ее отнять. Пресловутый лозунг "Нет свободы для врагов свободы" в действительности прокладывает дорогу тоталитарным системам, а не служит эффективным барьером на их пути, как полагают некоторые.

Никаких мифов, никакой лжи

Пусть те, кто отрицает существование концлагерей и геноцида, делают свое дело. Мы должны помешать сделать эту ложь правдоподобной. Прошли годы, прежде чем левые нашли в себе смелость обличить ложь Компартии, будто в СССР нет концлагерей. В 1948 г. Кто осмеливался на это, если не считать нескольких крайне левых, нескольких либералов и правых? Если мы хотим, чтобы нам верили будущие поколения, и чем дальше, тем больше, мы не должны оставить нетронутым ни одного мифа, ни одной лжи, ни одной ошибки. Будем бороться за разрушение газовых камер, которые показывают туристам в тех лагерях, где, как мы теперь знаем, их не было, или нам перестанут верить вообще. У нацистов были образцовые лагеря для показа благодушным господам из Красного Креста. Не будем впадать в другую крайность.

Я не хочу вступать в спор о газовых камерах, были они или нет. Если были, то в каком именно лагере? Использовались они для уничтожения людей систематически или выполняли подсобную роль? Что касается меня, то, если этот факт имеет значение, то признаюсь, что не понимаю тех, кто думает, что если частично или полностью убрать этот элемент из концлагерной системы, то все рухнет.

Разве нацизм перестанет тогда быть ужасом? Разве его можно будет оправдать? Газовые камеры - это ужас, а миллионы убитых - нет? Без газовых камер это уже не ужасы, а просто серьезные нарушения законности, как говорили наши сталинисты?

Та же самая проблема возникает, когда спорят о числе еврейских жертв нацизма. Трудность установления точной цифры, шокирует это наши чувства или нет, ясна для каждого историка и делает любую цифру спорной. И опять я не понимаю, как можно устанавливать какой-то порог, при снижении которого начинаются страхи, что теперь все дозволено и что это на руку нацизму.

Абсурдная логика

Для тех, кто жил в ту эпоху, и у кого на глазах исчезали члены его семьи, спор о способе уничтожения и о числе жертв может показаться отвратительным. Но историки не могут уйти от этой проблемы. Я считаю чудовищным вывод группы историков ("Ле Монд", 21 февраля 1979 г.): "Не нужно задаваться вопросом, как технически было возможно такое массовое уничтожение людей. Оно было технически возможным, потому что оно имело место. Это обязательная отправная точка для любого исторического исследования на эту тему. Это истина, и нам остается просто сказать: нет и не может быть никаких споров о существовании газовых камер".

Несмотря на мое уважение к историкам, подписавшим эту статью, а кое-кто из них сыграл немаловажную роль в формировании моих нынешних взглядов, я задаю себе вопрос: "Что за абсурдная логика?" Именно потому, что массовые убийства имели место, а ни Рассинье, ни Фориссон не ставят это под сомнение, следует выяснить, каким образом, в том числе и технически, они могли происходить. Лишь для тех, кто отрицает геноцид, вполне логично не интересоваться вопросом "как"?

Нужно фундаментально изучить все, что на протяжении более чем 30 лет оправдывалось во имя борьбы против нацизма, начиная со сталинизма. Миллионы убитых евреев постоянно используются в качестве контр-аргумента против любой критики политики Израиля, например.

Что до меня, то ради сохранения памяти о них я предпочитаю постоянно защищать право на свободу, выступать против любых попыток охоты на ведьм, преследований групп, меньшинств и отдельных личностей,

думающих и действующих иначе, чем я. То, что я отказываюсь делать, даже по отношению к неонацистам, я не хочу, чтобы делали с такими людьми как Рассинье или Фориссон, которые, как я знаю, не имеют с ними ничего общего, и процесс против последнего напоминает мне скорее Инквизицию, чем борьбу за то, чтобы зло не вернулось вновь".

Через два дня, 7 марта 1979 г. пришло второе письмо, от Пьера Гийома, бывшего члена группы "Социализм или варварство", а позже владельца книгоиздательства "Ла Вьей Топ":

Что знают французы о массовых убийствах в Сетифе?

Телефильм "Холокост" это преступление против исторической правды. Несмотря на благие намерения его энтузиастов, это, прежде всего, преступление против памяти о жертвах, всех жертвах, об ужасах всех войн.

Миллионы евреев стали жертвами отвратительных преследований только потому, что они были евреями. Сотни тысяч американских граждан были интернированы в США во время войны только потому, что они были японцы по происхождению. Миллионы немцев были убиты, потому что они были немцами, миллионы русских, поляков и украинцев - потому что они были русскими, поляками и украинцами.

На войне всегда убивают людей просто потому, что они принадлежат к другому лагерю. И придумывают самые лучшие доводы для самооправдания. Такова роль военной пропаганды, которая всегда в значительной мере представляет собой самоотравление.

Евреи находились в самой жуткой ситуации, потому что их транснациональное сообщество вступило в конфликт с немецким гипернационализмом и потому что их культура побуждала их сопротивляться тоталитарной логике, хотя они были большей частью полностью интегрированы в немецкое общество.

Депортация без каких-либо исключений "мешающего" меньшинства - отнюдь не исключительный факт в истории. Такая же судьба постигла китайцев во Вьетнаме накануне нынешнего конфликта. Меры против них выдавались за меры против буржуазии. Таковы чудеса идеологии.

Знают ли французы, что Эйхман во время своего визита в 1943 г. был потрясен условиями жизни евреев в лагере Гюр (Атлантические Пиренеи)? Знают ли они, что в этом же лагере, созданном при правительстве Даладье

для "приема" испанских республиканцев, условия их жизни были такими же, как в немецких концлагерях? Они умирали от голода и холода. Работал тот же неумолимый механизм и тоже не по чьей-то злой воле.

Историей не установлено, что Гитлер отдал приказ уничтожить хотя бы одного еврея только потому, что он еврей.

Точно так же Черчилль, когда он отдавал приказ о бомбардировке Дрездена, бесполезной в военном плане, не приказывал уничтожать хотя бы одного немца только потому, что он немец.

Что знают французы о массовых убийствах в Сетифе 8 мая 1945 г. и о репрессиях на Мадагаскаре? Не больше и не меньше, чем немцы знали об Освенциме. Можно ли считать их коллективно виновными? Не больше и не меньше, чем немцев.

Извращенные манипуляции с нечистой совестью не приводят ни к чему, кроме новых крестовых походов.

Нацистская военная пропаганда могла манипулировать зверствами, совершенными врагами Германии, чтобы поддержать дух армии, полиции, охранников лагерей, точно так же, как союзная пропаганда, со своей стороны, могла манипулировать зверствами, совершенными немцами. Ни одна сторона без этого не обходилась. Преувеличения при устрашающем описании врага - пружина "демократических" войн.

Антинацизм без нацистов, который господствует в мире, сделал общество неуравновешенным, неспособным видеть реальные проблемы.

Против неумолимых механизмов реальных репрессий не сражаются с помощью показа порнографических и ужасных сцен. Они не позволяют понять реальные механизмы, за исключением самого фильма "Холокост" как грубой попытки захвата идеологической власти священным союзом манипуляторов массовым сознанием. "Вот о чем думайте! Смотрите, и если не заучите наш урок, то же случится с вами!"

Манипуляции со зверствами доводят чувствительного зрителя до одурения или вырабатывают броню бесчувственности, лучшего союзника любого тоталитаризма. Реакция типа "Все это дело прошлое" или "Гитлер? Не знаю, кто такой" - это здоровая реакция.

Единственный устойчивый результат показа "Холокоста" тот же, что достигается любой военной пропагандой: убедить тех, кто участвует в конкретных

механизмах подавления, что то, в чем они участвуют, это ерунда по сравнению с тем, что делал мифический враг: нацисты. Речи и намерения энтузиастов "Холокоста" не меняют в этой ситуации ничего.

Что знают французы о зверской расправе с демонстрацией "французов североафриканского происхождения" против прекращения огня 17 октября 1961 г. в Париже и его окрестностях?

Что знают французы об условиях жизни сотен тысяч алжирцев всех возрастов, согнанных в лагеря, и что с ними стало бы, если Франция ввязалась в припадочную войну и поставила на карту существование нации?

Но этого не случилось, французская буржуазия и ее государство предпочли мир без заметного снижения уровня "жизни" французов. Однако и в этой сравнительно благополучной обстановке Алекс Москович заявил на парижском муниципальном совете: "Пять миллионов французов могут со дня на день лишиться своего имущества и своей жизни из-за обстоятельств, которых они не хотели и которые возникли не по их вине". Москович предложил радикальный способ устранения этой угрозы: "Все вражеские агенты должны быть высланы с территории метрополии. Вот уже два года, как мы требуем, чтобы нам дали возможность это сделать. Вопрос о том, что нам для этого нужно, ясен и прост: разрешение и достаточное количество кораблей. А как пустить эти корабли ко дну это уже, к сожалению, вне компетенции парижского муниципального совета".

Посмотрев "Холокост" любой французский солдат, воевавший в Алжире, даже если он участвовал в карательных операциях, будет убежден, что он радикально отличается от нацистов. Но он отличается от таких нацистов, какими их изображают, а сами они такими не были. В любом случае он скажет: "По крайней мере, у нас не было газовых камер".

Однако в провинции Оран несколько сот алжирцев были заперты в винных погребах и задохнулись от углекислого газа. Те, кто их запер кучей в тесном помещении, знали об этом? Ничто их не забеспокоило во время агонии несчастных?

Об этом не захотели знать. Расследование было поверхностным и безрезультатным. Но будь это немцы, тем паче нацисты, никто ни на минуту не усомнился бы в их виновности".

Последовал неизбежный ответ в "Либерасьон" от 8 марта 1979 г., но создается впечатление, что он был адресован не автору письма, а газете "Минют":

Когда антисемитизм выходит наружу.

Газета "Либерасьон" опозорилась. Она опубликовала вчера такой текст о фильме "Холокост", который смердит, в котором выходит наружу антисемитизм. Это право автора, П. Гийома, быть антисемитом на уровне убеждений или подсознания. Но наше право - и это должно быть нашей обязанностью - не публиковать такие тексты. Тем более автор сам директор издательства "Ла Вьей Топ", так пусть печатает свои "мнения" у себя. Свобода выражения своих идей от этого ничуть не пострадает. Эта пресловутая свобода не может служить ширмой для прикрытия того факта, что с "Либерасьон" такое случается уже не впервые. Время от времени затхлый запах антисемитизма вырывается наружу, неумело прячась под покровом нонконформизма. Это вопрос не только идей, но и тона. Уже было дело Флатто Шарона: целью не было выражение антисемитских взглядов, но тон был антисемитским... И сегодня в номере, который вы держите в руках, Ги Хоккенгейм комментирует дебаты в крайне легковесном тоне: от этих дебатов, мол, уже живот болит. Это из тех случаев, когда налицо антисемитский подтекст, а не открытое выражение антисемитизма. Вчерашний текст "Что знают французы о массовых убийствах в Сетифе?" это уже слишком. Я не собираюсь спорить с антисемитами и не понимаю, почему "Либерасьон", моя газета, спорит с ними. Им место в "Минют".

В названной статье обращают на себя внимание две вещи. Во-первых, известный аргумент, что не одни евреи страдали, но они всегда требуют для себя первое место на "хит-параде ужасов", по гнусному выражению Хоккенгейма. Можно оспаривать этот аргумент, и его оспаривали в ходе дебатов на экране. Когда говорят, что ужасы переживали все, это становится подозрительным, потому что явная цель подобных рассуждений - замутить воду. Те, кто сетует о том, что весь мир - театр ужасов, заявляют, как Пьер Гийом, что "депортация "мешающего" меньшинства - отнюдь не исключительный факт в истории", напоминают об алжирцах Сетифа, немцах Дрездена и испанских республиканцах, делают это не ради них, а для того, чтобы евреи заткнулись. Потому что когда евреи говорят об этом, под пером писателей такого рода

> это сразу же становится "пропагандой" в соответствии с устойчивым стереотипом евреи-пропаганда: "Извращенные манипуляции с нечистой совестью не приводят ни к чему, кроме новых крестовых походов". Дело сделано: все это - "манипуляции". Допустим, это лишь мнение. Но читая текст дальше, мы встречаем исторический тезис: "Историей не установлено, что Гитлер отдал приказ уничтожить хотя бы одного еврея только потому, что он еврей". Итак, евреев не истребляли "только потому, что они евреи". Удивительный аргумент! Остается добавить, что евреев вообще не истребляли. Здесь я остановлюсь. Я не хочу дискутировать с Гийомом. Он высказывает не "свободное мнение", а утверждение, притом явно ложное. Можно думать что угодно об истреблении евреев или цыган, но нельзя пытаться внушать, как Фориссон, что никакого истребления не было, или как П. Гийом, что его, может быть, и не было (он говорит только о депортациях), а если оно и было, то вовсе не по тем критериям, что это евреи или цыгане. "Либерасьон" нет никакого смысла публиковать подобные статьи. Наоборот, есть все основания, и я перечислил их выше, их не публиковать. Свобода выражения мнений не означает свободу говорить невесть что, во всяком случае, в нашей газете".

Этому начинающему цензору утер нос Жан-Пьер Карассо ("Либерасьон", 12 марта 1979 г.). На этом публичные дебаты временно закончились, потому что никто больше не осмелился их возобновить.

Когда антисемитизм выходит наружу, люди с чистой совестью могут вздохнуть спокойно.

> Недавно "Либерасьон" опубликовала - вопрос принципа - письмо Габи Кон-Бендита. Очень хорошо; это не было промахом, это нужно было сделать, притом именно в "Либерасьон". Но когда наш товарищ Пьер Гийом внес малейшую дисгармонию в большой хор рыдающих о холокосте, сразу же было брошено веское обвинение: это антисемит! Правда, обвинитель принял меры предосторожности: может быть, антисемит "на уровне подсознания". Пора, черт возьми, покончить с этим терроризмом, этим шантажом, - я настаиваю на этих определениях.
>
> Моя фамилия - Карассо. Если бы моему отцу не удалось убедить благожелательного чиновника мэрии в 1941 году, что Леви это мусульманское имя его отца (!), я звался бы Леви-Карассо. Этого достаточно для докторов юридических наук? Мне дадут слово?

Я убежденный сторонник искоренения иудаизма, равно как католицизма, христианства, мусульма... и т. д. вплоть до анимизма включительно. Когда я читаю заголовок в "Монде" от 8 марта "Новые казни гомосексуалистов в Иране", я говорю себе, что Адольф должен радоваться на развалинах своего бункера, и мои антирелигиозные убеждения укрепляются. Когда мне рассказывают (я не настолько порочен, чтобы присутствовать при подобных клоунадах), что мадам Вейль заявила, что лагеря в СССР это совсем другое, потому что заключенные в них осуждены за идеи, или когда я узнаю на следующий день, что антисемит Эрсан в заголовке на на всю газету, которой он владеет незаконно, выражает госпоже министру свое удовлетворение ее действиями, а та находит его заявление "потрясающим", я говорю себе, что должны же быть какие-то пределы приличия для той разнузданной кампании по внесению беспорядка в мозги, которая подменяет собой идеологию и служит костылями для умирающего капитализма (да, да, я принимаю желаемое за действительное).

Я думаю также, вместе со знаменитым антисемитом, похороненным в Англии (имеется в виду Карл Маркс), что "подлинная общность людей в том, что они люди". Я думаю, что все, кто противится воплощению в жизнь этой общности, принимают сторону моих врагов, и когда этими врагами являются евреи, то именно по той причине, что я не антисемит и не могу им быть, я не боюсь называть их врагами.

Когда барон Ги де Ротшильд пишет, что чувствует себя чужим в Израиле, посмеет ли объявить его антисемитом знаменитая чета охотников за нацистами, Беата и Серж Кларсфельды (это более увлекательно, чем охота на детенышей тюленей, не правда ли?)? Могут ведь... Во всяком случае, он быстро отрекся от сказанного, этот барон, испугавшись криков негодования, которые он наивно вызвал.

Мои амбиции заключаются в том, чтобы нигде не чувствовать себя чужим. Но я заявляю, что чувствую себя совершенно чужим везде, где меня лишает моей человеческой сути гнусная система, господствующая на всей планете, и я требую - вы меня слышите, г-н Брюнн (Карассо обращается к автору статьи "Когда антисемитизм выходит наружу"), требую для моих друзей и себя самого, как и для всех других, права обличать ее и не подвергаться за это глупым оскорблениям со стороны

тех, кто сделал своей профессией борьбу за лучший мир, как они говорят".

В то же время в "Либерасьон" продолжалась закулисная дискуссия. Когда Жюльен Брюнн передал в газету свою статью, Пьер Гийом приложил к ней текст письма, которые приводится ниже. В нем открываются неожиданные аспекты дела, в частности, оказывается, что текст, опубликованный 7 марта, "Что знаю французы о массовых убийствах в Сетифе?" был написан в соавторстве с Фориссоном. Это доказывает, что Фориссон не был сумасшедшим, как позже стали писать в "Либерасьон". Это письмо никогда не было опубликовано:

"Благодарю вас за публикацию моего текста. Немного жаль, что вы не сохранили заголовок, которым я его снабдил: "Покончить с безумием или Зверства: способ осуществления". Дело в том, что этот текст имеет свою историю. Он не закончен. В нем в самом общем виде изложены классические тезисы революционного движения о войне, военной пропаганде и нацизме. Но он написан не для того, чтобы указать, как надо мыслить. Он написан в конкретной, трагической ситуации для того, чтобы найти практический выход из этой ситуации.

Я встретился с профессором Фориссоном в конце ноября. Я увидел перед собой отчаявшегося человека, готового окончательно замкнуться в параноидальном безумии, что вполне объяснимо. Но этот человек глубоко изучил свою тему (его архив это 200 кг. рабочих документов, вес изученных им текстов - несколько тонн) и работал в том же направлении, что и "Ла Вьей Топ", только ушел дальше (с 1970 года наше издательство разделяло, в основном, тезисы Поля Рассинье).

Нужно было срочно, несмотря на опасность новой, трудно поправимой неудачи, утвердить на практике:

1) право на гипотезу и ошибку для любых научных исследований;

2) право на бред для всех людей, если этот бред никому не приносит вреда, даже если Фориссон сумасшедший, антисемит или нацист.

К счастью, он не был ни тем, ни другим.

Однако, менее радикальная (на мой взгляд) часть редакции издательства "Ла Вьей Топ" отказалась связывать свою судьбу с делом, которое казалось им заранее проигранным. Они забывали, что речь шла не о защите Фориссона, а о защите наших принципов на практике.

Моих сил было недостаточно для выполнения этой задачи, особенно силы характера (я сам готов был сломаться), поэтому было жизненно необходимо для развития ситуации получить поддержку и согласие подписаться под одним текстом ото всех, без уступок и двусмысленностей.

Этот текст должен был включать в себя пресловутую фразу, которая, как казалось, делала позицию Фориссона незащитимой: "Гитлер никогда не отдавал приказа об уничтожении хотя бы одного еврея только потому, что он еврей", и доказать, что эта фраза правдива, даже если Гитлеру было наплевать, что станет с евреями на практике.

Делая это, я доказал на практике, что готов следовать за Фориссоном до конца, а также показал ему, что он дошел до точки, за которой он уже не может больше не интересоваться человеческим значением его научных истин. Нужно было также доказать всем, что Пьер Видаль-Наке, которые возглавил в "Монде" от 21 февраля 1979 г. крестовый поход историков против Фориссона, отнюдь не подонок, наоборот, наши цели в конечном итоге совпадают.

Этот текст был прочитан и одобрен редакцией "Ла Вьей Топ". Затем его прочел и исправил Фориссон (первоначальный вариант содержал недостаточно обоснованные цифры) и безоговорочно одобрил.

Почувствовав поддержку, Фориссон снова стал нормально питаться и параноидальные симптомы у него полностью исчезли.

Таким образом, текст, который вы опубликовали, представляет собой общий текст Фориссона и редакции "Ла Вьей Топ". Он утверждает на практике то, что позволит возродить революционную теорию: "Никогда не отбрасывайте то истинное, что содержится в словах противника, по той причине, что известно, что в них содержится и ложь" (Райх).

Минуя частичные истины, углубляя их, мы приходим к универсализму, не отрицая того, что мешает, и заключая политические компромиссы. Я надеюсь, что не слишком утомил вас своими требованиями пунктуальности.

P.S. "Ла Вьей Топ", книгоиздательство, основанное мною, закрылось в 1972 г.

В историческом плане "Ла Вьей Топ" не принадлежит никому и не является формальной группой.

> Это движение, которое изменяет существующие условия. Эта концепция охватывает всех тех, кто участвует индивидуально, на свою личную ответственность, в развитии ситуации. Идея более или менее "радикальной фракции" - не шутка и не лишена смысла".

В связи с отказом "Либерасьон" публиковать это письмо, которое показывает, что газета напечатала Фориссона, не зная об этом, ситуация стала обрастать слухами, вроде того, что Пьер Гольдман отказался сотрудничать, даже эпизодически, в органе, в котором пишут "антисемиты". Пьер Гийом и Жан-Габриэль Кон-Бендит направили тогда следующий текст в службу объявлений "Либерасьон":

> "Поддержка, оказанная Жаном-Габриэлем Кон-Бендитом и издательством "Ла Вьей Топ" профессору Фориссону нанесла многим душевную травму и создала ситуацию, потенциальное развитие которой непредсказуемо.
>
> ЛИКА обвиняет профессора Фориссона в том, что он фальсификатор. Если кто-нибудь представит доказательство того, что профессор Фориссон совершил хотя бы одну фальсификацию, Жан-Габриэль Кон-Бендит и "Ла Вьей Топ" обязуются немедленно порвать с ним и приложат столько же усилий, чтобы известить всех об этом, сколько прилагали до сих пор, поддерживая его".

"Либерасьон" сразу же отказалась печатать это объявление. "Монд" согласился дать его как рекламное за 1500 франков, но тоже отказался после вмешательства дирекции.

Предложение было сделано в марте 1979 г. Оно остается в силе.

Выяснением дела занялись и элементы, которые можно назвать ультралевыми. В марте, в частности, в Лионе появились листовки с заголовком: "Необходимы ли газовые камеры для нашего счастья?" После подведения итога споров по этому делу, в ней говорилось:

"Профессор Фориссон - одинокий человек. Никакая группа или организация не поддерживала его и не поддерживает. Среди тех, кто выступил в его защиту в форме писем в прессу или свидетельств, - только убежденные антифашисты и антирасисты (Жакоб Ассу, Жозе Бенаму, Ж.-П. Карассо, Ж.-П. Шамбон, Ж.-Г. Кон-Бендит, А. Денес, П. Гийом, К. Мартино, В. Монтей, Ж.-Л. Редлинский и др.).

Не пора ли задуматься?

> Все, кто знаком с этим делом, знают, что профессор Фориссон - враг тоталитаризма. Они знаю также, что он

только продолжает работу по опровержению слухов, начатую Полем Рассинье (безупречным участником Сопротивления) в отношении лагерей Бухенвальд и Дора, где он сам пробыл 19 месяцев (его арестовали в октябре 1943 года, 11 дней пытали в Гестапо, он вернулся инвалидом на 95%) и Ж. Гинзбургом в отношении Майданека, куда он был депортирован как еврей вместе со всей семьей.

Все, кто знаком с этим делом, знают, что Фориссон - добросовестный человек, убежденный, как и Рассинье и Гинзбург, что с газовыми камерами или без них гитлеровские концлагеря были концентрацией ужасов, может быть, еще более страшных, чем показывают в сенсационных фильмах.

И если "еще плодоносить способно чрево, родившее гада", действительно ли идет борьба против "возвращения зла", когда это безопасная борьба против одинокого человека, против трупа или призрака нацизма, а не борьба с самим этим "чревом", которое нигде на планете не уничтожено и продолжает порождать ужасы и зверства, отличные от зверств выдуманного или реального нацизма, который в той форме никогда уже больше не возродится.

В действительности одно зверство может скрывать за собой другое. Постановка спектакля об абсолютных ужасах не призвана ли замаскировать все прочие?

Официальной истины в истории не может быть. Запрет на профессии еще хуже чем то зло, с которым якобы борются этим способом.

Подписано: Люди без званий".

Ходило по рукам также "Последнее признание, поступившее из дома мертвых после долгих споров между Галилеем, П. Рассинье, Иисусом Христом, Карлом Марксом и Клаузевицем":

"Я, Робер Фориссон, сын покойного Робера Фориссона, пятидесяти лет, представ лично перед этим судом и стоя перед вами, Высочайшие и Почтеннейшие Судьи, по вызову святой ЛИКА и Святейших Ассоциаций бывших заключенных и жертв нацизма, Великих Инквизиторов всего Человечества, борцов против Нацистской Порчи, опустив глаза на Отчет Герштейна, которого я касаюсь своими руками.

Клянусь, что я всегда верил, верю и, Милостью Антифашизма, буду верить во все, что считает истинным,

что проповедует и чему учит Святая апостольская и резистанская ЛИКА.

Но, поскольку, после того как Святое Телевидение передало мне приказ не верить больше ложному мнению, будто существование газовых камер для уничтожения евреев это простая догадка, основанная на слухах и противоречивых признаниях, многие из которых признаны ложными самой Святой ЛИКА; не поддерживать, не защищать и не проповедывать ни устно, ни письменно это лжеучение; после того, как меня предупредили, что это лжеучение противоречит Святым Официальным Тезисам; и поскольку я писал и печатал различные тексты, в которых излагал это осужденное учение, выдвигая в его защиту весьма убедительную аргументацию и не предлагая никакого окончательного решения, я был по этой причине заподозрен в ереси, то есть в том, что я утверждал и верил, будто газовые камеры, придуманные специально как промышленные орудия убийства людей, никогда не существовали.

Поэтому, желая стереть в мыслях Инквизиторов и всех верных Антифашистов это подозрение, справедливо выдвинутое против меня, я отрекаюсь с искренней антифашистской верой ото всех названных заблуждений и ересей и ото всех прочих заблуждений и ересей, противных Святому Сопротивлению; я клянусь в будущем не утверждать ни устно ни письменно ничего, что бы могло навлечь на меня подобные подозрения, и если я встречу еретика или человека, подозреваемого в ереси, я донесу об этом Суду, Святой ЛИКА или Полиции по моему месту сопротивления.

Я также клянусь и обещаю выполнять и строго соблюдать епитимью, которую наложит на меня суд; и если я нарушу одно из этих обещаний или одну из клятв, пусть на меня обрушатся все кары, которым Святое Сопротивление и другие общие и частные Учреждения подвергают подобных преступников.

С помощью Святого Телевидения и оригинального документа Герштейна, которого я касаюсь своими руками.

Я, нижеподписавшийся Робер Фориссон, отрекаюсь, клянусь, обещаю и обязуюсь делать так, как сказано выше; с верой в это, чтобы удостоверить истину собственноручно, я подписываю данное заявление о моем отречении и зачитываю его, повторяя слово за словом, в Париже, во Дворце правосудия (дата)".

Сторонники Бордиги перепечатали статью 1960 г. "Освенцим или большое алиби" с таким примечанием ("Программ коммюнист", № 11, переиздана отдельной брошюрой в 1979 году): "Статья, которую мы перепечатываем, выявляет действительные корни уничтожения евреев, корни, которые не следует искать в области "идей", а в функционировании капиталистической экономики и в общественных антагонизмах, которые она порождает. В этой статье показано также, что, если германское государство было палачом евреев, то все буржуазные государства тоже несут ответственность за их гибель, хотя теперь проливают о ней крокодиловы слезы".

"Ла Герр сосиаль", № 3, июнь 1979 г. воспроизвела большие отрывки из этой статьи для распространения этого текста в Лионе. Предисловие к ним было озаглавлено:

"Кто такие евреи?".

> "Несколько десятилетий назад Европа была охвачена волной антисемитизма. Прежде чем нацисты депортировали часть еврейского населения, над евреями уже нависла угроза потерять имущество и работу. Еврейским профессорам не разрешали преподавать. Если сегодня весь мир осуждает эти преследования, то в ту эпоху, надо отметить, отнюдь не весь мир этому противостоял.
>
> Времена изменились. Любые попытки антисемитизма поднять голову в Европе, сразу же наталкиваются на сопротивление левых, университетских кругов и государства. Достаточно было слуха, что профессор 2-го Лионского университета Робер Фориссон высказывает примерно те же идеи, что и комиссар правительства Виши по еврейским вопросам Даркье де Пельпуа, чтобы газеты напечатали время его лекций, а "доброхоты" помешали ему читать курс французской литературы, а его начальство, чтобы сохранить спокойствие в университете, временно отстранило его от преподавания.
>
> Несомненно, в этом или в будущем году его вообще выгонят из университета. Нарушена не только его профессиональная карьера, ему угрожают и в личной жизни, через его семью, как "грязному нацисту". Некоторые находят такие методы достойными сожаления, но считают, что нельзя же безнаказанно защищать любое мнение: хорошо известно, к чему это может привести. Фашизм и расизм один раз уже прошли. Теперь они не пройдут. Линия Мажино устоит.
>
> Но в прошлом уже бывало, что линию Мажино просто обходили. Не поступают ли сегодня противники

Фориссона с ним сегодня так, как нацисты поступали с евреями?

Даркье де Пельпуа, который спокойно заканчивает свои дни в Испании, организовывал депортацию евреев. Фориссона сравнивают с Даркье, но разве Фориссон хоть кого-нибудь депортировал? Нет, преступление Фориссона заключается в том, что он считает, что нельзя говорить о геноциде в строгом смысле слова, а "газовые камеры" - это легенда. Это и в самом деле близко к тому, что говорил Даркье в интервью журналисту "Экспресса". Но что ставят в вину Даркье: участье в депортации евреев или эти высказывания? Мнения Даркье и Фориссона по некоторым вопросам могут совпадать, но это не повод для того, чтобы делать Фориссона сообщником Даркье.

В основе всего этого лежит постулат, согласно которому существование "газовых камер" - абсолютно неоспоримый факт. Ставить его под сомнение могут только нацисты и антисемиты. Если Фориссон следует по стопам Даркье и если он не замаскированный антисемит, значит, он просто опасный сумасшедший. С самого начала отбрасывается идея, что сомнение в существовании "газовых камер" может быть вызвано не стремлением прикрыть зверства и снять вину с себя, как у Даркье, а желанием найти истину.

Достаточно этого желания и ознакомления с данным вопросом, чтобы стало ясным, что существование "газовых камер" факт отнюдь не столь очевидный, как нам об этом говорят. Изучение технических условий подобных операций, противоречия в признаниях бывших эсэсовцев делают "доказательства" весьма хрупкими. Те, кто выдает себя за специалистов по этому вопросу и кого дружно поддерживает пресса, об этом знают и потому пытаются помешать дебатам.

Сомнение в существовании "газовых камер" возникло не у крайне правых. Его высказал первым Поль Рассинье, которого не нужно представлять: это участник Сопротивления с самого его начала, его арестовали и пытали в Гестапо, а потом отправили в Бухенвальд. Переход от дела Даркье к делу Фориссона показывает, как действуют СМИ, но ничуть не проясняет вопрос о "газовых камерах". Даркье пользовался Рассинье, чтобы снять вину с себя, а пресса пользуется Даркье, чтобы дискредитировать истину и не спорить с самим Рассинье.

Легенда о "газовых камерах" была сделана официальной в Нюрнберге, где нацистов судили их побе-

дители. Ее первое назначение заключалось в том, чтобы сталинско-демократический лагерь мог доказать свое абсолютное отличие от лагеря нацистов и их союзников. Антифашизм позволял ему оправдывать свои собственные военные преступления и многие позорные действия, совершенные после войны теми, кто якобы спас мир от варварства.

В тревожные времена, в которые мы живем, напоминающие предвоенную ситуацию, за отсутствием возможности раскрыть действительные причины существующих проблем, возникает необходимость в поисках козлов отпущения. В первое время, ради того, чтобы "это не могло повториться", оживляли военную пропаганду и кричали о варварстве побежденных. Но капитал по мере углубления кризиса почувствовал революционную опасность и стал испытывать необходимость в том, чтобы указать населению более конкретных врагов и возложить всю ответственность на ту или иную внутреннюю группу или того или иного внешнего врага.

Наша позиция заключается в том, чтобы всеми силами препятствовать экспериментам по созданию напряженности и включению механизмов ненависти. У нас есть лишь один враг: капиталистические производственные отношения, которые господствуют на всей планете, а не та или иная общественная группа. Буржуа и бюрократы - наши враги не как личности, а лишь в той мере, в какой они отождествляют себя со своими прибылями и должностями и защищают классовое общество.

Подозревают, что Фориссоном манипулируют крайне правые. Но мы, революционеры, в любом случае намерены его поддержать и не ради абстрактного права на свободу выражения своих идей или на преподавание и не просто из человеческой солидарности, а потому что на Фориссона нападают за то, что он ищет истину.

Но не приведет ли поддержка Фориссона и его исследований к оживлению антисемитизма? Главное - узнать правду. Можно ли ради того, чтобы помешать возрождению антисемитизма, рисковать, делая правду монополией антисемитов? Это опасная игра. Правда и ее поиск не могут быть антисемитскими.

Благодаря слухам, вызванным прессой, нельзя будет долго отмахиваться от вопроса о существовании "газовых камер", и сомнения в официальной истине неизбежно пойдут своим путем. Мы считаем, что нужно ускорить развитие ситуации, чтобы оно не шло мелкими

шажками, путем уточнения деталей, что уже делается несколько лет и не затрагивает ни ложь одних, ни спокойную совесть других, а третьим позволяет довольствоваться какой-то новой философией. Дело не в самой конкретной лжи, а в том, как заменить ее истиной, когда придет время. Надо помешать тому, чтобы это стимулировало антисемитизм. Лучший способ - не оставлять истину крайне правым, доказать, что евреи тоже защищают то, что считают истиной, даже если она противоречит мифологии холокоста. Нужно объяснить, какие реальные социальные механизмы вызвали антисемитизм, депортацию и уничтожение в концлагерях евреев и неевреев, доказать, что борьба против любого расизма быстро ослабевает и становится поверхностной, если она не является борьбой непосредственно против капитала".

За этим предисловием следуют отрывки из статьи

"Освенцим или большое алиби".

"Из 50 книг, посвященных Германии, в обычной муниципальной библиотеке 30 рассказывают о периоде 1939-45 гг., из них 20 - о депортации. У широкой публики создается представление о лагерях как о царстве ужаса в чистом виде, подчиненном одной лишь логике ужаса. Оно основывается на апокалиптическом описании жизни в лагерях и на историческом анализе, согласно которому нацисты планировали уничтожение миллионов людей, в частности, 6 млн евреев. Некоторые авторы, такие как Давид Руссе, идут еще дальше: нацисты хотели не только убивать "недочеловеков", но и довести их до деградации путем организованного унижения...

Первая цель выдвижения на первый план нацистских преступлений - оправдание Второй мировой войны и вообще защиты демократии от фашизма: Вторая мировая война изображается не как конфликт между нациями или империализмами, а как конфликт между человечеством с одной стороны и варварством с другой; нацистские руководители, говорят нам, были чудовищами и преступниками, захватившими власть. Тех, кого захватили после поражения, судили в Нюрнберге их победители, которым важно было доказать стремление нацистов к массовым убийствам. Разумеется, на всех войнах убивают, но нацисты хотели убивать. Это самое худшее, и в этом их обвиняли с самого начала. Привлекая на помощь морализм, их обвиняли не в том, что они вели

войну, потому что любое уважающее себя государство может себе это позволить, а в том, что они были садистами. Интенсивные и смертоносные бомбежки Гамбурга, Токио и Дрездена, две атомные бомбы, все эти убийства оправдывались как необходимое зло во избежание других массовых убийств, ужасных тем, что они осуществлялись систематически. Сравнение нацистских военных преступлений и практики их победителей было невозможным. Утверждать противоположное значило уже становиться, сознательно или бессознательно, соучастником этих преступлений и делать возможным их повторение. Оправдание войны 1939-45 гг. это не мелочь: нужно было придать смысл этой неслыханной бойне, повлекшей за собой десятки миллионов жертв. Разве можно было сказать, что это нужно было для того, чтобы помочь капитализму оправиться от кризиса 1929 года и снова встать на ноги? Нынешние антифашисты поддерживают это оправдание; оно помогает и левым оправдывать свое соучастие в системе...

Смерть депортированных выдвигается на первый план, чтобы забыли о том, что ежегодно от голода умирают во всем мире миллионы людей. Главный редактор немецкого журнала "Штерн" Наннен заявил по поводу антисемитских преследований: "Да, я знал об этом, но я был слишком труслив, чтобы протестовать". Он рассказал, что его жена, посмотрев фильм "Холокост", заплакала и вспомнила о том, как тогда, когда ей было всего 20 лет, она получала продукты без очереди, а еврейки стояли в очереди. И сегодня есть люди, которые стараются пролезть без очереди, а мы не должны об этом знать. Недавно Жан Зиглер, представляя книгу Рене Дюмона "Уничтоженное крестьянство, разоренная земля", сказал, что "одного мирового урожая зерновых 1977 года - 1400 млн. т. - хватило бы, чтобы накормить 5-6 млрд. людей. А нас сейчас на Земле немногим более 4 миллиардов, и каждый день 12 тысяч человек умирают от голода".

Нацистов обвиняют в том, что они организовывали убийства по-научному и убивали во имя науки, проводя медицинские опыты на людях, как на морских свинках, но эта практика ни в коей мере не была их монополией. На следующий день после Хиросимы газета "Монд" вышла с заголовком "Научная революция".

Но идеология это не только выпячивание отдельных фактов в пользу победителей и в ущерб побежденным,

противопоставление прошлых страданий нынешним. Эти оправдания - часть общей концепции, порожденной капиталистическими общественными отношениями и окутывающей тайной их природу. Это общая концепция и демократов, и фашистов. Она сводит социальное расслоение к вопросу о власти и трактует нищету и ужасы как результаты преступлений. Эта концепция систематизирована антифашистской, антитоталитарной, но, прежде всего, контрреволюционной мыслью. То, что пролетариат перестал быть революционной силой, а не весьма слабая фашистская опасность, придает этой идеологии ее силу и позволяет ей переделывать историю к своей выгоде. Театральные постановки и исторические фальсификации - не сталинская монополия. Они процветают и в демократических условиях свободы мысли.

Наша задача не в том, чтобы исправить перекосы или установить точное число жертв. Нацистские преступления это, по сути своей, преступления капитала, а их список можно продолжать до бесконечности, вынося приговор системе. Не подлежат прощению и преступления государства во имя фатальной общественно-экономической необходимости с помощью людей, не ведающих, что творят. Нужно отойти от политико-юридического взгляда, от повторения тезиса, что виновато общество, т. е. все и никто. Обвиняемым должен быть капитал. Необходимо разоблачить этот спектакль, с помощью которого система, т. е. политики и интеллектуалы, использует порожденные ею же беды и ужасы, чтобы защитить себя от реальной критики этих бед и ужасов...

Надо читать Рассинье.

Концлагеря это продукт капитализма не только по своему происхождению, но и по своим функциям. Значение произведений Поля Рассинье, в частности, книги "Ложь Одиссея", заключается в том, что они дают материалистическое представление о жизни и смерти в лагерях.

Поль Рассинье (1906-1967) вступил в компартию в 1922 г., но присоединился к левой оппозиции и был исключен в 1932 г. От левых коммунистов он перешел к социалистам и участвовал в Левом революционном движении Марсо Пивера. Перед лицом военной угрозы он защищал пацифистские тезисы. Когда началась война, он сразу примкнул к Сопротивлению. В октябре 1943 г. он

был арестован Гестапо, подвернут пыткам и провел 19 месяцев в лагерях Бухенвальд и Дора, откуда вернулся инвалидом.

После войны Рассинье писал в пацифистских, анархистских, а также в крайне правых органах. Его книги о концлагерях издавались за счет автора или крайне правыми издателями. Это ставят ему в вину те, кто хотел бы, чтобы его вообще не издавали. Большинство книг Рассинье распродано. Издательство "Ла Вьей Топ" намерено переиздать "Ложь Одиссея".

В 1962 г. во введении к книге "Настоящий процесс Эйхмана, П. Рассинье так объяснял свою позицию: "Война окончилась, но пока лишь немногие думают, что необходимо перейти к строгой критике рассказов об ужасах Второй мировой войны и тезисов о том, кто в ней повинен. Примечательно, что это люди, прежде всего, с правого фланга, причем они основывают свое поведение на тех же принципах, во имя которых левые интеллектуалы за 25 лет до того осуждали Версальский договор. Что касается левых интеллектуалов, то они, в подавляющем большинстве, одобряли Нюрнбергский процесс во имя принципов, которые во времена заключения Версальского договора они называли реакционными и упрекали правых за их поддержку. Это феномен не менее примечательный. В любом случае происходил курьезный обмен принципами. В этот процесс вписывается и моя личная драма". Все нужно было начинать с нуля: перебирать факты один за другим, изучать их в реальном виде и правильно укладывать в их исторический контекст... Я начал с исторического факта, о котором, поскольку я его пережил, я полагал, что знаю лучше других: с феномена концлагерей. Поскольку эта тема была самой актуальной и все общественные дискуссии сводились к ней, я думал, что лучшая возможность никогда не представится. И "Ложь Одиссея" была моим первым актом верности принципам левых 1919 года..."

"Газовые камеры".

Рассинье сначала стал известен и подвергся критике за то, что осмелился отрицать, что "газовые камеры" были орудием массового убийства. Мы не будем здесь воспроизводить полностью его аргументы и пытаться дать окончательный ответ на этот вопрос. Как и все, мы считали установленным фактом использование

"газовых камер" для уничтожения людей в промышленных масштабах. Идея, что можно организовать блеф такого размаха на столь зловещий сюжет, не приходила нам в голову. Однако чтение Рассинье поколебало нашу уверенность. Еще больше потрясли нас дебаты, которые недавно имели место в прессе, точнее способ, которым препятствовали тому, чтобы они состоялись...

Оппоненты играют на уважении к мертвым и к страданиям выживших, а также на всеобщем страхе, как бы не оказаться на стороне палачей. Чтобы их не сочли за покрывателей преступлений, некоторые сами готовы убивать. Здравый смысл, который говорит нам устами Ленина, что нельзя долго обманывать множество людей, подсказывает нам, что в этом деле с "газовыми камерами" что-то неладно. Он говорит нам, что это было бы "слишком грубо", и засыпает на руках у чистой или нечистой совести...

Но разве нет свидетельств депортированных и признаний палачей? Многие люди в самом деле "видели" газовые камеры даже там, где, как теперь установлено, их не было. Но о них говорили повсюду. Что же касается признаний, то они сами по себе недостаточны. Эсэсовцы были побежденными, их иллюзии и их дело рухнули. Над ними довлела угроза казни, и они пытались снять с себя вину, ссылаясь на приказы, которые нельзя было найти, и на план, который они обязаны были выполнять. Услужливость перед следователями во многих случаях вознаграждается. Не будем даже говорить о пытках, хотя их применение в ряде случаев установлено. Пытками, кстати, не сломить людей, которые еще верят в свое дело. Когда же дело провалилось, минимального физического и морального давления достаточно, чтобы раздавить тех, у кого не осталось ничего, кроме желания услужить победителям и инстинкта самосохранения. То, что говорят о Бухарине, можно сказать и о Гессе, коменданте Освенцима, которого держали в тюрьме в Польше и казнили в 1947 году.

Рассинье постарался показать, что документы, на которых основывается вера в существование "газовых камер" и в их использование для уничтожения людей, подозрительны по происхождению и противоречивы, особенно в описаниях убийств в газовых камерах, по сравнению с реальными возможностями подобных операций.

Слухи о "газовых камерах" возникли в концлагерях. Причиною были чрезвычайно высокая смертность среди заключенных, частые пересылки из лагеря в лагерь, практика "отбора", целью которого было отделение нетрудоспособных от массы заключенных, и то, что крематории путали с "газовыми камерами". Свидетельства заключенных показывают, что они верили, что их отправляют в газовые камеры, когда менялось место расположения душа или когда их заставляли идти в больницу, но ничего такого с ними не случалось. Шоковый контраргумент: те, кого действительно уничтожили в газовых камерах, уже не смогли об этом рассказать. Эти слухи были систематизированы после войны, потому что это позволяло членам высшего нацистского руководства снять с себя вину и затушевать свою роль.

Но идеологическое значение "газовых камер" намного превышает частные интересы отдельных лиц. Поэтому нам придется покинуть низменную почву исторических исследований и возвыситься вместе с Жаном Даниэлем до уровня политической философии.

Как пишет издатель "Нувель Обсерватер" в своей редакционной статье от 6 ноября 1978 г. "Забвение запрещено", "кампания началась в 50-х годах с кропотливо написанной книги Поля Рассинье, французского парламентария социалистического толка, который сам недолгое время был в лагере. Самому Ж. Даниэлю кропотливость чужда, он скорее лирик, он не старается опровергнуть Рассинье. Ему достаточно обличить "крестоносцев расизма", которые используют аргументацию Рассинье. Кстати, Рассинье трудно опровергнуть, потому что нацисты - и это самое ужасное - совершили безупречное преступление: "Демоническая мечта Люцифера - технократа была задумана на высшем научном уровне. Разбивка приговоренных на группы, их транспортировка, организация лагерей, отбор для уничтожения - нигде не было никакой импровизации. Не осталось никаких следов: это был адский процесс безупречного преступления. Его специфика это его совершенство, его сущность - его радикализм. Оно внушает магический ужас, взывая к небытию и бесконечности. У расистов есть все основания бояться того, что их в этом обвинят. Это беспрецедентный акт, родившийся из ничего и не ведущий никуда".

Но, если верить Ж. Даниэлю, у нас есть еще шанс, потому что Франция опомнилась: "В таинственных глубинах коллективного подсознания есть смутное чувство того, что достаточно рухнуть вере в геноцид, и сразу же бурно проявится не только антисемитизм, но и скрытый расизм, жертвами которого могут стать все меньшинства, тот расизм, который погружает дух во тьму с неудержимым накатом черной волны в океане". Ну что тут скажешь? Поэт! Точнее, альбатрос, крылья которое еще слеплены мазутом, но он смелым рывком преобразует загрязненную поверхность СМИ во взлетный импульс, исходящий из глубин общественного бытия.

Один мало известный журналист, вооружившись спрятанным микрофоном и фотоаппаратом, взял интервью у старого подлеца, которому более или менее удалось заставить забыть о себе. Вся пресса ухватилась за это дело под предлогом дискуссии о педагогической пользе или вредности предания гласности расистских высказываний Даркье де Пельпуа, явно предпочитая обсуждать высказывания Даркье, чем серьезно спорить с Рассинье. Но во всей этой банальной истории никак не просматривается таинственное коллективное подсознание.

Опорой для Жана Даниэля в его безвоздушном пространстве служит Луи Мартэн-Шоффье, которого процитировал в своей проповеди в день Всех Святых архиепископ Марселя, может быть, для того, чтобы заставить забыть о молчании Ватикана в отношении нацизма. Мартэн-Шоффье, сказал архиепископ, "автор одного из самых прекрасных рассуждений о депортации: "Не нужно отвечать насилием на ненависть. Но забвение было бы отступлением. Забвение запрещено. Нельзя забывать то, что произошло, иначе забытое может случиться снова".

Пониманию экономических и социальных условий, которые привели к уничтожению людей в таких масштабах, противопоставляют миф о сознательном и демоническом плане. Борьбе против этих экономических и социальных условий противопоставляют необходимость воспоминаний. Якобы достаточно забыть, и все начнется снова. Коллективное подсознание, оно же СМИ, выступает таким образом в роли защитника от этого кошмара. Вот спектакль ужасов, который, будучи не в состоянии что-либо предотвратить, лишь делает зверства банальными и внушает публике чувство невозможности вмешаться. Это в прошлом или очень далеко, в любом случае это

происходит на экране телевизора. Но это не просто пассивность и ощущение отдаленности, это также восхищение ужасами, которое умеет находить себе оправдание.

Но ужасы происходят не только на периферии нашего мира или за колючей проволокой концлагерей, они возникают из нашего образа жизни, из-за картин счастливого спокойствия, в форме преступлений, глупых несчастных случаев или патологического поведения. И этим смутно ощущаемым ужасам нужно придать смысл, превратить их в спектакль, чтобы попытаться управлять ими. Обращение к мысли о смерти, фундаментальному выражению коллективного или индивидуального подсознания, преследует ту цель, чтобы люди не думали о том, каким образом данный способ производства создает постоянную угрозу их уничтожения. Мы не будем даже говорить о ядерном оружии и других более ограниченных, но реальных угрозах смерти, скажем лишь о том смутном чувстве, что жизнь опасна, которое ощущают люди, отгородившиеся от общества и замкнувшиеся в рамках своей семьи, фирмы и т. п. Кризис делает экономическую ситуацию ненадежной. Люди боятся, что кто-то может занять их место, и срывают зло на козлах отпущения.

Если, к несчастью, создастся такая же ситуация, как в Германии, где кризис выкинул на улицу 7 млн. безработных, и если не будут ликвидированы капиталистические производственные отношения, есть все шансы возрождения сильного, даже государственного расизма. И есть все шансы, что большинство нынешних интеллектуалов-антифашистов станет тогда расистами и найдет этому оправдания.

Гитлеровский антисемитизм изображают как уникальный факт в истории, чтобы заставить забыть обо всех ужасах нашего мира и, прежде всего, окружить тайной их природу. Указывают на особые условия, которые предшествовали захвату власти нацистами. Раймон Арон говорит ("Франс-Суар", газета бывшего антисемита Эрсана от 15 февраля 1979 г.): "Если мы хотим избежать банализации, нужно настаивать на том факте, что нацизм представлял собой уникальное явление. Он один выработал, по решению нескольких лиц, план уничтожения целого народа. Может быть, Сталин перебил больше народа, но именно после гитлеровских преступлений мы стали бояться людей. Мы все еще в

ужасе от того, что такое было возможным. Поэтому нужно говорить не о банализации, а о том, что в какой-то мере мы все в этом участвовали".

Жан Даниэль учит нас, что в этом массовом уничтожении людей было что-то сатанинское. Раймон Арон говорит нам, что после того, как это произошло, мы стали бояться людей и что каждый из нас в этом участвовал. Сатана внутри каждого из нас: это возрождение учения о первородном грехе...

История сама - исторический продукт. Изображение прошлого это результат отбора и толкования фактов в зависимости от природы конфликтующих сил и изменений их соотношения. Так во Франции школьная история от Верцингеторикса до де Голля делает упор на национальном факторе и затушевывает классовую борьбу. Общий конформизм уверен, что сегодня историческая наука окончательно порвала со всякими легендами о происхождении и излагает хронологическую последовательность установленных фактов. Но если картина прошлого восстанавливается научными методами, это более чем когда-либо делается под эгидой государства.

Картина Второй мировой войны и концлагерей, при всей силе изображения, которую придают ей СМИ, призвана оправдать настоящее. Капитал стремится немедленно узаконить все настоящее, непрерывно создавая нужное представление о себе самом с помощью современных производственных механизмов. Но эта картина может меняться. Капитал уступает истине, когда не видит больше нужды в той или иной конкретной лжи. Разоблачения, которые сегодня доставляют серьезные неприятности их авторам, завтра будут одобрены у других или у тех же авторов посмертно, когда время для этого созреет. Но для революционной теории проблема заключается не только в разоблачении той или иной конкретной лжи, но в показе механизмов, которые обеспечивают производство и воспроизводство данной идеологии и ее бреда".

3. ЛИКА - что это такое?

"Лига борьбы против антисемитизма (ЛИКА) объявляет антисемитом каждого, кто произносит слово "еврей" (если это не делается в ритуальной обстановке в речи о мертвых). Отказывается ли эта Лига от любых публичных дебатов и оставляет ли она только за собой

право решать без каких-либо объяснений, кто антисемит,
а кто нет?" (Жиль Делез, "Ле Монд", 18 февраля 1977 г.)

ЛИКА преследует Фориссона за фальсификацию истории. Нужно обладать очень высоким моральным авторитетом, чтобы претендовать на роль ревнивого стража истины. Я не очень хорошо знаю эту организацию. Приняв в 1963 году участие в создании комитета борьбы против апартеида, я потом на протяжении нескольких лет находился в "рабочих" отношениях с разными антирасистскими организациями. Не помню, чтобы я встречался тогда с людьми из ЛИКА. Но у нас были связи с МРАП (Движением против расизма и за дружбу между народами) и, насколько я понял, отношения между МРАП и ЛИКА были отнюдь не дружескими. Этим, возможно, объясняется неучастие ЛИКА в ряде публичных акций против апартеида. Я не знаю причину этих антагонизмов и не интересуюсь этим. А тем, кто хочет знать больше, достаточно прочесть несколько номеров ежемесячника ЛИКА "Ле Друа де вивр" ("Право на жизнь").

В его майском номере за 1979 г. я прочел рецензию на фильм М. Симино "Путешествие на край ада" и был поражен не тем, что критик принимает украинцев за поляков, а его отзывом: "Это более чем отличный фильм. Это памятник". С моей точки зрения, это памятник глупости и расизма. И вовсе не обязательно таскаться по вьетнамским расовым полям, чтобы это понять. От критика не ускользнуло, что азиаты показаны в фильме в карикатурном виде как "бесчеловечные желтые, превращенные в роботов". "М. Симино не стремится влезть в шкуру вьетнамцев. Что это - отсутствие интереса или расизм?" Прямого ответа на этот вопрос критик не дает. А вопрос очень важный. Пускай большая пресса довольствуется этим сплошным враньем, пускай возрождает старую идею о "желтой опасности", потому что желтые стали красными, - все это вполне нормально. Но меня удивляет, когда газета, самый смысл существования которой - антирасизм, не стыдится солидаризироваться с таким явным расизмом. Критик хотел бы, чтобы такой же фильм сняли о войне в Алжире. Можно заранее предвидеть драки на выходе из кино...

Второй сюрприз это присутствие в редакции "Друа де вивр" в качестве заведующего отделом литературной критики Поля Жиневского. Это ярый сионист, но, похоже, его взгляды соответствуют взглядам всей редакции. Он кормится книгами, доказывающими, что "антисемитизм имеет ту же субстанцию, что и идеология левых", делая анархистов предшественниками Гитлера и утверждая, вопреки очевидности, что "левые - антисионисты по природе" ("Друа де вивр", апрель 1979). Все это выражение как минимум консервативных политических взглядов. Но есть еще и другое. Я знаком с писаниями этого обличителя левых о Южной

Африке и имел случай заклеймить одну из его книг за несколько перлов[1].

Следует сказать, что защитников апартеида во Франции мало. В ту эпоху, кроме нескольких крайне правых, Жиневский был единственным пропагандистом Претории, задолго до Жака Сустеля. "Нужно помогать Южной Африке, а не нападать на нее" (цит. соч. стр. 131), потому что для нее апартеид это своего рода "принудительный сионизм" в виде возвращения "банту" в "национальные очаги", бантустаны, горячим приверженцем которых является Жиневский. Руководителей Южной Африки Сустель и Жиневский отказываются называть расистами. Но кто будет отрицать, что проводимая ими политика это законченное выражение современного расизма и что одним из своих корней она уходит в гитлеровскую политику? То, что антирасистская газета терпит в своей редакции писателя, который поставил свое перо на службу апартеиду, это парадокс, который выше моего понимания.

Но, если их антирасизм потускнел, то, может быть, люди из ЛИКА - кропотливые историки, строгие стражи объективности? Конечно, это не такая уж серьезная ошибка, когда они, говоря о падении Иди Амина ("Друа де вивр", май 1979), называют его "достойным подражателем нацистского расизма", но забывают упомянуть, что он пришел к власти при активной поддержке израильских спецслужб, которые и потом долго оказывали ему помощь. С Бокассой было то же самое. Но это, конечно, простая забывчивость. Однако, когда я вижу фотографию, изображающую нескольких арабов, которые сидят и беседуют, с подписью: "Несколько человек из 500 тысяч неевреев, живущих в Израиле в условиях полного гражданского равенства", я думаю, что здесь

---

[1] Примечание. В 1967 г. я писал: "Хотелось бы показать, чего стоит последний опус присяжного певца апартеида во Франции Поля Жиневского "Черная книга - белая книга" (Париж, 1966), которую представляют как "досье по Юго-Западной Африке". Некоторые книги веселят, потому что в них находишь все, что ожидаешь найти: демонстрацию невежества в области истории и антропологии и демонстрацию глупостей. Настоящие народы это "Избранные народы" (стр. 26); "нацизм так же забыт в Виндхуке, как и в Бонне" (стр. 46). Автор подчеркивает, что он не расист, а доказательства? Он протестует против расовых стереотипов и поясняет: "Широкий и плоский нос банту не более "безобразен", чем прямой нос европейца: это орган, данный ему природой, чтобы он мог правильно дышать в болотах и влажных кустарниках, где жили его предки" (стр. 185). В недавней статье "Ответ еврея новым правым" ("Ле Монд", 3 ноября 1979) Жиневский буквально повторил эту фразу, только через 13 лет "банту" стал "негром", а "природа" - "эволюцией".

восторженное отношение к истине уступает место озабоченности. А когда я читаю в статье, сопровождающей эту фотографию ("Друа де вивр", март 1979): "Чтобы противопоставить сионизму политическую идею сходной природы, был выдуман миф панарабизма, основанный на мнимом единстве мешанины из самых разных стран", и далее, что "иллюзорное понятие арабского мира это расизм, скрытый или явный", я понимаю, что нахожусь в ведомстве сионистской пропаганды, которому наплевать на историческую правду. Можно понять сионистов, которым не нужна такая грубая пропаганда. Но, как и все доктринеры, люди из ЛИКА используют историю, если она их устраивает, а если нет, то грубо ее искажают. Курьезным образом газета, которая называется "Право на жизнь", пылает такой ненавистью к палестинцам, что становится ясным, что ее издатели выступают за право на жизнь только для своих.

В этой ненависти к врагам ЛИКА преступает границы закона. В том же "Друа де вивр" за март 1979 г. читаем: "Франсуа Бриньо вреден для цивилизованного общества. По экологическим соображениям его надо бы лишить права писать глупости". Названный Бриньо, который пишет в "Минют", получает полное право выражать такие же пожелания в отношении ЛИКА. "Друа де вивр" заходит и еще дальше: "Те, кто идет по стопам Даркье де Пельпуа, долго не проживут" (декабрь 1978 г.). ЛИКА присваивает себе право указывать, кто, по ее мнению, идет по стопам Даркье, и угрожать им смертью. По-моему, это подсудное дело.

Я считаю, что ЛИКА не имеет права претендовать на роль стража исторической истины. Она путает ее с политической пропагандой, а это очень неприятная смесь жанров.

Глава V. Ревизионизм за рубежом

Дело Фориссона имело отзвуки за рубежом. Но, чтобы оценить их значение, следует знать, что разные авторы выражают весьма различные точки зрения, на которые огулом наклеивается ярлык ревизионизма. Пока нет полного обзора этой литературы, отнюдь не равной по качеству, но есть возможность рассказать об условиях, в которых разворачиваются эти "дебаты" или эти "дела".

Особую остроту эти проблемы имеют в Германии. Там опубликованы некоторые ревизионистские книги, но у их авторов много неприятностей. У Тиса Кристоферсена подожгли дом. Вильгельму Штеглиху, судейскому чиновнику на пенсии, на пять лет уменьшили на 20% пенсию. Книга Штеглиха, немецкий перевод книги Бутса и ряд других признаны "опасными для молодежи" и занесены в "Индекс запрещенных книг". Имеют место также запреты на профессии (случай Удо Валенди, профессора истории, и ряд других), судебные процессы и т. д. Эти репрессии обрушиваются на тех, кто высказывает особые мнения в настоящий момент, а не на тех, за кем числятся какие-то грехи в прошлом. Все это меня весьма удивило, поскольку я много читал о том, как в ФРГ обеляют бывших нацистов, предают их дела забвению, проявляют мягкость, когда судят нацистских преступников (пример - дело Лишки и его адъютанта Генрихсона). Здесь сосуществуют два аспекта. С какой стати ФРГ должна отказываться от услуг тех людей, которые составляли административный и экономический костяк гитлеровской Германии? Членство в НСДАП было обязательным условием для общественной деятельности. Современные государства вполне могут использовать услуги и опыт подобных людей. Так во Франции в руководящих сферах встречаются бывшие приверженцы Петэна, вроде нашего бывшего министра внутренних дел Марселлена. То же самое происходит с бывшими приверженцами Муссолини, Франко и Салазара. Их оставляют у власти при одном условии: они должны создавать видимость обращения в веру в благодетельность парламентской демократии. Нужно ли подробно рассказывать о фарсе "денацификации", проводившейся союзниками после войны?

Что сегодня преследуют в Германии, как справа, так и слева, так это идейные уклоны. Германия может смириться с тем, что бывшие нацисты и эсэсовцы собираются, чтобы выразить свою ностальгию старых бойцов, но она боится приподнять крышку того ведьмина котла, в котором варятся главные мифы современности. Несколько лет назад газета "Монд" писала, что нынешние немецкие

болезни - следствие того факта, что Германия это страна с телом экономического гиганта и головкой политического карлика. Это устраивает другие европейские державы. Гордиев узел этого противоречия - вопрос о коллективной виновности немецкого народа. Я не буду сейчас вдаваться в детали этого вопроса, отмечу только, что он в Германии четко не обозначен и отнюдь не по соображениям морального порядка. Политическая ситуация, европейский военный баланс, экономическое развитие - вот факторы, которые превращают этот вопрос в музейный экспонат. Есть потребность в унижении Германии как центральной европейской державы, в определенной политической философии истории, которая это оправдывает.

Поэтому дискуссии пресекаются. Вот два примера. Английский историк Дэвид Ирвинг написал на немецком языке для берлинского издательства Шпрингер книгу под названием "Гитлер и его полководцы". Он корректировал гранки, но после выхода книги заметил, что его текст сильно сокращен и переделан. Надо сказать, что Ирвинг, который не ставит под сомнение тезис о Холокосте, а сосредоточил свое внимание на личности и действиях Гитлера, не нашел никаких доказательств того, что Гитлер несет ответственность за массовое уничтожение евреев. Об этом он и написал, добавив, что, поскольку массовое уничтожение имело место, должен быть и виновный в этом, и пришел к выводу, что это, несомненно, Гиммлер, который скрыл все это от своего фюрера. Вопрос в том, к какому выводу он придет, когда изучит более внимательно карьеру Гиммлера. Издатель, несомненно, счел, что Ирвинг выступает в роли апологета Гитлера, и взял на себя переделку текста. Автор заявил протест и потом опубликовал свою книгу на английском языке (Д. Ирвинг. Война Гитлера. Викинг Пресс, Нью-Йорк, 1977), с комментариями в своем предисловии насчет немецкого издательства Ульштейн:

> "Руководители издательства сочли многие мои аргументы неприемлемыми и даже опасными. Не известив меня, они убрали их или совершенно видоизменили. В их печатном тексте Гитлер не говорит Гиммлеру, что ликвидации евреев быть не должно (30 ноября 1941 г.), а говорит, что нельзя публично употреблять слово "ликвидация" в связи с программой уничтожения евреев. Вот как фальсифицируют историю! На мое предложение опубликовать факсимиле записки Гиммлера ответа не последовало. Я запретил всякую новую перепечатку этой книги через два дня после ее выхода в Германии. Оправдывая свои действия, берлинские издатели заявили, будто в моей рукописи выражались взгляды, которые были бы вызовом установившемуся в их стране историческому мнению".

Гельмут Дивальд весьма известный в Германии историк, автор биографии Валленштейна, имевшей большой успех, редактор "Энциклопедии европейской истории" (1975), которая также была очень хорошо принята, и профессор университета в Эрлангене. В 1978 г. он опубликовал "Историю немцев". Первая реакция, в частности, канцлера Шмидта, была очень хорошей, но потом с яростными нападками на эту книгу выступил "Шпигель" и было за что. Автор отказался от "криминализации" немецкой истории. Признавая чудовищность гитлеровских преступлений, он констатировал, что тяжесть коллективной виновности сделала Германию больной, и что союзники несут тяжелую ответственность за то, что они расчленили Германию и оторвали ее от ее прошлого, чтобы усилить свое влияние. Тезисы явно спорные, типичные для правых. Полемика была бурной и до сих пор не вошла в нормальное русло. Были комментарии и во французской прессе. В "Фигаро Магазин" от 12 марта 1979 г. было упомянуто только второе издание. В "Монде" от 5 июля 1979 г. появился запоздалый, ядовитый и анонимный намек Альфреда Гроссера: "Вся совокупность неприглядных фактов показывает, что надо продолжать говорить о плохом прошлом, чтобы его оправданием не занимались не только те, кто помешан на антисемитизме, но и люди вроде того известного историка, который опубликовал скандальную историю Германии в одном известном немецком издательстве". У биологов подобные теории называются фиксизмом.

Давление было столь сильным, что берлинское издательство "Пропилеен" (также входящее в концерн Шпрингер) изъяло эту книгу из продажи и переиздало в феврале 1979 г. полностью изменив текст трех страниц, на которых шла речь об "окончательном решении" еврейского вопроса. Были выброшены, в частности, следующие фразы:

> "После того, как было выдвинуто обвинение, согласно которому Гитлер через Гиммлера и Управление безопасности Рейха отдал СС приказ физически уничтожить европейских евреев, проблема Освенцима остается окруженной сплошным мраком, тем более что Освенцим выполнял еще одну важную функцию после капитуляции в 1945 г. в общем контексте морального унижения немцев (стр. 164). Об этих фактах (массовых депортациях евреев на Восток), об ужасном попрании человеческих прав, жертвами которого были евреи при III Рейхе, после 1945 г. было написано много, но многие утверждения не опирались ни на какие доказательства, а лишь цинично преувеличивали весь этот позор. Одно из самых ужасных событий современной эпохи эксплуатировалось с помощью обмана, мистификаций и

умышленных преувеличений с целью полной дискредитации немецкого народа (стр. 164)".

Далее он вдается в некоторые детали истории Освенцима-Бжезинки, детали, которые также были убраны из текста, чтобы он звучал совсем по-иному. Правая пресса подняла крик о цензуре (см. статью "Почему профессор Дивальд не должен писать правду" в "Дойче Националь Цайтунг" от 2 марта 1979 г.) и имела на это полное право.

В новом издании был еще один фотоснимок: ряды трупов в концлагере Нордхаузен "в конце Второй мировой войны". Я нашел почти идентичный снимок на стр. 227 сборника "Депортация", изданного в 1968 г. Национальной федерацией депортированных, интернированных и патриотов Сопротивления. Под этим снимком была такая подпись: "В Нордхаузене, который 4 апреля был подвергнут бомбежке американской авиацией, куски трупов усеивали двор казармы Бельке (снимок был сделан американскими службами 15 апреля 1945 г.). Перед своим отходом эсэсовцы добили раненных". Таким образом, узники сначала стали жертвами американских бомб. В немецком издании могли быть помещены и другие ужасные снимки лагерей. Но следовало уточнить, что в данном случае многие узники стали жертвами войны. Но в немецком издании этого уточнения нет.

В своем интервью, которое профессор Дивальд дал газете "Ди Вельт" 20 ноября 1978 г., между двумя изданиями, он дал пояснения по многим темам ("криминализация истории народа как причина его болезни", вопрос о коллективной ответственности, Аденауэр и раздел Германии, немецкая самобытность). Представляется интересным процитировать один вопрос и ответ на него.

> "Ди Вельт": Считаете ли Вы сами, что важные проблемы современной истории отнюдь не освещены окончательно, как обычно думают? И о еврейском вопросе Вы пишете, что "несмотря на все обилие литературы остается еще несколько неясных моментов".
>
> Дивальд: Нас не может удовлетворить многое из того, что до сих пор опубликовано, и то, каким образом все это подается. Целые темы нужно переписывать. Решающий вопрос это документация. Самая важная часть современных документов нам все еще недоступна, и нас ждет еще много сюрпризов. Русские еще не опубликовали ни одного документа, французы тоже держат свои архивы закрытыми, американцы дают нам документы выборочно, с большой осторожностью. Мы все еще остаемся под опекой.

Уходит Дивальд, входит Беннет. Действие переносится в Австралию. Джон Беннет - секретарь Совета по гражданским правам провинции Виктория с 1966 г., с момента его основания. Это своего

рода лига прав человека, но более активная, более близкая к повседневной действительности, чем наша. Как известно, англо-саксы более чувствительны, чем мы, когда речь идет о защите прав личности, и Беннетт, адвокат, очень активен в этой области. На австралийской политической сцене он принадлежит к левым. В конце 1978 г. он распространил среди университетских профессоров и журналистов Мельбурна книгу Бутса, сопроводив ее меморандумом, который был сразу же опубликован в "Нэшнл Таймс" 10 февраля 1979 г.

1) Никого никогда не обвинили в убийстве хотя бы одного человека из двух, четырех или шести миллионов, якобы погибших в газовых камерах, т. е. никого не обвинили в том, что он открывал банки с газом Циклон Б.

2) Нет фотоснимков трупов в газовой камере, хотя говорят, будто в разных лагерях газовые камеры использовались 10000 раз.

3) "Газовые камеры" Освенцима невозможно исследовать, поскольку, как объяснил Рейтлингер, они были демонтированы, увезены в другой лагерь и "забыты".

4) Главные доказательства убийств в газовых камерах, представленные в Нюрнберге, это показания Гесса и Герштейна, столь же недостоверные, как и заявления обвиняемых на московских процессах 1936-38 гг.

5) Ватикан, Красный Крест, английские и немецкие разведслужбы (а Канарис и Остер были также английскими агентами), а также деятели немецкого сопротивления (люди из высшего общества) не слышали разговоров о газовых камерах или не верили им.

6) Никто не пытался ответить на аргументы Бутса.

7) Нет никаких сведений о газовых камерах ни в одном из захваченных немецких документов; хранилища союзников набиты нацистскими документами и фильмами, а мы должны полагаться на "признания" Гесса.

8) Он сказал в марте 1943 г., что два миллиона евреев уже убиты и еще четыре будут убиты. Это странно точное предсказание цифры 6 млн., названной в Нюрнберге.

9) Фотоснимки, использованные союзниками для доказательства убийств в газовых камерах, это снимки умерших от тифа и дистрофии в Дахау и Бельзене.

10) Циклон Б использовался немецкой армией и во всех концлагерях как дезинфицирующее средство, в частности, для борьбы с тифом. Нормальной процедурой для вновь прибывших во всех лагерях были душ и дезинфекция одежды. Много людей умерло в лагерях, и их трупы сожгли для предотвращения эпидемий.

11) Союзники не бомбили лагерь в Освенциме, потому что не верили, что это лагерь уничтожения. Союзники внимательно наблюдали за этим огромным промышленным комплексом, потому что

это был самый передовой по технике центр изготовления синтетического каучука, в котором США очень нуждались после Перл Харбора.

12) Невозможно определить число евреев, погибших в результате нацистской политики, потому что Всемирный еврейский конгресс отказался провести после войны перепись евреев. Возможно, что от 700 тысяч до полутора миллионов евреев погибли от дурного обращения, дистрофии, тифа, уничтожения гетто, репрессий, произвольных убийств и "медицинских опытов".

13) Люди вроде Симона Визенталя преследуют ответственных за окончательное решение путем эвакуации на Восток (например, Эйхмана) и нацистских врачей (например, Менгеле), но не преследуют эсэсовцев, которые якобы убили газом Циклон Б в Освенциме от двух до шести миллионов человек.

Австралийцы (не им учить нас цивилизации!) возымели странную идею обсуждать этот вопрос в прессе. Полемические письма, возмущенные статьи были опубликованы в самых больших газетах. Никого не привлекли к суду за высказывание своих взглядов. Это доказывает, что родина кенгуру безнадежно отстала.

В Италии пресса много писала о деле Фориссона. 19 апреля 1979 г. телевидение итальянской Швейцарии в Лугано пригласило Робера Фориссона и Пьера Гийома на дискуссию с Энцо Коллотти (автором книги "Нацистская Германия"), Вольфгангом Шеффлером (сотрудником Института современной истории в Мюнхене, экспертом немецких судов), а также Рольфи и Тедески (узницами Равенсбрюка и Освенцима). Дебаты, рассчитанные на час, длились два часа 50 минут и нарушили все программы. В связи с интересом публики передача была повторена 6 мая. Итальянская пресса широко комментировала эту передачу (которую можно было принимать во многих районах Италии) примерно так же, как и французская. После этой передачи Антонио Питамиц, сотрудник журнала "Сториа иллюстрата", предложил Фориссону письменное интервью. Текст появился в августе и снова вызвал волну комментариев. Дебаты продолжались в нескольких номерах. Может быть, у итальянцев менее отягощенное сознание, чем у французов, и им легче обсуждать такого рода вопросы?

Наконец, в США в университетских кругах ходит петиция, требующая для Фориссона права беспрепятственно продолжать свои исследования. В числе прочих ее подписали Ноам Хомский и Альфред Лилиенталь. Всего на 31 октября 1979 г. под ней поставлено 500 подписей иностранцев.

Приводим оригинальный текст этой петиции:

"Д-р Робер Фориссон более четырех лет был уважаемым преродавателем французской литературы XX века и критики документов во 2-м Лионском университете во Франции. С 1974 года он провел обширное независимое историческое исследование по вопросу о т. н. Холокосте.

После того, как он начал публиковать результаты своих исследований, профессор Фориссон стал жертвой постыдной кампании запугивания, клеветы и физического насилия. Этими грубыми средствами его пытаются заставить замолчать. Запуганные чиновники даже пытаются помешать его дальнейшим исследованиям, закрывая ему доступ в публичные библиотеки и архивы.

Мы решительно протестуем против этих попыток лишить профессора Фориссона свободы слова и выражения своего мнения. И мы осуждаем постыдную кампанию, цель которой - заставить его замолчать.

Мы решительно поддерживаем право профессора Фориссона на академическую свободу и мы требуем, чтобы университетские и правительственные чиновники сделали все возможное, чтобы обеспечить его безопасность и его законные права".

Глава VI. О необходимости дела Фориссона

Дело Фориссона или, чтобы придать ему его подлинные размеры, вопрос о том, что на самом деле произошло во время войны в некоторых нацистских концлагерях, - не первый акт той трагикомедии, которую представляет собой эволюция коллективных представлений публики о мире концлагерей. Во Франции прологом были книги, написанные Полем Рассинье, - "Ложь Одиссея", "Настоящий процесс Эйхмана или неисправимые победители" и, прежде всего, "Драма европейских евреев", где он разоблачил некоторые главные свидетельства о газовых камерах и основательно исследовал статистические данные, касающиеся числа исчезнувших членов еврейских общин Европы, в частности, у американца Хилберга в его книге "Уничтожение европейских евреев" (Чикаго, 1961). Поздний и полемический текст Джорджа Уэллерса "Окончательное решение и неонацистская мифомания" ("Ле Монд жюиф", Париж, № 86, апрель-июнь 1977) дает лишь частичные ответы. Его автор остается в плену традиционного прочтения и толкования документов, опровергнутых еще Рассинье.

Рассинье подвергли яростным нападкам, и он вынужден был публиковаться у крайне правых. Переиздавая "Ложь Одиссея", сотрудники издательства "Ла Вьей Топ" заявили: "Те, кто упрекал Рассинье в том, что он публиковался у крайне правого издателя, хотели бы, чтобы он вообще не публиковался". Я признаю, что в его книгах есть резкие высказывания и спорные утверждения. Но спорить не значит отвергать или поносить. Когда-нибудь придется реабилитировать Рассинье.

Говорят, он выступил слишком рано. Фориссон 15 лет спустя тоже выступил слишком рано? Горизонт немного изменился. Как сетуют некоторые еврейские издания, исчезают "психологические табу, воздвигнутые вокруг евреев и иудаизма". Это объясняется "стиранием в коллективной памяти воспоминаний о нацистском геноциде и постепенным ослаблением чувства вины, которое до сих пор испытывали неевреи. Одним словом, геноцид себя больше не окупает и наши бедные мертвые не дают нам больше морального права на то, чтобы шесть миллионов раз заслуженно покарать Запад". (П. Жерар "Реквием по обретенной идее". "Энформасьон жюив", № 288, Париж, январь 1979). И в самом деле: во имя чего послевоенные поколения должны чувствовать себя виновными в политических действиях, совершенных не ими? Нацистские преступления совершены гитлеровцами и их сообщниками, и нельзя обвинять в них тех, кто зарекомендовал себя в качестве антифашистов и антирасистов.

Другая причина постепенного исчезновения упомянутых табу - позиция Израиля по палестинскому вопросу. До шестидневной войны французское общественное мнение было пропитано своего рода индуцированным сионизмом: преступлению Освенцима соответствует вознаграждение в виде существования государства Израиль, вокруг которого создавался мифический образ пацифистского и почти социалистического государства. Возникновение палестинского вопроса и категорический отказ израильтян, а вместе с ними и сионистов даже пытаться искать пути решения проблемы массового изгнания арабского населения открыли подлинное лицо Израиля: милитаризм, нетерпимость, бомбежки гражданского населения, коллективные репрессии, политические убийства, агрессивная и твердолобая политика создают иной образ Израиля, несовместимый с идеей вознаграждения, причитающегося евреям за несправедливости гитлеровской Европы по отношению к ним. Угнетенные стали угнетателями. Так проходит мирская слава.

Эта тема заслуживает развития, но я хочу пока просто констатировать, что в результате ослабления некоторых табу сфера публичных дискуссий распространилась после 1967 г. на политику Израиля и сионизм. Иными словами, оскорбительные обвинения в антисемитизме, которые предъявлялись критикам сионизма, больше не принимаются всерьез и не мешают дебатам. При виде реакции, вызванной делом Фориссона, можно задать себе вопрос, есть ли шанс, что образуется такой же простор и для дискуссий о реальности, деталях, размахе и способах гитлеровских преследований. В настоящий момент ситуация заморожена по причине усилий тех, кто хотел бы забальзамировать память, навязать уважение к необъяснимой исторической картине. Некоторые начинают верить, что мы присутствуем при рождении новой религии, религии Холокоста, имеющей свои догмы и своих служителей. Я же со своей стороны убежден, что имеет место некое отклонение, что скорее те, кто задает вопросы, смогут открыть смысл страданий жертв тирании. Арсенал чествований, памятников и прочих мемориалов всего лишь извращение настоящей памяти.

На левых интеллектуалах лежит большая ответственность. Выбор очень прост: или укреплять завоеванные позиции, довольствоваться официальной историей, не обращая внимания на все ее пробелы и отходы, и ждать нашествия варваров или дать место критической оценке и согласиться с идеей, что необходимо переосмысление событий недавнего прошлого, которые служат основанием современного мира. До сих пор реакция была в целом негативной. Мой опыт в этой области можно резюмировать следующим образом: когда касаешься этого вопроса, опираясь на старые знания, первой реакцией бывает шок (это же произошло со мной). Затем, после периода разъяснений, который может быть

различным по длительности, оппоненты начинают соглашаться, что есть проблема исторического знания, что вопрос может быть поставлен. Но вопрос сразу же перемещается в другую плоскость: "Допустим, вопрос поставлен. А ты подумал о последствиях? Это же на руку неонацистам, это значит, опять встанет еврейский вопрос, это значит то, это значит это..." Иными словами, важность истины (к которой мы еще только приближаемся и не знаем, какой она будет) целиком подчиняется вопросу о том, кто и каким образом может ее использовать.

К этому все и сводится у наших клерков свободомыслия: речь идет о товаре, стоимость которого зависит от его потребления. Перед лицом утверждений Фориссона, которые кажутся мне явно провокационными, интеллигенция торопится продать свои собственные принципы. Газеты, журналы, издатели, печатники - все объявляют себя некомпетентными. Они имеют право это делать. Я не говорю о страхе, потому что они отвергают саму идею, будто они боятся вступать в спор. Следовательно, благодаря удивительной свободе, которой мы пользуемся под бдительным надзором левых, у нас остается выбор - прибегнуть к старому доброму средству - к "самиздату".

Мы могли бы также издаваться у наших политических противников, и левые будут думать, будто нас снабжают неисчерпаемыми средствами. Жаль, но нам придется отказаться от таких великодушных предложений. Стоит лишь на момент представить себе эту ситуацию и ее последствия. Кто сможет выйти из нее морально незапятнанным?

12 ноября 1979 г.
Серж Тион.